Сэйдж Блэквуд

Джинкс

Абрикобукс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой этой истории, мальчик Джинкс, вырос в Урвальде – сверхъестественном, первобытном лесу, полном опасностей. Главное правило жителей леса – не сходить со знакомой тропы, чтобы не попасть в лапы голодных троллей, коварных оборотней, ведьм и чародеев. Герою предстоят волнующие испытания, в ходе которых он взрослеет, закаляет характер и открывает в себе необычные качества. Новые приключения ждут читателей в книгах «Магия Джинкса» и «Пламя Джинкса». Трилогия «Джинкс» получила множество международных наград. Издается в России впервые.

- Сэйдж Блэквуд
  -
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
  - Глава двадцать третья
  - Глава двадцать четвертая
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28

Сэйдж Блэквуд
Джинкс. Книга первая

Посвящается Дженнифер Швабах,
потому что это история
как раз в ее духе

Перевод: Сергей Ильин
Предисловие: Ася Кравченко
Иллюстрации: Никита Голубев

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Lisa Dawson Associates (США), при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Karen Schwabach, 2013
© С. Б. Ильин, 2014
© Н. С. Голубев, 2015
© ООО «Издательство «Абрикос», 2015

Предисловие
Новая старая сказка

«Джинкс» – первая детская книжка американской писательницы Карен Швабах, которая предпочитает говорить с детьми от имени Мудрого Черноголеса (так переводится ее псевдоним Sage Blackwood), и первая книжка трилогии о мальчике-маге. Чем закончится история, пока не знают даже американские читатели, – заключительная часть трилогии «Пламя Джинкса» (Jinx's Fire) выйдет в марте 2015 одновременно с первой в России в издательстве «Абрикобукс». Книжкам иногда удается то, что не удается политикам: стереть границы. Русские, англичане, канадцы, а также немцы и израильтяне будут читать и размышлять над этой книжкой в одно и то же время.

Мальчик Джинкс (что переводится как *сглаз*) – традиционный для англоязычной литературы герой-сирота, наделенный уникальными способностями. Впрочем, до поры до времени Джинкс не осознает свою уникальность. Вся жизнь его складывается неудачно, и куда бы он ни попал, все идет не так. Сам герой мрачно полагает, что приносит лишь несчастье.

Возможно, действует его недоброе имя, возможно, заклятье. В шесть лет он уже старается быть незаметным и работает не покладая рук, но приемные родители хотят от него избавиться. Он – лишний рот в неурожайный год. Приемный отец отводит шестилетнего ребенка в Урвальд (темный лес), где оставляет на произвол судьбы.

В повествовании то и дело угадываются отсылки к традиционным детским сказкам. Однако история Джинкса вовсе не традиционная и вовсе не детская. Достаточно сказать, что в книжке нет однозначных персонажей. Добро и зло перемешаны и растворены в лесу, в воздухе, в героях. Несмотря на то, что история написана в жанре фэнтези, в ней, что не характерно для этого жанра, очень объемно и достоверно прописаны характеры и переживания героев. Джинкс решает обычную задачу подростков – ищет свое место в мире. Решения, которые он принимает, неочевидны и непросты. И реалистичность, пожалуй, – главное достоинство этой сказки, моделирующей современный сложный мир с его людоедскими законами.

Джинкс оказывается в Урвальде, где человек – мелкая букашка, которая может служить лесу кормом. Блэквуд ненавязчиво предлагает читателю выйти за пределы собственной эгоцентрической позиции. Человек должен с уважением относиться к лесу, иначе лес может отомстить. Экологический посыл очевиден. Однако есть и еще один уровень прочтения. Главное правило в лесу – «Не сходи с тропы». Но именно сойдя с тропы, Джинкс начинает жить. Думаю, не будет преувеличением сказать, что Урвальд – метафора человеческих страхов. Лес живет по своим законам и кишит всякими тварями: большими и маленькими, опасными и, временами, смешными. Задача главного героя – научиться жить со своими страхами, научиться находить от них защиту. Поначалу защитить может только взрослый. Мальчишку возьмет к себе чародей Симон. Джинкс поселится в доме с двадцатью семью кошками, будет учиться магии и взрослеть.

Ученичество и отношения с учителем – отдельная тема. Джинкс умеет то, что недоступно учителю, – он слышит лес и буквально видит эмоции другого человека. Кроме того, Джинкс на удивление быстро и легко овладевает языками и становится универсальным переводчиком, который говорит с любым встречным на одном языке. Но учитель не обращает внимания на эти успехи. Ученик ему в этом плане не интересен. У Симона свои виды на Джинкса, о которых он даже не считает нужным ему рассказать. Учитель даже случайно лишит Джинкса одной из способностей, добиваясь какой-то только ему ведомой цели.

Блэквуд с иронией воспроизводит весьма распространенную модель взаимоотношений родителей с детьми: родители лучше знают, что нужно ребенку.

Нельзя не упомянуть иронию и черный юмор, которыми искрится книжка: «Костоправ высасывает из людей души через соломинку. Ты тоже? – У меня имеются кой-какие дурные привычки, – ответил Симон. – Но эта среди них не числится».

После нескольких лет ученичества Джинкс вновь уйдет в Урвальд. Там он встретит двух таких же, как он, подростков, каждого со своим заклятьем. И противоречия, которые должен разрешить Джинкс, возрастут втрое.

Однажды, странствуя по лесу, Джинкс найдет родную деревню – свою прогалину, и с удивлением обнаружит, что там ничего не изменилось. Но то, что казалось родным, и то, что мальчик так боялся оставить, покажется убогим и примитивным.

«Джинкс был готов повидать мир», – так кончается первая часть трилогии. Похоже, мы также будем рады дорисовать карту Урвальда и отправиться в новое путешествие вместе с Джинксом.

Ася Кравченко

Глава первая
Джинкс

В Урвальде[1] ты либо вырастаешь быстро, либо не вырастаешь совсем. Джинкс [2] уже к шести годам научился жить тихо и опасливо, втискиваясь в пустоты, оставляемые телами других людей, даром что хижина, в которой он жил с приемными родителями, на самом деле принадлежала ему. Джинкс унаследовал ее после того, как отца его слопали волколаки, а мать утащили эльфы.

Ну а потом пролетавшая мимо жар-птица обронила искру, и хижина за несколько минут сгорела дотла. Жившие на прогалине люди построили взамен другую, однако эта новая хижина уже была *не его*. И отчим с мачехой, Бергтольд и Коттавильда, чувствовали это… ну прямо-таки всей душой. Помимо прочего, урожай в ту осень поспел никудышный, и зима ожидалась голодная.

В таких случаях обитатели прогалины обычно начинали бросать на детей, которые казались им лишними, особые, оценивающие взгляды.

А Джинкс и вправду стал лишним, потому как у Бергтольда с

Коттавильдой народилась их собственная малютка. Чтобы искупить преступление, которое он совершал одним уж тем, что жил на свете, Джинкс работал не покладая рук и старался есть не слишком много. Проглотит, бывало, перед сном ложку жабьей кашицы, а остальное отдаст малютке. Тем не менее отчим с мачехой пришли к заключению, что Джинкс доставляет им слишком много хлопот, да и расходов требует непомерных.

И вот одним осенним вечером Бергтольд велел Джинксу надеть куртку, и оба они, покинув прогалину, на которой жили, углубились в лес. И пошли по тропе, юлившей между огромными деревьями – каждое не меньше хижины в обхвате. А потом Бергтольд с тропы соступил.

Джинкс остановился.

– Чего ждешь? – взревел Бергтольд. – Пошли!

– «Н-никогда не сходи с тропы», – пролепетал Джинкс. Это правило каждый ребенок Урвальда затверживает, едва научившись ходить.

– Ну а мы с нее сходим! – Бергтольд сцапал Джинкса за грудки, двинул его в ухо, потом в другое и сволок с тропы.

Джинкс забился в руках отчима. Оставлять тропу было *неправильно.* Тропа и прогалины Урвальда принадлежали, да и то еще как сказать, людям. А все остальное – деревьям. И всякий, кто решался покинуть тропу, был обречен.

Бергтольд еще раз стукнул Джинкса, толкнул что есть мочи и погнал в лес. Джинкс шел, уши его горели. Пробирался сквозь густой сумрак Урвальда, а Бергтольд время от времени подталкивал его то влево, то вправо, заставляя огибать новое огромное враждебно настроенное дерево, и Джинкс думал: отчим хочет запутать меня, чтобы я больше не смог отыскать тропу.

– Стой!

Джинкс остановился сразу, не желая получить очередную оплеуху. Может, Бергтольд надумал убить его?

– Сядь и сиди на месте, пока ночь не придет, а не то пожалеешь, что народился на свет.

Об этом Джинкс и так уже жалел. Однако сел на моховую подушку – там, где велел отчим. И почувствовал, как из земли сочится недовольство Урвальда.

– Вот и ладушки. Покедова.

Бергтольд повернулся, чтобы уйти. И застыл, озираясь, на месте. Пошел было в одну сторону, но остановился, вернулся назад и двинулся в другую. И снова вернулся.

Покосился на Джинкса.

– Ты, того, случаем, не помнишь, откуда мы пришли?

– Нет, – ответил Джинкс.

– Ага, – промолвил Бергтольд. И покивал сам себе, словно размышляя о чем-то.

«Заблудился, – подумал Джинкс. – Мы оба заблудились».

– Хотя в какой стороне тропа, я, кажется, знаю, – отважился сказать он.

– Ага! Ну, и чего ты расселся, как дурак, на земле? Показывай дорогу, мальчишка!

Джинкс торопливо поднялся и пошел. На самом деле никакого понятия, где тропа, он не имел. Но, по крайности, шагать с Бергтольдом за спиной казалось ему безопаснее, чем сидеть одному в угрожающем сумраке Урвальда. А возможно, еще и под взглядами оголодавших тварей, которые прячутся среди ветвей.

Обогнув огромный, весь в наростах древесный ствол, Джинкс как раз в какую-то тварь и врезался – и завопил с перепугу.

– Успокойся, мальчик, я тебя не съем, – сказала тварь.

И поскольку в Урвальде такие слова услышишь нечасто, Джинкс успокоился. Тварь оказалась мужчиной – высоким, худым, со спутанными волосами, желтыми глазами и бородкой клинышком. Одет он был в длинную пурпурную мантию. Босые узловатые ступни, а в руке корзинка с ягодами омелы.

Чародеев Джинкс еще не встречал. Все говорили, что у них длинные белые бороды, а не короткие, каштановые и заостренные. Однако волшебство прямо-таки истекало из этого мужчины – волны волшебства, сильные, как биения жизни, исходившие от деревьев, что стояли вокруг.

– Вот, гуляю с моим мальчишкой по лесу, господин, – сказал отчим Джинкса, слишком поспешно и даже не поздоровавшись.

В Урвальде распространяться о своих делах не принято, и потому нос чародея дернулся, словно различив дурной запашок вранья.

– Слишком позднее время, чтобы сходить с тропы, – промолвил он.

– Так надо ж научить мальчишку отыскивать дорогу в лесу.

Нос чародея дернулся снова. В этом лесу научиться отыскивать дорогу невозможно – можно только не соваться в него.

– Кое-кто бросает в лесу своих детей, – заметил чародей. – Если находит, что кормить их слишком хлопотно.

– Ну, не своих же родных! – сказал Бергтольд. – Пасынков – это да, о таком я слыхал.

Взор чародея заволокла темная пелена неодобрения.

– Если берешь в жены мать, принимай и детей.

– Да я-то его мать в жены *не брал,* – обиженно сообщил

Бергтольд. – Она не один уж год как померла. Я взял за себя бабу, которая приходилась женой мужику, который был мужем вот его матери. На этом мальчишке проклятье лежит, – кто берет его к себе, тот помирает.

– Ну на самом деле вполне нормальный для Урвальда уровень смертности… – и чародей взглянул на Джинкса так пристально, что тому захотелось куда-нибудь спрятаться. – Вообще-то мне как раз нужен мальчик. Я возьму его.

– Вы хотели сказать «куплю», – поправил его Бергтольд.

– С проклятием в придачу?

– С проклятием-то он куда дороже стоит!

– Говоришь, всякий, кто берет его к себе, умирает?

– Так, оно же вам, глядишь, и на руку, – сказал Бергтольд. – Ну, там, врага при случае извести…

Чародей вздохнул.

– Хорошо. Плачу серебряную полу́шку[3].

– Полушку? За такого мальчишку – да жалкую серебряную полушку? – Бергтольд приосанился. – За мальчишку с таким полезным проклятием? Обижаете, господин!

По лицу чародея скользнул отсвет опасного гнева, и Джинкс

бросил на отчима нервный взгляд. Бергтольд был, как и всегда, испуган и зол, но по страху его пробегала зыбь жадности.

– Серебряная полушка – хорошая цена за мальчишку с проклятием, – сказал чародей.

Где-то за спиной Бергтольда раздался треск – такой, точно отвалившийся от дерева сук переломился под очень большой ступней. Джинкс тревожно вгляделся в пугающий мрак. Однако отчим его был слишком возбужден и ничего не услышал.

– Такой мальчишка стоит три серебряных полушки – самое малое! – заявил он.

Для Джинкса это было большим сюрпризом: Бергтольд с Коттавильдой неустанно твердили ему, что он и гнилого капустного листа не стоит.

– А работник-то какой! Особенно если колотушек не жалеть, – продолжал Бергтольд. – И кормить его почти не надо.

– Ну, что ты его не кормил, я вижу, – заметил чародей. – Одна полушка, больше не дам.

Снова треск ломающихся сучьев, глухое шкрябанье когтистых лап по лесной земле. Джинкс посмотрел туда, сюда, но никакого движения не различил.

– Ладно, две полушки, – уступил Бергтольд.

– Одна, – ответил чародей, и в голосе его вдруг прозвучало полное безразличие. – И лучше бы тебе согласиться побыстрее.

– Ни за что!

– Подойди ко мне, мальчик, – велел чародей.

Тут случилось много чего и сразу. Джинкс неуверенно шагнул вперед. В лесу за его спиной к поступи когтистых лап добавился звук тяжелого, прерывистого сопения, и Джинкса обдал густой смрад, как от гниющего мяса. Крутнувшись на месте, он увидел троллей – наверное, троллей, уж больно они были здоровенные и клыкастые, – которые проламывались сквозь чащобу, направляясь к нему и отчиму. Чародей протянул руку, схватил Джинкса. Светло-зеленое облако спокойствия окутывало чародея во время всего, что происходило дальше, и Джинкс, поскольку видел это облако, стоял неподвижно, хоть ногам его и не терпелось дать деру.

Один из троллей с торжествующим ревом сграбастал Бергтольда поперек живота и забросил себе на плечо. Прочие ликующе взвыли и пустились вокруг него в пляс. Когтистая лапа одного пронеслась мимо носа Джинкса, – аж ветер поднялся, а от вони едва наизнанку не вывернуло. Бергтольд завопил и умоляюще протянул руки к Джинксу. Тот отпрянул, прижался к чародею. Чародей стоял не шелохнувшись. Джинкс не сомневался, что с секунды на секунду в него вопьются когти.

Но тролли его, похоже, не замечали.

Вся орава с топотом покинула поляну. Джинкс в последний раз увидел побагровевшее лицо отчима, тот вопил и бился головой о спину тролля, шляпа свалилась с него и покатилась по земле. Джинкс оторвался от чародея и побежал к ней.

Джинкс стоял, держа шляпу в руках и глядя себе под ноги, на отпечатки когтей во мху. Потом поднял голову, пошарил взглядом между деревьями, за которыми скрылись тролли и отчим. Урвальд проглотил Бергтольда – так, словно тот был не крупнее и не страшнее кролика. Зловоние гниющего мяса еще висело в воздухе. И тогда Джинксу пришло в голову, что лесу Бергтольд представлялся пустым местом – или чем-то совсем крошечным. В огромном зеленом море жизни, каким был Урвальд, он решительно ничего не значил.

Мысль эта исходила от самих деревьев. Что же, может быть, для них Бергтольд и был пустым местом. *Их-то* он ни разу не бил.

– Как ты зовешься, мальчик? – ласково спросил чародей.

– Джинксом.

– Надо же, как интересно! Джинкс, значит, – то есть Сглаз, да? Немудрено, что пошли слухи о проклятьи… А я Симон, – представился чародей. – Так это был твой отчим, верно?

Джинкс кивнул.

– Он привел тебя в лес, чтобы бросить здесь?

– Ага, – сказал Джинкс. – Наш дом принадлежал мне, да сгорел. А тут еще появилось новое дитя.

Джинкс не ждал сочувствия, поскольку никогда с ним не встречался. И все-таки реакция Симона слегка удивила его – известие, что Джинкса хотели бросить в лесу, вызвало у чародея улыбку. Ее сопровождало легкое голубое зарево удовлетворения.

И Джинкс с облегчением понял, что видеть чувства, которые испытывает чародей, так же легко, как и чувства других людей. Он давно научился пристально присматриваться к людям, внимательно слушать их. Джинкс полагал, что так делают все, что каждый способен видеть то, что видит он.

– Не думаю, что ты станешь сильно тосковать по нему, – сказал чародей.

Джинкс покачал головой: нет. Не станет. Бергтольда по большей части окружала красная туча гнева, которая предвещала побои. Но что же будет теперь?

– Ты с одной из прогалин? – спросил Симон.

А откуда же еще? Джинкс кивнул.

– Как она называется?

– Называется?

– Что, у твоей прогалины нет названия?

– Не знаю.

У других названия были, однако Джинкс ни разу не слышал, чтобы его прогалину хоть как-то называли.

– А найти ее снова ты сможешь?

Джинкс снова покачал головой: не смогу.

– Превосходно, – сказал Симон.

Он протянул Джинксу длинную худую руку. Джинкс никогда прежде чародеев даже в глаза не видел, и вот, пожалуйста, – один из них сам руку ему сует.

– Хочешь пойти со мной? – спросил Симон.

Начался снегопад. Близилась ночь, Джинкс слышал в окружавшем его лесу украдчивое шуршание, похожее на сдавленный смех. Чародей спас его от троллей. Но, может быть, он сам их и призвал?

– Почему тролли не забрали меня? – спросил Джинкс.

– Они тебя не увидели.

– Это было волшебство?

– Конечно. Так что, пойдем?

Джинкс понимал: когда наступит ночь, в Урвальде ему не уцелеть. Но чародеи – чародеи опасны.

– А ты не Костоправ? – спросил Джинкс. Костоправ был единственным чародеем, имя которого знал Джинкс. На его прогалине о Костоправе все говорили с ужасом, хоть никто его ни разу и не видел.

– Нет. Я не Костоправ. Я всего лишь Симон Волхв[4].

– Костоправ высасывает из людей души через соломинку, – сообщил Джинкс. – Ты тоже?

– У меня имеются кой-какие дурные привычки, – ответил Симон. – Но эта среди них не числится.

– А людей ты ешь? – спросил Джинкс.

– Ни в коем случае.

– Убиваешь их?

– Очень редко. И уж во всяком случае не маленьких мальчиков.

Мысли у чародея были зелеными и голубыми, они скользили одна вкруг другой, изворотливые, потаенные. Однако красными и злыми не были, а это уже кое-что. Да и Урвальд громоздился вокруг, готовый проглотить Джинкса с такой же легкостью, с какой проглотил его отчима.

– Уже почти стемнело. Идешь? – Симон снова протянул руку.

И Джинкс, сделав окончательный выбор, принял ее.

Глава вторая
Дом чародея

Вот так и получилось, что Джинкс поселился с чародеем (возможно, злым) и двадцатью семью кошками в огромном каменном доме, который одиноко стоял посреди собственной прогалины, охраняемый незримыми стражами: чудовищ они не подпускали к нему, зато пропускали кое-каких очень странных гостей.

Насколько странных, Джинкс понял в первый же вечер, после того как они с Симоном весьма удовлетворительно отужинали хлебом, сыром, солеными огурчиками, вареньем, яблочным сидром и тыквенным пирогом.

Они сидели за кухонным столом, который стоял поверх большой низкой каменной лежанки, занимавшей половину кухни и приятно согревавшей их ступни. Со стропил над их головами свисали связки лука, сушеных яблок и тыкв. И повсюду – на бочонках, на полках – лежали кошки, одна даже обернулась вокруг водяного насоса.

– Хватит, мальчик, оставь пирог в покое, а то объешься, – сказал Симон.

– Что ты собираешься сделать со мной? – спросил Джинкс. В то, что чародей не ест людей, он уже поверил – в доме хватало еды повкуснее. Однако полагал, что Симон собирается использовать его для *чего-то*… возможно, чего-то недоброго.

– Сейчас? Отправить в постель. А завтра – приставить к работе, – ответил Симон.

Однако некая часть Симона словно увиливала от этих слов – так, будто они были правдой, да не всей.

– Пошлешь убивать твоих врагов? – поинтересовался Джинкс.

– Нет, от столь ужасной участи я своих врагов, пожалуй, избавлю.

Джинкс рассердился, он не любил, когда над ним подшучивают.

– Каждый, кто берет меня к себе, умирает.

– Полагаю, что да – со временем, – сказал Симон. – Сомневаюсь, однако, что тебе удается ускорить этот процесс. Ты действительно думаешь, что, если я отправлю тебя к Костоправу, он тут же рухнет замертво?

Костоправ был врагом грозным. Джинкс почувствовал облегчение, услышав, что с ним ему дела иметь не придется. И все же…

– Но ведь на мне проклятье лежит.

– Нет на тебе никакого проклятья. Выбрось эту глупость из головы.

– Почему ты не боишься Костоправа? – спросил Джинкс.

– А откуда ты знаешь, что я его не боюсь?

– Вижу, – ответил Джинкс, удивленный вопросом, ответ на который был ясен и так. Стоило лишь упомянуть Костоправа, и мысли каждого человека зеленели от страха. У всех появлялось в головах зеленое, похожее на бутылку пятно, как если бы страх перед Костоправом приходил ко всем одинаково, в виде одной и той же мысли.

– Вот *тебе* бояться Костоправа стоит, – сказал Симон. – Что бы ни случилось, даже близко к нему не подходи.

Тут-то и раздался стук в дверь.

Симон негромко выругался и пошел открывать. Джинкс потащился следом.

Ночь снаружи была лиловая. Снежный шквал налетел и улетел, оставив после себя женщину, – она стояла, опираясь на маслобойку[5] и улыбаясь.

– Дама Гламмер[6], – произнес Симон. – Милости прошу.

«Дама» – это титул ведьмы, так же как «Волхв» – чародея. Джинкс уставился на нее во все глаза. Ведьма ответила ему тем же. Ее маленькие, колючие глазки, казалось, смеялись над

Джинксом. Нос занимал на лице Дамы слишком много места. Ее буйные седые космы, стянутые кверху и кое-как заколотые двумя длинными вязальными спицами, походили на гнездо лесной птицы. Она выпуталась из нескольких отсыревших накидок и сложила их, одну за другой, на руки Джинксу.

– Ах, какой аппетитный маленький бурундучок, Симон! Где ты его раздобыл? Он твой собственный?

Мало ему было чародея, так теперь еще и ведьма – все хуже и хуже. Джинкс покосился на дверь. Снаружи Урвальд, снег и тролли. Внутри – двое волшебников.

– Его зовут Джинксом, – сказал Симон.

– Как мило! Ужасная ночь для путника, Симон, даже если у него есть маслобойка.

– Тогда, полагаю, тебе лучше остаться у меня, – сказал Симон, окутавшись коричневым облачком досады, которая, впрочем, в голос его не проникла. – Присядь, выпей сидра. Пойдем, Джинкс, поможешь мне подготовить гостевую комнату.

Вслед за Симоном Джинкс поднялся по приставной лестнице на чердак, там они собрали одеяла и простыни.

– Никогда не суйся в ту дверь, Джинкс, – сказал Симон, указывая в дальний конец чердака. – Как раз на землю и свалишься.

Они устроили Даму Гламмер на ночлег в самом низу северной башни. Потом поднялись по винтовой лестнице, – кошки так и вились между ног Джинкса, очень им хотелось, чтобы он споткнулся, – и оказались в комнате с еще одной постелью. Симон свалил на нее охапку одеял.

– Предлагаю тебе постелить постель и лечь, – сказал Симон. – Спокойной ночи, Джинкс.

Но Джинкс решил его предложение не принимать. Надо было выяснить, что задумали двое волшебников. Откуда ему знать, может, они собираются превратить его в жабу и сварить из нее колдовское зелье. И Джинкс снова прокрался вниз, стараясь не дышать – из страха, что его услышат.

Симон с ведьмой разглядывали кучку лежавших на столе сухих стеблей.

– Я полагал, что полынь ядовита, – сказал Симон.

Ага, яд?

– О, так оно и есть, – ответила Дама Гламмер. Черные глаза ее уставились на Симона и нетерпеливо вспыхнули. – Но вот этот вид позволяет человеку летать.

Губы Симона недоверчиво покривились:

– Люди летать не могут.

– Ну, хорошо – внушает ему мысль, что он летит.

– А какой в этом прок? – спросил Симон.

Дама Гламмер засмеялась, откинулась на спинку кресла и, распугав кошек, одним махом забросила ноги на стол. Она была в многоцветной лоскутной юбке, доходившей лишь до колен, не ниже, и потому ее ноги в толстых шерстяных чулках выставлялись напоказ всему свету. Симон взглянул на них, нахмурился, однако ноги Дамы Гламмер не обратили на это ни малейшего внимания. Она удовлетворенно глотнула сидра, и на губе ее выросли пенные усы. Дама Гламмер стерла их тыльной стороной ладони.

– Слишком уж ты серьезен, Симон. А иногда можно колдовать и просто ради удовольствия, представляешь?

– Нет, – Симон тоже отпил сидра, но в подробности вдаваться не стал.

– Не думаю, чтобы даже Костоправ умел готовить летательное зелье.

– Он и не умеет.

У ведьмы при имени Костоправа не возникло никакой зеленой вспышки страха – да и вообще ничего. Джинкс, вздрогнув, сообразил, что не видит вокруг нее ни единого облачка. Встречать человека с незримыми чувствами ему пока не доводилось. Значит, она еще опаснее, чем кажется.

– Похоже, история повторяется, не так ли? – промолвила Дама Гламмер. – Ты подыскал себе бурундучка, чтобы слопать его, – точно так же, как *тебя* слопал когда-то…

– Что за чушь – слопал! Вот он я, сижу перед тобой, – однако слова эти сопровождались оранжевым ужасом с рваными краями.

– Где ты его раздобыл, кстати сказать? – спросила Дама Гламмер, кивая в сторону дверного проема, за которым стоял Джинкс.

– Сам пришел, – ответил Симон. – Я разве не велел тебе спать ложиться, мальчик?

– И как ты думаешь его использовать? – спросила Дама. – Не собираешься же ты…

– Будет работать у меня. Порядок в доме поддерживать, – сказал Симон и бросил на ее ноги еще один недовольный взгляд.

– Детки – это такая вкуснятина, – сказала Дама Гламмер. – Вот я как раз прошлой осенью разжилась мальчиком и девочкой. Родители бросили их в лесу… ну, сам знаешь. Я заколдовала свой дом, чтобы он походил на пряничный, и…

Так вот как они это делают! Джинкса всегда занимал вопрос, как это чародеи живут в пряничных домиках, а звери не сгрызают их стены. И что происходит, когда льет дождь.

– Не смешно, – отрезал Симон. – Пугаешь мальчишку.

– Ну, так я же их не съела! Просто уверила, что собираюсь съесть, – и она захихикала.

Но Джинкс подумал, что, может, и съела.

– Так вот, чешуи дракона я тебе за это не дам, – сказал, указав подбородком на полынь, Симон. – Не вижу смысла, Дама. Ты же знаешь, мне приходится покупать ее у самого дракона.

Дама Гламмер усмехнулась:

– А почему бы тебе не отдать мне мальчишку?

– Исключено.

– Для Костоправа его бережешь?

– Разумеется, нет. Не говори глупостей, – и он снова указал подбородком на полынь. – Так как, поторгуемся?

– Что ты мне дашь?

– Если научишь меня заваривать полынь, дам унцию[7] корицы.

– Отлично, – она смела полынь в красную косынку в горошек.

– Пойдем в мою мастерскую, там все и покажешь, – сказал Симон.

В противоположной стене была тяжелая дубовая дверь, – Джинкс полагал, что она ведет в другую башню. Симон направился к ней, но остановился и обернулся.

– В южное крыло тебе вход воспрещен, Джинкс. Там мое жилье, тебе в него нельзя. Понятно?

Джинксу немедля страх как захотелось увидеть запретные покои.

– А почему? – спросил он.

– Потому что там хранятся опасные вещи и потому что я так сказал. А теперь – в постель. И не лежи без сна, беспокоясь насчет пряничного домика, – это неправда.

Симон шагнул за порог, придержав полуоткрытую дверь перед Дамой Гламмер. Джинкс осторожно сунулся вперед, ему не терпелось взглянуть на запретные комнаты. Он на миг увидел холодный каменный коридор, пляску темных теней в дрожащем факельном свете… А больше ничего разглядеть не успел, потому что Дама Гламмер подскочила к нему и сцапала за подбородок.

– Нет, ну совершенный сладенький бурундучок. Какая жалость, что ты попался чародею в лапы!

Пальцы ее сжали щеки Джинкса, и он мотнул головой, высвобождаясь.

– Неужели тебе не интересно, что он думает с тобой сделать?

– Он говорил, что я буду работать у него.

– Сказать тебе, зачем ты ему нужен на самом деле? – ведьма усмехнулась, но понять, дразнится она или нет, Джинкс не мог. Увы, мысли ее оставались невидимыми.

– Ну, скажи. – Он испытывал скорее любопытство, чем страх.

– Попроси, как воспитанный мальчик.

– Скажи мне, пожалуйста, – попросил Джинкс, сердито глядя ей в глаза.

– Маленькие мальчики больше годятся для заклинаний, чем для работы.

– Я никаких заклинаний не знаю.

– Маленькие мальчики полезны как *составные части* заклинаний, – пояснила Дама Гламмер.

Вот тебе и на…

– Так идешь ты или нет? – Симон выглянул на кухню и тут же нахмурился. – Опять мальчишку стращаешь?

– О нет! Он очень, очень храбрый бурундучок.

Дама Гламмер усмехнулась и удалилась вместе со своей полынью в покои Симона.

* * *

Предостережение Дамы Гламмер сильно насторожило Джинкса. Однако проходили недели, а Симон так никакого зелья из него и не сварил, и Джинкс решил, что она все же пыталась его напугать.

К Симону то и дело заглядывали на огонек ведьмы. Джинксу не нравилось, как они хихикают, увидев его. Однако он очень внимательно слушал их разговоры – все больше о заклинаниях, чародействе, а время от времени и о Костоправе. Впрочем, о нем Джинкс ничего нового не узнал, все говорили одно и то же: Костоправ высасывает душу человека через соломинку, а косточки его складывает крест-накрест. У большинства ведьм вокруг голов вились цветные облачка – незримыми чувствами обладала одна лишь Дама Гламмер.

Появлялись у Симона и Странники, но эти в доме не останавливались, а разбивали свои шатры на прогалине, хотя в дом иногда заходили – в уборную. Прежде Джинкс Странников видел нечасто. Они в основном занимались куплей-продажей, а его прогалина была слишком бедна и не представляла для них интереса. Когда они по ночам рассаживались вкруг костра, Джинкс подбирался к ним поближе, но из тени не выходил. Он слушал их рассказы о других прогалинах, о Пути, о чудищах, с которыми они сталкивались (и от которых удирали). Говорили Странники на своем языке, однако Джинкс обнаружил, что понимает его, если внимательно слушает.

Работы было много. Джинкс мел и мыл полы. Доил коз,

собирал снесенные курами яйца, притаскивал в дом дрова. Прогалину и бóльшую часть дома Симона он изучил, насколько смог. И теперь прикидывал, как бы ему взглянуть на запретные покои.

Что до собственной его комнаты, она Джинксу не нравилась. Слишком холодная, слишком на отшибе от всего остального. И потому он соорудил себе под кухонным столом, прямо на каменной лежанке, что-то вроде гнезда из одеял. Кошки разгуливали по нему каждую ночь. Зато в кухне пахло корицей и сидром, древесным дымком и едой.

* * *

Почти уж настала зима, а огорода так пока никто и не перекопал. Из-под тонкого слоя снега торчали старые, почерневшие, мертвые с виду сорняки. Джинкс отыскал мотыгу и принялся за работу.

– Нет-нет-нет!

Из дома выскочил в развевающейся пурпурной мантии Симон:

– Идиот!

Он выхватил мотыгу из рук Джинкса. Тот съежился, однако бить его Симон не стал.

– Ну, и что ты наделал с моими ночецветными вьюнками? – Симон упал на колени. – Им полагалось всю зиму в земле провести.

– Прости, – поспешил извиниться Джинкс.

– Да что там «прости»! – отозвался сквозь зубы Симон. – Помоги мне прикопать их. Они так редки – мне повезло, что я смог их вырастить.

Темное лиловое облако очень дурного настроения окружало Симона, заслоняя солнце. Джинкс тоже опустился на колени и принялся вкапывать растения обратно в холодную, влажную землю. Пальцы его ныли от холода, из носу текло и капало прямо на вьюнки, однако Джинкс продолжал трудиться, не переставая просить прощения.

– Да я не сомневаюсь, что ты хотел как лучше, – отвечал Симон. – Дело вышло дурное, но ведь ты желал добра.

Что нравилось Джинксу в Симоне больше всего, не считая, конечно, его стряпни, так это то, что он никогда Джинкса не бил. То есть ни разу. Что бы Джинкс ни натворил, до какого бы рваного оранжевого или темно-лилового настроения ни довел чародея. До сей поры Джинкс ни с чем подобным не сталкивался.

* * *

Наверху северной башни находилась круглая каменная комнатка с большим темным окном. Казалось, что оно всегда глядит в ночь. Перед окном стояло кресло.

В один зимний день, когда кухню заполняла собой хихикавшая Дама Гламмер, Джинкс поднялся туда и сел в кресло. Он видел в окне свое отражение – тощий, смуглый мальчишка с черными волосами и карими глазами.

Неожиданно окно посветлело – тьма ушла. Джинкс увидел внизу Симонову прогалину, залитую ярким утренним светом. Различил в снегу вмятины от маслобойки Дамы Гламмер. За прогалиной вздымался Урвальд с деревьями высотой в сто футов[8]. В зеленой мгле за ними Джинкс почти ничего различить не смог.

А затем Джинкса резко качнуло вперед, и он вдруг увидел лесную даль. Мимо него, – будто он летел, – так и свистели ветки. Он несся между деревьями на такой скорости, что боялся в любую секунду врезаться в какой-нибудь ствол и расшибиться в лепешку. Потом вдруг снизился и полетел над тропой, едва не чиркая по ней носом. Он видел вмерзшие в землю отпечатки ног, копыт, когтей. А секунду спустя взмыл вверх и углядел за ветвями бежавшую по лесу ватагу троллей. Затем тролли исчезли и появился карабкающийся на дерево медвелак.

И наконец Джинкс повис над прогалиной, разглядывая одетую в красное девочку примерно его лет, – она возилась в огороде, перекапывая на зиму землю. Джинкс с удовольствием понаблюдал бы за ней подольше, но уже снова летел на слепящей скорости среди деревьев…

– Мяу!

На колени ему запрыгнула кошка, и он, совершенно ошеломленный, свалился на пол. Он снова оказался в башне. Покачиваясь и дрожа, встал на ноги – и обнаружил в дверях глядевшего на него Симона.

Чародей указал на окно:

– Ты с ним поосторожнее.

– Что это такое? – спросил Джинкс.

– Дальновидное Окно.

– И как оно работает?

– Чтобы управлять им, необходимо заклинание, – сказал Симон. – Если хочешь присмотреть за кем-то, это существо должно быть связано с другим концом заклинания. Иначе будешь видеть лишь проскальзывающие мимо картинки.

– А могло бы оно показать мне мою прогалину? – спросил

Джинкс. Он не то чтобы тосковал по дому. Не так уж и сильно. Просто думал: хорошо бы посмотреть, как там и что.

– Наверное, если бы захотело, – ответил Симон. Он пристукнул пальцами по окну, небрежно, как будто стекло и не стоило таких денег, каких большинству людей за всю свою жизнь в глаза не видать. – Оно себе на уме. Показывает только то, что хочет. Я так думаю.

– Но наверняка не знаешь? – уточнил Джинкс.

Легкое раздражение полыхнуло вокруг Симона.

– Конечно, знаю. И тебе только что сказал.

Глава третья
Чужие ноги

Пришла и прочно обосновалась зима. Симон подолгу отсутствовал. Уходил куда-то, оставляя Джинкса с кошками, а возвращался нередко в дурном настроении. И все же, когда он сидел дома, жить было веселее. Чародей нагонял на Джинкса страх, но понемногу страх этот становился домашним, пахнущим шерстью и даже уютным на свой манер, как завыванье метели.

Метели Джинкс любил – они внушали Симону желание заняться стряпней. А занявшись ею, он мог продолжать часами – пироги, хлеб, медовые коврижки, суп, компот, печеные яблоки… Джинкс же вертелся поблизости, поднося все необходимое, мóя посуду и чувствуя себя защищенным теплым облаком, которое окружало чародея, – даром что во время готовки тот обычно сердито ворчал.

К ведьмам Джинкс уже попривык. Симон угощал их, внимательно выслушивал все, что они рассказывали о волшебстве, а затем уходил, – как правило, в южное крыло – наверное, испытывать то, о чем они поведали, в деле. По временам Симон запирался там на несколько дней, и тогда

Джинксу было одиноко. Иногда он поднимался наверх, смотрел в Дальновидное Окно – показать ему родную прогалину оно никак не желало, зато, похоже, привязалось к девочке в красном чепце.

Джинкс обзавелся привычкой беседовать с ней. Поскольку слышать его девочка не могла и даже не знала, что он наблюдает за нею, ему приходилось придумывать и то, что говорила она.

– Хотел бы я знать, куда уходит Симон, – говорил ей Джинкс.

Однако девочка знала об этом не больше, чем он.

Какие бы усилия Джинкс ни прилагал, увидеть запретные покои ему так и не удалось. Он исследовал каждый закоулок Симонова дома – осмотрел все, изнутри и снаружи. Даже на крышу сарая, в котором жили куры и козы, залез – и скатился с нее в снег, в первый раз случайно, а потом уж в свое удовольствие. Но в запретное крыло пробраться не смог. Симон всегда держал эту дверь на запоре.

Правда, иногда он приходил среди ночи в кухню, и Джинкс, проснувшись, обнаруживал рядом с собой шишковатые ступни чародея. А обнаружив, с удовольствием вылезал из-под стола, усаживался за него, и они в темноте вместе пили сидр и ели хлеб с сыром. Ни он, ни Симон ничего при этом не говорили. Просто неспешно трапезничали, позволяя звукам ночи и ее холодку обтекать их, да время от времени сгоняя со стола кошку. А как-то ночью, уже в начале весны, Джинкс, проснувшись, увидел еще одну пару ступней. Красивых, узких, смуглых, с приятными и опрятными пальцами, которые, в отличие от Симоновых, на древесные корни нисколько не походили.

Джинкс услышал звяканье расставляемой по столу посуды, потом рядом с новыми ногами появились ноги Симона.

– Долго же тебя не было, – сказал он тихо, чтобы не разбудить Джинкса.

– Всего неделю, – голос принадлежал женщине.

– Мне показалось, что дольше.

В неделях и месяцах Джинкс разбирался слабо – знал, что они *бывают,* но время текло для него как-то слитно и смутно. С тех пор как он попал в дом Симона, началась и закончилась зима. Значит, прошло *больше* недели. А между тем ног этой госпожи Джинкс еще ни разу не видел.

– Ты ведь знаешь, они не хотят, чтобы я бывала здесь, – сказала женщина.

– Угу. Но ты все равно бываешь.

Липкое, серебристо-сладкое чувство стекало с краев стола, угрожая заляпать Джинкса. Испуганный, он громко всхрапнул, чтобы напомнить Симону о своем присутствии.

– Что это?

– Мальчик. Спит под столом.

Джинкс зажмурился покрепче, поскольку оба они наклонились – посмотреть на него. Для того чтобы видеть чувства людей, глаза ему не требовались – чувства эти проникали в него и без них, как краска, звук, образ. Порой даже как вкус.

– «Мальчик», – сказала госпожа. И вдруг серебристо-сладкое чувство словно ощетинилось. – Где ты взял мальчика?

– У его родных. Заплатил серебряную полушку.

А вот это, сообразил Джинкс, правдой, строго говоря, не было. Симон, конечно, *говорил,* что заплатит за него серебряную полушку, однако набежавшие тролли сберегли деньги чародея.

– И зачем же тебе понадобился мальчик? – голос госпожи снова доносился сверху, они больше не разглядывали Джинкса. Говорила она с акцентом, как будто слова лесного языка, урвийского, были для нее не родными.

– Он прибирается в доме. Приносит дрова. Ну и так далее.

– Раб, – сказала госпожа. Все серебристо-сладкое замерзло в ней, как февральский лед.

– Он не раб. Подрастет, я ему жалованье назначу.

– Так вот почему ты всю зиму не подпускал меня к кухне. *Мальчика* прятал.

– Я знал, что ты поднимешь дурацкий шум, – сказал Симон. – А это просто мальчик, ничего больше.

А Джинкс все не мог понять, как это госпожа побывала в доме лишь неделю назад, а через кухню ни разу не прошла. Других-то ведущих наружу дверей в доме не было.

– Как бы там ни было, мальчишка составляет мне компанию, – сказал Симон. – Как кошки, только он не такой требовательный.

– Дети – не домашние животные, Симон. И почему он спит под столом? У тебя в этом твоем сарае полным-полно комнат.

– Я *отвел* ему комнату, но он не хочет спать в ней. Ему больше нравится под столом. Я наложил на это место заклятие, которое отпугивает кошек.

Джинкс уже заметил, что кошки, которые прежде ходили по нему и будили, больше так не поступают; он только не знал, что обязан этим заклятию Симона.

– Так или иначе, это мое дело, – запальчиво сказал Симон. – А мы, помнится, договорились, что мои дела и твои дела – совершенно разные вещи.

Теперь от серебристо-сладкого чувства не осталось и следа, и Джинкс был этим доволен, но далеко не настолько, как мог бы ожидать.

– Если ты собираешься совершить что-то злое, тогда это и мое

дело, – сказала госпожа.

– *Если я* соберусь совершить что-то злое, ты узнаешь об этом первой. Вылезай, Джинкс, – приказал, не повысив голоса, Симон.

Видать, понял, что Джинкс не спит. Джинкс выпутался из одеял и выполз из-под стола.

За столом сидела золотисто-смуглая госпожа в темно-красной накидке. Она улыбнулась Джинксу. Волосы у нее были черные, блестящие, курчавые. Глаза походили на ночное небо, Джинксу даже показалось, что он увидел – перед тем, как она моргнула, – в одном из них падучую звезду. Нос у госпожи был весьма внушительный.

– Это Джинкс, – сказал Симон. – Как видишь, он совершенно здоров. Никаких кусочков, чтобы использовать их в заклинаниях, я от него не отрезал. Джинкс, это София. Моя жена.

– Твоя *кто?* – переспросил Джинкс. Он еще не вполне проснулся, иначе ему хватило бы разумения разговаривать повежливее.

– Жена, – повторил Симон. Джинкс ощущал, как веселье вспыхивает в чародее короткими пурпурными зарницами, – он смеялся над Джинксом, но безмолвно. Такое нередко случалось.

– Нет, – сказал Джинкс.

– Что «нет»? – спросила София. Она все еще улыбалась. Джинкс почувствовал исходившую от нее мягкую зеленую доброту, и ему это понравилось.

– Он о том, что ты мне не жена, – развил его мысль Симон. – Присядь, Джинкс. Выпей сидра.

Джинкс сел, принял от Симона наполненный кувшинчик. Взял со стола ломтик тыквенного хлеба, повертел его в пальцах. Он несколько месяцев усердно изучал дом и прогалину Симона и уж как-нибудь жену его не проглядел бы.

Не замечать жен – это надо постараться. В прежние дни на своей родной прогалине Джинкс всегда старался убраться с их дороги, когда они волнами метались туда-сюда, нагруженные только что постиранной одеждой, бадейками, дровами.

– Жены всегда что-нибудь да таскают, – пояснил Джинкс.

– Моя жена таскает все, что у нее есть, в голове, – сказал Симон. – Она – весьма известный, выдающийся ученый.

София бросила на Симона сердитый взгляд.

– Откуда ты родом, Джинкс? – спросила она.

– С прогалины, – ответил Джинкс.

– Тебе хочется вернуться туда?

Джинкс посмотрел на Симона, пытаясь понять, как следует ответить. Симон встал и спустился по ступеням к очагу, поворошить угли. Джинкс его понял – отвечать придется самому.

Он задумался. По временам ему бывало здесь очень одиноко. А на прогалине, которая начинала уже расплываться в его памяти, вокруг всегда толклось множество людей. Собственно говоря, остаться одному там никакой возможности не было – особенно если ты вынужден спать в изножье застланной соломой кровати, а в лицо тебе утыкаются пахучие ступни твоих приемных родителей. А здесь у него собственный тюфяк, на который никакие младенцы не писают. И еды столько, что на всю долгую зиму хватило. И Симон, который почти никогда не кричит, а драться так и вовсе не дерется.

Джинкс, правда, так и не уяснил, зачем понадобился Симону, но, может, и вправду *только* для работы.

И тут он внезапно понял, что уже не боится Симона. Нет, конечно, тот кого хочешь напугает, да и ведьмы тоже. Но там, на прогалине, все боялись всего. Страх полз по стенам хижин, капал с потолков, и, чтобы перепугаться до смерти, не обязательно было увидеть перед носом какую-нибудь жуть. Каждый был перепуган все время – просто из принципа… каждый боялся Урвальда, чудищ, зимы, голода, того, что вот-вот случится, и того, что, глядишь, и *вовсе ничего* не случится. Изнурительное, как понял теперь Джинкс, состояние.

– Нет, – наконец, сказал он. – Вернуться я не хочу. Мне здесь нравится.

Симон все еще ворошил угли, но Джинкс почти услышал его громкое мысленное «ха!», адресованное Софии.

– А по родным ты не скучаешь? – спросила она.

– Так они же все умерли, – ответил Джинкс.

И, едва вымолвив эти слова, понял, что совершил ошибку. Симон же только что сказал Софии, что *купил* Джинкса у его родных. А вести торговлю с покойниками дело сложное – оно, может, и чародеям не по плечу. И Джинкс, чтобы скрыть замешательство, вгрызся в тыквенный хлеб.

– Мне грустно слышать об этом, – мягко сказала София.

Джинкс осторожно кивнул. За ее добротой проступало нечто новое – намек на стальные нотки.

– А скажи-ка, Джинкс, все они умерли *до того,* как познакомились с моим мужем?

Симон перестал ворошить угли и замер с кочергой в руке. И кухня вся замерла в ожидании.

Джинкс смял пальцами ломоть хлеба.

– Конечно! Они давно уже умерли! Это приемные родители, они… продали меня. Но они мне и родней-то не приходились.

Он снова набил рот размятым тыквенным мякишем и невнятно пробормотал:

– Потому и хотели сбыть меня с рук.

Кухня снова ожила. Джинкс сказал то, что требовалось. Ну, не совсем уж чистую правду, это верно. О такой мелочи, как тролли, он не упомянул, но остальное так и надо было сказать. Он понял это, когда увидел, как Симон бросил на Софию вызывающий взгляд и кивнул ей – мол, *вот так-то!* – и София ответила извиняющейся улыбкой. В кухне наступила оттепель, и даже толика серебристо-сладкого чувства вернулась назад. Не так уж и много, по правде сказать, беспокоиться не о чем… и все же Джинксу сильно захотелось, чтобы этот полуночный разговор подошел к концу. Он не вполне понимал, почему решил соврать, чтобы защитить Симона от этой невесть откуда свалившейся жены. Однако не сомневался: сделать это следовало.

Немного погодя, когда он лежал в своей постели под столом, слушая, как в очаге, шипя, угасает пламя, Джинкс вдруг сообразил, что вопрос *«Все они умерли до того, как познакомились с моим мужем?»* был очень странным вопросом.

Глава четвертая
Волколаки

После этого София стала часто появляться в доме, никогда, впрочем, не задерживаясь в нем дольше трех-четырех дней. И Симон перестал запираться в своих комнатах на несколько дней кряду. София очень ясно дала понять, что приходит повидать и Джинкса, не одного только Симона. Джинксу это понравилось. София была не такой, как все, кого он знал до сих пор: умная, без раздражительности и насмехательства, и добрая, и бесстрашная.

И еще, она говорила на языке, которого Джинкс прежде не слышал. Симон тоже говорил на нем, и Джинксу пришлось какое-то время вслушиваться в их беседы, пока он не начал понимать. Они обсуждали на этом языке то, что не предназначалось для его ушей. Джинкс слышал, как они разговаривают, – а временами и спорят, – о каком-то месте под названием Са`марра. «Где бы оно могло быть?» – гадал Джинкс.

– А где София? – спросил он однажды, когда она провела в доме три дня и вдруг исчезла.

– Ушла, – ответил Симон.

– Куда?

– Домой. К себе домой.

– Почему она не живет здесь?

– Твое ли это дело? – поинтересовался Симон.

– И как же она сюда попадает? Через дверь не проходит, всегда появляется из твоих комнат.

– Ну, значит, должно быть, именно так она сюда и попадает, верно?

– Но из твоих покоев нет двери наружу.

Снаружи Джинкс уже изучил дом Симона досконально.

– Тогда, наверное, она в окно пролезает, – предположил Симон.

– У тебя там тайный ход есть?

– Если я расскажу тебе о нем, он перестанет быть тайным.

– Я думаю, она сюда по волшебству попадает, – сказал Джинкс.

– Очень на то похоже, не так ли? А вот я думаю, что тебе пора подмести чердак.

О чердаке Симон вспоминал, когда ему надоедали вопросы Джинкса.

Джинкс не сомневался, что в южном крыле творится магия и что там же кроется тайна появлений Софии. Чем меньший страх испытывал он перед чародеями и ведьмами, тем сильнее разгоралось в нем любопытство. Но Симон никогда не забывал запирать запретную дверь. Джинкс пробовал заглянуть за нее через магический кошачий лаз, однако тот понимал, что Джинкс – не кошка, и не желал перед ним открываться.

Однажды – Джинксу тогда уже исполнилось восемь – они отправились втроем на прогулку по Урвальду. Они это часто делали. Прежнее ощущение Джинкса, – будто Урвальд тянется к нему, намереваясь схватить его, всосать в себя и проглотить, – теперь переменилось. Теперь он чувствовал, что лес принимает его, облекает собою, как если бы он и пуща были частью одного огромного живого существа. Он больше не боялся сходить с тропы – по крайней мере, когда рядом были София и Симон. Если остаешься на тропе, тебя защищает от чудищ, да и от других людей тоже, Соглашение о Пути. Но постоянно находясь под защитой, невозможно отыскать ничего нового.

Поэтому во время прогулок все трое то и дело соступали с тропы, углубляясь в чащобу Урвальда.

– Урвальд – это не только деревья. Люди – точно такая же его часть, – заметил во время той прогулки Симон.

– Когда-то люди умели разговаривать с деревьями, – отозвалась София. – Я читала об этом. Понимали их язык.

– Ну, мы и сейчас немножко понимаем его, – сказал Симон. –

Деревья разговаривают, шелестя листьями.

София улыбнулась Симону, однако Джинкс видел, что она ему не поверила. Да и он не поверил. Деревья же *не могут* шелестеть листвой сами, для этого ветер нужен.

– Похоже, для разговора с ними требуется *почтительность,* – сказал Джинкс.

– Почтительность к кому? – спросила София.

– Просто почтительность. А еще я думаю, что необходимо знать, как их слушать.

– Листья? – удивилась София.

– Я думаю, что прислушиваться нужно к корням, – ответил Джинкс. – Если хочешь услышать разговоры деревьев.

– Глупости, – сказал Симон. – К корням прислушиваться невозможно.

София улыбалась, и по форме ее мыслей Джинкс видел, что и она, и Симон посмеиваются над ним.

– Так или иначе, вот уже сотню лет у нас ни одного Слышащего не было, – сказал Симон. – Если они вообще когда-нибудь существовали.

– Ты это о людях, которые беседовали с деревьями? – уточнила София. – Я читала о них.

– Миф, – отрезал Симон.

Джинкс немного поотстал. Ему хотелось проверить свою догадку насчет того, как переговариваются деревья. Симон и София пошли дальше, беседуя на том, другом языке, слова которого неизменно звучали в устах Симона так же странно, как слова урвийского в устах Софии. «Пусть себе идут», – подумал Джинкс. Его куда больше интересовал лес.

Ветер шевелил листву, однако деревья видеть этого не могли, ведь так? Глаз-то у них нет.

Две ветви терлись одна о другую, создавая звук, похожий на человеческий голос. Джинкс почти различал какие-то слова, но было скорее похоже, что они поднимаются снизу, проходя через его босые ступни. И он зарылся пальцами ног, обретя сходство с пускающим корень деревом, в палую листву, которая постепенно перепревала в почву.

Теперь он слышал деревья довольно ясно. Они бормотали что-то о личинках, которые подъедали их корни. Рассуждали о дожде и лете. Им был интересен грунт. И солнечный свет, получить который в Урвальде очень трудно – если, конечно, ты не стар и не высок. А еще они говорили о… о боли.

Боль подступала с закраины Урвальда. Где она *находилась,* эта закраина, Джинкс не знал. Интересно, на что она похожа и что лежит за нею? Он поглубже зарылся пальцами в почву. Боль была

далеко отсюда, очень далеко. Она…

Пахнуло грязной псиной. Джинкс поднял взгляд от земли. Волколаки. Трое. Почти с человека ростом, двуногие. Они смотрели на Джинкса и ухмылялись, скаля острые, точно ножи, желтые клыки. И когти их были такими же острыми. Волколаки двинулись к Джинксу. Он открыл рот и пролепетал: «Помогите». Получилось как-то уж очень тихо.

Волколаки изрыгали ярко-красные всполохи алчности и веселья.

Джинкс отступил на шаг. Волколаки шагнули вперед.

Он попятился еще на несколько шагов. Волколаки, ухмыляясь, последовали за ним.

Джинкс развернулся и побежал. Он слышал, как волколаки бегут следом. Чувствовал затылком их жаркое дыхание. Один из них играючи шарахнул его когтями, глубоко пропоровшими кожу. Джинкс прибавил ходу. Волколаки без особых усилий держались с ним вровень.

Он хотел позвать на помощь, но дыхания хватало только для бега. Он знал, что волколаки способны бежать куда быстрее, чем он. И дольше. Сейчас они всего лишь забавлялись, ожидая, когда он свалится от усталости. А это случится скоро. Легкие Джинкса уже горели от стараний заглотнуть достаточно воздуха, чтобы хватило для продолжения бега.

Он споткнулся и упал.

Поднялся на четвереньки, дивясь, что все еще жив. С трудом встал на ноги. Услышал, как когти удирающих волколаков отчаянно скребут по земле. А обернувшись, увидел, что за ними гонится огромный желтый дракон.

«Мне здорово повезло, – подумал Джинкс, – что дракон предпочитает завтракать волколаками, а не мальчиками». Тут кто-то ухватил его сзади за шиворот.

– Вот дурачина! – Симон развернул его лицом к себе, сильно встряхнул. – Я же велел тебе не отходить от нас! Сколько раз нужно повторять?

София выхватила Джинкса у Симона, обняла, как младенца, – ему следовало бы возмутиться, но он не стал.

– Оставь его, Симон! Он такого страху натерпелся.

– А кто не натерпелся? – отозвался Симон. Голос его дрожал, а Джинкс, хоть Симон и не тряс его больше, обнаружил, что все его тело по-прежнему ходит ходуном. Особенно усердствовали колени.

София протянула Симону руку.

– Замечательный был дракон, дорогой, – похвалила она. – Но почему желтый?.. О нет, погоди, бедный ребенок истекает кровью!

Джинкс вырвался из ее объятий: слышать, как тебя называют «бедным ребенком», – это уж слишком.

– Да все со мной в порядке, – сказал он.

По правде сказать, оставленные волколаком царапины болели, и довольно сильно. София перевязала руку Джинкса своим шейным платком.

Все направились к дому. Симон крепко держал Джинкса за плечо. Джинкс особо не сопротивлялся, потому что ожидал: лес в любой миг напустит на него новых чудищ.

– Так это были волколаки? – спросила на своем языке София. – На картинках, которые я видела, они больше походили на волков.

– Одни больше походят на волков, другие на людей, – ответил Симон. – А все-таки магия имеет свои достоинства, верно?

– Я и не говорила никогда, что не имеет…

– …во всяком случае, не более тысячи раз…

– …я всего лишь говорила, что ее следует изучать в теории…

– Изучая магию в теории, не сможешь создать иллюзию дракона, если она вдруг понадобится.

– Ну что же, иллюзия у тебя получилась прелестная, милый…

– А почему ты не сделал нас невидимками? – спросил Джинкс. – Как в тот раз, когда…

Остановиться вовремя ему удалось лишь потому, что он перешел на язык Софии и старался правильно выговаривать слова.

– …в тот раз, с троллями?

Он едва не ляпнул: *«Когда тролли утащили моего отчима».* А Софии знать об этом, пожалуй, не стоило.

– Это Симон научил тебя говорить на самарране? – удивленно спросила она.

– Ничему я его, разумеется, не учил, – сказал Симон.

– Я сам научился, пока вас слушал, – сказал Джинкс, старательно расставляя слова в правильном порядке. Говорить оказалось намного труднее, чем слушать. Да и голова у него была занята другим, – он все озирался по сторонам, не выскочат ли откуда-нибудь волколаки.

– Какой ты умница, Джинкс!

– Ничего не вышло бы, – объяснил Симон. – Укрывающее заклятье всего лишь не позволяет тварям заметить нас. А волколаки тебя еще раньше заметили. Я мог бы не дать им обратить внимание на меня и Софию. Но не на тебя.

– Значит, в тот раз ты укрыл от троллей нас… – сделал вывод Джинкс.

Симон уставился на него, Джинкс ответил таким же взглядом, и оба они сознавали, о чем умолчал Джинкс: *но не моего отчима.* София, наверное, не одобрила бы того, что Бергтольда отдали на съедение троллям. В конце концов, она же не была с ним знакома.

«Интересно, – думал Джинкс, – а я смогу научиться магии?» Симон прав: магия – штука полезная. Здорово помогает от троллей и волколаков.

Глава пятая
Запретная комната

Прошел почти год, но к изучению магии Джинкс ни на шаг не приблизился. Он даже пути в запретное крыло дома не отыскал. Не выяснил, как появлялась в доме София, и не увидел того, с чем возился Симон, запираясь в южном крыле, – а Джинкс не сомневался в том, что занимался он всякими волшебными делами. И всякий раз как Джинкс намекал Симону, что тот мог бы позволить ему хотя бы *посмотреть,* следовало приказание подмести чердак. В общем, одно расстройство.

Как-то раз Джинкс мыл на кухне посуду и увидел, что из волшебного кошачьего лаза выскочила кошка, державшая в зубах нечто, похожее на светящуюся лиловую лягушку. Дверь рывком распахнулась, и из нее вылетел Симон. Кошка понеслась на прогалину – Симон помчался за ней.

А дверь южного крыла осталась открытой.

Джинкс подбежал к окну. Кошка удирала в лес, Симон гнался за ней.

Теперь Джинкса остановить не могло ничто. Он проскользнул в южное крыло и захлопнул за собой дверь.

Откуда-то появилась еще одна кошка, потерлась о его ногу. Ну да, кошек сюда пускают. А его нет.

Он стоял в коридоре, который имел в длину шагов десять и упирался в голую каменную стену. В боковых стенах коридора были прорезаны, один напротив другого, арочные дверные проемы. От того, что справа, уходила вверх винтовая лестница, – скорее всего, в спальню Симона.

Джинкс открыл левую дверь. И зачарованно замер – он был прав. Именно здесь Симон и чародействовал.

Комната была просторной, тусклый свет падал из высокого застекленного окна. Беспорядок в ней царил тот еще. Если бы Джинкс хоть раз оставил кухню в таком виде, Симон на стену полез бы от злости. На большом рабочем столе валялись раскрытые книги, пучки трав, что-то смахивавшее на маленькую мумию, а посреди него разлилась лужа похожей на кровь жидкости.

Стопки книг возвышались и на полу. Между двумя из них плел свою сеть трудолюбивый паук. Еще одну венчал человеческий череп, – Джинкс поймал себя на том, что вежливо покивал ему, здороваясь.

Мальчик, дивясь, осматривал комнату. Над рабочим столом тянулись полки, заставленные сосудами, бутылками и шкатулками. И между ними тоже были рассованы книги – в кожаных, по большей части, переплетах, а некоторые в каких-то чешуйчатых. Джинкс решил, что это, верно, настоящая драконья кожа. Ну конечно, вот так и должна выглядеть мастерская кудесника, Джинкс просто-напросто чувствовал, как здесь отовсюду сочится магия.

Кошка запрыгнула на рабочий стол, прошлась по подозрительной луже, затем по раскрытой книге, оставив на страницах красные отпечатки лап.

Джинкс перевернул несколько страниц, чтобы скрыть ее следы.

И страницы затлели. Края их лизнули язычки пламени. Джинкс попытался сбить его руками, но только обжегся. Книга уже сама перелистывала свои страницы, и все они вспыхивали.

Джинкс захлопнул ее. Пламя сбилось, однако из книги тянулись завитки дыма: похоже, она продолжала гореть. Джинкс огляделся – куда бы ее засунуть, чтобы не бросалась в глаза?

В конце концов он приподнял череп и подсунул книгу под него. Череп подмигнул ему пустой глазницей.

Надо уходить. Нет, правда, надо отсюда уходить. Пока не вернулся Симон. Но Джинкс еще не все рассмотрел. Что там, к примеру, стоит на полках?

Вот, скажем, бутылка, очень похожая формой на голову гоблина. Джинкс попробовал снять ее, но бутылка намертво прилипла к полке.

Он потянулся к резной деревянной шкатулке. Резьба изображала людей, которые ехали на каком-то огромном звере. Джинкс попытался открыть шкатулку. Крышка не поддавалась. Джинкс поискал запорчик. И ничего не нашел – наверное, шкатулку заперли заклинанием. Чтоб ее! – скорее всего, в ней спрятано по-настоящему важное волшебство. Он неохотно вернул шкатулку на полку.

И услышал в коридоре шаги.

Он замер. Еще шаги, другие.

– Я и не знал, что ты здесь, – сказал Симон.

Сказал неожиданно добродушно, без рваного по краям оранжевого гнева, обычно окружавшего Симона, когда тот злился. И Джинкс понял, что Симон обращается не к нему.

– Экзамены закончились рано, и я решила заглянуть к тебе, – ответила София. Оба были в коридоре, прямо у двери мастерской.

И больше никаких слов – только серебристо-сладкая гадость. Джинкс в отчаянии озирался по сторонам. Симон с Софией отрезали его от кухни. Выйти из мастерской он не мог. А в ней до сих пор пахло дымом горевшей книги. Они его наверняка учуют. Оттуда, где стоял Джинкс, их видно не было – значит, и они его тоже не видят. Пока. Все, что им требуется, – заглянуть в не до конца притворенную дверь.

Джинкс так тихо, как мог, нырнул под рабочий стол. Укрытие не из лучших, но другого в комнате не было. Если Симон застукает его здесь, то разозлится донельзя.

Он взглянул на окно. Может, оно не заперто? Если и так, вылезти все равно не удастся, услышат.

Из коридора снова донеслись шаги и… странное дело. Они направлялись не на кухню и не в башню. Вперед, мимо двери, к сплошной каменной стене, в которую упирался коридор. А затем Джинкс услышал голоса, доносившиеся из соседней комнаты. Но ведь *нет же* никакой соседней комнаты. Коридор заканчивается голой стеной, и, похоже, Симон с Софией просто прошли сквозь нее.

Джинкс подкрался к двери мастерской и уже собирался выглянуть в коридор, когда в него выступил из стены Симон.

– …наверное, найдется немного на кухне, – говорил он. Говорил через плечо, отвернувшись от Джинкса.

Джинкс едва успел метнуться назад, в мастерскую.

– А мальчик там? – спросила София. Она тоже выступила в коридор. – Я хочу поздороваться с Джинксом.

И оба ушли на кухню. Джинкс еще раз выглянул наружу. Дверь, проходить в которую ему запрещалось, стояла полуоткрытой.

Как же они сквозь стену-то пролезают? Джинкс, словно зачарованный, выскользнул из мастерской. Старательно прислушиваясь к долетавшим из кухни звукам, провел ладонями по голой стене. Сплошной камень. Джинкс шарил по нему, ища невидимый проход. Не было тут прохода – только ровный камень, как и говорили ему глаза. Однако Симон с Софией как-то проникают сквозь него. Да и София появилась в доме неожиданно для Симона. Значит, эта стена и скрывает разгадку тайны ее появлений и исчезновений.

И возможно, стена – тот путь, который позволит Джинксу удрать из южного крыла, не попавшись Симону на глаза.

Да, но она и выглядела, и пахла, как каменная стена, и наощупь была каменной стеной. В отчаянии Джинкс едва не прихлопнул по ней ладонями, но вовремя сообразил, что шлепок могут услышать.

Он попал в западню. Вернулся в мастерскую, подошел к окну. В решетку окна были вставлены ромбы толстого волнистого стекла.

Задвижка имелась, да больно высоко, не дотянешься.

Придется сидеть под столом, пока Симон с Софией не уйдут куда-нибудь. И он залез под стол и сел на пол.

Рядом с ним стоял сосуд зеленого стекла. До сей поры Джинкс его в здешнем беспорядке не замечал. На боку сосуда виднелись какие-то красные значки. Джинкс из любопытства снял с него крышку, благо та легко подалась.

Обжигающая боль пронзила руку.

Из сосуда вылетел, жужжа, осиный рой. Миг – и осы облепили Джинкса. Он вскочил на ноги, приложившись головой о столешницу, забил по ним руками. И сразу одна ужалила его в ладонь, другая в шею, а третья в ногу.

А следом он вдруг понял, что даже пошевелиться не может.

– То-то мне показалось, что здесь пахнет как-то не так.

Рваный оранжевый гнев. Повернуться, чтобы взглянуть Симону в лицо, Джинкс не мог. Шея и руки вроде бы еще сохраняли некоторую свободу, но по всей его одежде ползали осы, и Джинкс нутром чуял: самое лучшее – стоять совершенно неподвижно.

– Разве я не говорил тебе, что лезть сюда не следует? Сдается мне, говорил, – острые кромки Симонова гнева аккуратно нарезали слова.

Джинкс, почувствовав, что одна из ос совершает прогулку по

его верхней губе, счел за лучшее промолчать.

Из коридора донеслись шаги Софии.

– Симон! Что ты сделал с бедным мальчиком?

Симон не ответил. Джинкс сознавал: оба смотрят теперь ему в спину, – и жаждал оказаться где-нибудь на другом конце света.

– Ты заморозил его, Симон! – ахнула София.

– Нет, не заморозил. Я уже говорил тебе, живого человека заколдовать трудно.

– Тогда почему он не двигается?

– Я заморозил его одежду.

Вот оно что, сообразил Джинкс. По-настоящему *замороженной* он ее не назвал бы, одежда осталась теплой, да только стала жесткой, негибкой, как железо.

Оса переползла на левую щеку, помахала усиком перед его глазом.

– Ты не имеешь никакого права заколдовывать мальчика.

– Не имею. И вообще кого угодно и что угодно, – резко ответил Симон. – Я знаю.

– Симон…

– В этой комнате полным-полно опасных вещей. Ему следует держаться подальше от них.

Тон его ясно давал понять, что самая опасная вещь в этой комнате – он, Симон. Джинкс пытался придумать правдоподобное объяснение своего вторжения сюда – что-нибудь связанное с кошками… пожалуй, так. Однако открыть рот и заговорить он не мог: по губам ползали осы.

– Любознательность в природе человека, – сказала София. – Ты не можешь винить его за это.

– Вообще-то могу. И если ты хочешь и дальше совать нос в мои дела, может быть, тебе стоит переехать сюда на жительство?

– Я не хочу жить в этих краях, – ответила София. – Тут слишком холодно. И не надо смеяться над моим носом.

Оса пробралась по шее Джинкса за затвердевший воротник рубашки.

– Я ни слова не сказал о твоем носе.

– Ты сказал, что…

– Это просто оборот речи!

Теперь оса перебралась Джинксу на нос. Та самая, что в глаз заглядывала, – она прошлась по щеке, и сейчас Джинкс смотрел на нее, скосив глаза. Другая, заползшая под рубашку, прогуливалась по ключице, и каждый ее шаг обострял предчувствие нового укуса. В уже ужаленных местах пульсировала боль. Джинкс изо всех сил старался внушить Софии, чтобы она перестала пререкаться с Симоном и вспомнила о нем, Джинксе, – он был совершенно уверен, что без понуканий Софии Симон никогда его не разморозит.

– Симон, будь любезен, разморозь ребенка, – сказала София.

Повисла пауза, в которой чувствовалось что-то вроде пожатия плеч.

– Ну, раз ты так вежливо просишь… – наконец, произнес Симон.

Одежда Джинкса снова обмякла. Однако он как стоял, так и стоял. Не хватало еще ос разозлить.

– Он даже не шелохнулся, – сказала София и шагнула к нему. – Джинкс, с тобой все в поряд… Ой! Симон, ребенок весь покрыт осами!

– Нечего было осиную банку открывать, – отозвался Симон.

– Ты держишь ос в банке?

– Ну, не так чтобы держу… – ответил Симон тоном, говорившим, что объяснять это слишком долго.

– Немедленно убери ос с ребенка!

Новая пауза, Джинкс понял: Симон окидывает жену долгим, неторопливым взглядом, в котором так и кипит гнев.

– Ну хорошо, *прошу тебя,* убери с ребенка ос, – произнесла София. – Будь так *любезен.*

Осы разом снялись с Джинкса – даже та, что бродила под рубашкой, жужжа, выбралась наружу, – и просто растворились в воздухе.

– Зачем ты открыл сосуд, Джинкс? – спросила София, нагибаясь, чтобы поднять его с пола. – Тут же сказано: «опасно».

– Любознательность в природе человека, – заметил Симон.

– Я не слышал, чтобы он это говорил, – ответил Джинкс.

– Как-как? – София подняла сосуд к глазам Джинкса и потрясла. – Вот здесь написано: «Опасно» – большими красными буквами.

Она обернулась к Симону:

– Это что же, ребенок читать не умеет?!

Раскаленное добела пламя гнева, которое она метнула в Симона, ошеломило Джинкса.

– В Урвальде грамотность не в почете, – ответил Симон.

– Ты ничем не лучше всех остальных! Скрывать знание! И у тебя здесь все-таки не Урвальд!

– Разумеется, Урвальд, – с горечью сказал Симон. – Думаешь, мне позволили бы поселиться где-нибудь еще?

– Волшебники умеют читать, – заявила София. – И ты умел читать еще до того, как пришел в Самарру искать ответы на все свои магические вопросы. *Знание – сила.*

Она бросила ему эти два слова как вызов, и они повисли в воздухе, держась на восходящем потоке ее ярости.

Волны гнева так и гуляли по комнате, и пусть в этот момент направлен он был не на Джинкса, у мальчика все равно заболел живот. Слова *«знание – сила»* стояли перед мысленными взорами Симона и Софии, и Джинкс чувствовал: слова эти слишком колки и горячи, чтобы к ним можно было притронуться.

– Ты думаешь, что я ничем не лучше *их,* – произнес, наконец, Симон. – А *они* думают, что я хуже.

– Конечно, я так не думаю, – возразила София. Голос ее дрожал. – Но если ты не научишь мальчика чтению… ну, ведь именно так они и поступили бы. Они считают, что неведение – это так очаровательно, когда невежды – не они сами.

Что это еще за чтение такое, Джинкс не знал. Лучше бы София велела Симону научить его *волшебству.* Но этого от нее не дождешься. Она и Симона не очень-то жаловала за то, что он знает магию.

– Ты в долгу перед ним. Привел его сюда, забрал у родных…

– Которые собирались убить его, – подсказал Симон.

– Что?

– Собирались его убить.

София повернулась к Джинксу:

– Это правда, Джинкс?

Он до сих пор не пошевелился. Ему казалось, что по нему так и ползают осы. Наверное, еще не одну неделю казаться будет. А может быть, и до скончания дней.

– Что ты с ним сделал? Он говорить не может!

– Да может он говорить. Ответь ей, Джинкс.

Слова Симона оглушили Джинкса. *«Которые собирались убить его».* Жители прогалины вовсе не пытались его убить! Никто не угрожал ему ни топором, ни ножом. Это только отчим отвел его в лес, чтобы бросить, – а вовсе не *все* жители прогалины. Правда… никто остановить Бергтольда не попытался, ведь так? А все, по правде сказать, понимали: если кого-то отводят в Урвальд и бросают там, пиши пропало.

– Да, – выговорил Джинкс. Он просто никогда прежде *так* об этом не думал.

– Но почему кому-то понадобилось убивать такое милое дитя? – недоумевала София.

Джинкс внутренне сжался: милое дитя, это ж надо! Как будто осы залезли в голову и ползают там.

– Наверное, потому, – предположил Симон, – что он забирался в чужие мастерские и устраивал там кавардак.

– Но тогда… тогда ты сделал по-настоящему доброе дело, – сказала София. – Приведя мальчика сюда, я имею в виду. Выкупив его.

– Попробуй не так сильно удивляться, – посоветовал ей Симон.

– Ты спас ему жизнь.

– Даже у нас, злых чародеев, случаются приступы доброты.

Наполнявший мастерскую гнев утекал сквозь стены, а взамен в нее вливалось мирное и теплое синее чувство. Джинкс наконец-то шевельнулся. Тело затекло и болело там, где в него впились осиные жала.

– Ты ведь научишь его читать, правда? – спросила София.

– И волшебству! – выпалил Джинкс.

Наступила тишина, в которой светилось оранжево-зеленое недовольство Софии и ярко-синее пятно удивления чародея, почему-то имевшее форму бутылки. Ясно было, что он никогда прежде не думал об этом.

– Симон, ты же не можешь…

– Не указывай мне, что я могу и чего не могу! – перебил ее Симон. – Это мой мальчишка. Его нашел я.

Однако прозвучало это почти как обещание.

Глава шестая
Зимний путь

Чтение Джинкс освоил быстро, и в этом ему повезло, потому что особо терпеливым учителем Симон не был. Когда Джинкс не понимал чего-то, Симон сердился, решал, что мальчишка слишком туп, потому и непонятлив, и от объяснений отказывался. Однако Джинксу не потребовалось много времени, чтобы понять: буквы и звуки, которым учил его Симон, – это на самом деле своего рода препятствия, которые нужно обойти, чтобы услышать, о чем говорит книга. После этого чтение пошло легко. И увлекло его – Джинкс читал о магии, о чужих, лежавших за пределами Урвальда, землях.

Дверь в комнаты Симона больше не запиралась, Джинксу разрешено было туда ходить, что, впрочем, прибавило ему работы – теперь он мел полы и вытирал пыль и там тоже. Джинкс подозревал, что прежде Симон проделывал это с помощью магии. Теперь же чародей рассчитывал, что это будет делать Джинкс – с помощью метлы и щетки.

Впрочем, Джинкс не возражал, поскольку получил возможность наблюдать, как Симон творит волшебство:

смешивает снадобья, жжет какие-то непонятные сухие кривые штуки, дающие пурпурный дым, и бесконечно листает переплетенную в красную кожу книгу, бормоча себе что-то под нос. Чародей тратил кучу времени на испытание разных заклинаний и, как думал Джинкс, на изобретение новых. Случалось, что он забывал вовремя отправить Джинкса в постель и спохватывался лишь близко к полуночи.

Каменная стена, через которую проходили Симон и София, так каменной стеной и осталась. Мальчик подумывал спросить у Симона, не желает ли тот, чтобы Джинкс наводил порядок и в комнатах, находящихся за нею, – но не решался. Симон и сам чем-то походил на каменную стену, и задавать ему вопросы, которые уводят *за* нее, не стоило.

– Не трогай ничего из стоящего на полках, – приказал ему Симон, – там многое может убить тебя.

Джинкс теперь уже знал, что на большинстве тамошних сосудов значится «Опасно», и буквы на некоторых были крупнее и ярче, чем на осиной банке.

Симон подолгу просто сидел на высоком табурете и записывал что-то в книгу. На Джинкса это нагоняло скуку. Сам он сидел на полу рядом с черепом и читал разрешенные Симоном книги. Иногда он протягивал руку к новой, и Симон, коротко взглянув на него, говорил:

– Эту не надо.

И Джинкс, услышав это от Симона, просто дожидался другого раза, когда чародей будет не так внимателен.

Если же Симон ничего не говорил, Джинкс брал книгу – с большой осторожностью, а ну как загорится, – раскрывал ее и читал. Некоторые были написаны не на урвийском и не на самарране, а на разных других языках. Он быстро понял, что это большого значения не имеет, – надо просто слушать книги, вот и все. По временам Джинкс гадал: сколько же на свете языков и сколько земель кроме Урвальда?

София, появляясь в доме, непременно расспрашивала его о прочитанном. Иногда она разговаривала с ним на языках, которые он знал только по книгам. Джинкс, прежде чем ответить ей, внимательно вслушивался в вопрос, – далеко не все слова произносились так, как он ожидал.

– Симон, мальчик самостоятельно выучил уже четыре языка, – говорила София.

– Мгм… – отвечал Симон.

Некоторые из обсуждаемых ими книг были написана на самарране. И очень многие из них были посвящены магии, поэтому Джинкс решил, что Самарра – место самое что ни на есть

волшебное. Однако, когда он спрашивал о Самарре Софию, та только мрачнела.

– Самарра не имеет никакого значения, Джинкс. Читай об Урвальде.

– Как же «не имеет», если там живешь ты? – не согласился Джинкс.

Синие с серебром мысли Софии закувыркались, как акробаты, точно она нервничала.

– Урвальдийцам, Джинкс, не место в Самарре.

– А почему? – разговор шел на самарране, а Джинкс только что прочитал самарранскую книгу про слонов, волшебных животных, которых ему очень хотелось увидеть.

– Потому что нас там знать не желают, – отрывисто произнес, не отрываясь от своей писанины, Симон. – Шел бы ты, Джинкс, чердак подметать.

Однако бóльшую часть времени Симон не мешал Джинксу читать, разве что отдавал иногда какое-нибудь распоряжение.

– Подай-ка мне Кальвина, – сказал он однажды.

– Э-э… кого? – спросил Джинкс. Кроме них и черепа в мастерской никого не было. Череп заговорщицки ухмылялся.

Симон нетерпеливо пощелкал пальцами. Джинкс встал и вручил его Симону.

– Так его, э-э… Кальвином звали?

– Это его сейчас так зовут. Кальвин – мой старый враг.

– А… – произнес Джинкс. – И ты, э-э… убил его волшебством?

– Лишить кого-нибудь жизни волшебством очень и очень трудно.

– А… – повторил Джинкс.

– Я, знаешь ли, не разгуливаю по свету, убивая людей, – сообщил Симон, и в голове его на миг засветилось лиловое пятнышко, означавшее, что он подшучивает над Джинксом.

– Ну, а что же тогда с ним случилось?

Симон подбросил череп в воздух, потом раскрутил его на пальце.

– Нечто гораздо меньшее того, что он заслужил.

Вопрос, похоже, не вызвал у Симона раздражения, однако и отвечать он не собирался.

– А… – в третий раз произнес Джинкс. – А вот варвары пьют вино из черепов своих врагов.

– Правда? А я использую Кальвина как пресс-папье[9], – и Симон поставил Кальвина поверх свитка, который только что развернул. – А где они живут, эти варвары?

– На Кузнечной прогалине, – сообщил Джинкс. – Вообще-то всякий, кто живет не на твоей прогалине, – варвар.

Он вспомнил это только сейчас. *Его* прогалина казалась Джинксу историей очень давней, теперь он даже не помнил по-настоящему, как она выглядит. Интересно, что такого натворил Кальвин, чем так досадил Симону?

– Не понимаю, как можно пить из черепа, – прибавил Джинкс. В Кальвине было столько отверстий, что не больно-то из него и попьешь.

– А вот как, – сказал Симон, перевернув Кальвина и поставив его на макушку. – Надо просто срезать верхушку, вот здесь, и получится отличная чаша. Потом приделать к ней три ножки, чтобы она ровно стояла, – и готово.

– А… – в который раз повторил Джинкс и прикрыл ладонями собственную макушку. – Понятно.

* * *

С уроками магии дела шли похуже. Походило на то, что воспринимать на слух магию невозможно, во всяком случае Джинксу такое не удавалось. Он мог *слушать* Симона, однако это не очень-то помогало.

– «Зелье» и «сила» происходят от одного и того же старо-урвийского слова, – сказал как-то Симон, держа железным зажимом склянку над пламенем свечи. – Любая магия требует двух вещей.

Он умолк, ожидая, когда Джинкс скажет:

– Силы и сосредоточенности.

Тот сказал.

– Правильно. Для некоторых видов магии требуется больше силы, чем для других. Например, применение магии к живым существам требует силы в сотни раз большей, чем для этого камня, который ты никак не поднимешь в воздух.

Джинкс неприязненно посмотрел на голыш, лежавший на рабочем столе. Он потратил не одну неделю, а поднять камушек в воздух так и не смог – и начал подозревать, что это Симон помудрил над голышом, сделал его неподъемным.

– А какие источники силы у нас имеются?

– Огонь, – ответил Джинкс. – Слова. Напевы и всякое такое. М-м… сделанные мелом магические рисунки. И травы, и вещества, и всякие зелья.

– Зелье позволяет чародею или ведьме передавать свою волшебную силу другому человеку, – сказал Симон. – Дай я тебе подъемное зелье, и ты сможешь поднять этот камушек в воздух. Впрочем, ты и так сможешь, нужно лишь как следует

сосредоточиться.

Джинкс уставился на голыш настолько пристально, насколько мог. По словам Симона, заклятия давались много легче, если смотреть на то, что заклинаешь.

– А почему у меня нет источника силы?

«Если бы я мог, – думал Джинкс, – позаимствовать силу из напева или рисунка мелом, то и камень поднял бы».

– Простое заклинание наподобие этого источника силы не требует, – Симон покачал склянку над пламенем, взбалтывая ее темно– зеленое содержимое. – Если ты не можешь сотворить его, то уж тем более не справишься с укрывающим заклятием, которое защитило бы тебя в лесу. А если будешь и дальше разгуливать вне тропы, тебе оно пригодится.

– Я хочу научиться ему, чтобы *путешествовать,* – сказал Джинкс.

– Ну, при таких темпах ты ему никогда не научишься. Так и будешь торчать здесь, точно пучок лишайника.

– София говорит, что, обучая меня, ты должен проявлять больше терпения.

Симон помрачнел.

– Чушь! Я и так терпелив – дальше некуда. Ты тратишь недели на то, чтобы научиться простенькому заклинанию, а я…

– А ты все время обзываешь меня дурачиной, – перебил Джинкс.

– Дурачиной я тебя уж точно не называл.

Симон сунул руку в карман, извлек маленькую золотую птичку, поставил на стол и капнул на нее зельем из склянки.

На миг птичка ярко вспыхнула. Симон подул на нее, снял со стола и протянул Джинксу:

– Держи.

Золото на удивление тяжело легло в ладонь Джинкса.

– Это называется «авиот», – сказал Симон. – Если тебе так уж не терпится бродяжничать, бери его с собой.

– Оно волшебное?

– Ясное дело. Только Софии ничего не говори. Ей о нем знать не обязательно.

– Софии нравится волшебство, – сказал Джинкс. – Просто ей не нравится, что оно ей нравится. Она считает, что это неправильно.

– Сам до этого додумался?

Джинксу и не нужно было ни до чего додумываться. Это было прямо на лбу у Софии написано – любой прочел бы.

– Волшебство – это знание, – сказал Симон. – А София питает огромное уважение к знанию.

– Знание – сила, – согласился с ним Джинкс.

Удивление словно одело Симона коркой льда:

– От кого ты это услышал?

– Что?

– «Знание – сила».

Джинкс нахмурился. *От кого же?*

– Так однажды сказала София. И это ее ужасно разозлило… Авиот – это что-то вроде укрывающего заклятия?

– Нет. Он не настолько силен.

– Тогда – что-то вроде талисмана? На удачу?

– Примерно. Ты не волнуйся, я найду другой способ сохранить тебя в безопасности.

Что-то странное присутствовало в этих словах – в голове Симона все они были опутаны серостью, да и *сохранить тебя* означало, по всему судя, нечто особое, отличное от *безопасности.*

– Я не хочу, чтобы меня *сохранялИ,* – сказал Джинкс. Ему хотелось отправиться в… ну, *куда-нибудь.*

– Пока ты мал, это просто *необходимо,* – ответил Симон – так, словно спорил о чем-то с собой. – Вырастешь, сможешь сам защищаться от многого.

– Мне почти одиннадцать, – напомнил ему Джинкс.

Однако Симон его не слушал. Мысли чародея крались, прячась одна за другую, и Джинксу стало от этого не по себе.

Симон взял продолжавшую гореть свечу, поставил ее рядом с неподатливым голышом.

– Вот. Используй, чтобы поднять камень, силу пламени. Если и так не сможешь, значит, ты безнадежен.

* * *

По временам Джинкс все еще оставался на несколько дней один, поскольку Симон уходил куда-то в Урвальд. Джинкс уже привык к этому, теперь одиночество не пугало его так, как прежде, но ему тоже хотелось куда-нибудь пойти. Он просил Симона, чтобы тот брал его с собой, но всегда получал отказы.

Однажды, когда чародей был в особенно мрачном настроении, он сказал Джинксу:

– Не перестанешь приставать, я тебя *и вправду* возьму.

Именно этого Джинкс и хотел, но в словах Симона прозвучала угроза.

Несколько месяцев спустя Симон вернулся домой с обожженным лицом и лиловато-зеленым облаком отчаяния вокруг головы. Джинкс спросил, что случилось.

– Ничего, – резко ответил Симон. – Занимайся своими делами.

Однако уклончивость мыслей Симона наводила Джинкса на подозрения, что происходящее как-то связано с Костоправом. Уж не с ним ли сражался Симон?

* * *

Когда Симон выводил Джинкса из себя, тот уходил к Дальновидному Окну и разговаривал с девочкой в красной накидке. Окно часто показывало ее, но только издали. Воображению Джинкса рисовались кудрявые золотистые волосы и небесно-синие глаза (которых он сверху видеть не мог – мешал чепец). Девочка очень ему сочувствовала (так он себе представлял).

– Он ведь и вправду *может* рассказать мне, как что делается, – пожаловался ей Джинкс после особенно неудачного урока магии. – А он только лается и считает, что я должен понимать, о чем он толкует. Он знает, как творить волшебство. Что, трудно ему просто взять и рассказать?

– Какая несправедливость! – сказала в воображении Джинкса девочка в красной накидке.

– На днях говорит: «Почему это ведьмам околдовывать живых людей легче, чем чародеям?» А я говорю: «Не знаю». И жду, что он мне это скажет, так? А он: «О, я думал, ты мне скажешь». А я ему: «Ну, так почему же?» А он: «Не знаю». Я и говорю: «Как же я могу это знать, если ты не знаешь?», – а он гнет свое: «Я думал, может, ты сам пораскинешь мозгами». Интересно, как это я ими буду раскидывать насчет того, чего и он-то не знает?

– Не понимаю, как ты с ним уживаешься, – удивилась и даже, кажется, восхитилась девочка в красной накидке.

– Да нет. Обычно он не так уж и плох, – сказал Джинкс. – Недавно подарил мне талисман, который будет оберегать меня в лесу.

– По-моему, ты ужасный храбрец – надо же, в одиночку по Урвальду ходишь! – сказала девочка.

– Да ну, чего там. Я его не боюсь. В конце концов мы же в нем живем, верно?

– Да, и потому знаем, что его стоит бояться, – сказала девочка.

* * *

Джинкс проводил много времени в лесу, зарывшись пальцами ног в землю и слушая древесные корни. Мысли корней копошились вместе с червями и личинками, всасывали влагу и старались обогнуть муравейники. Но все-таки это была какая-никакая компания. Людей – и всех прочих живых существ – деревья звали «Торопыгами». А Джинкса – «Слышащим». Это были не совсем слова – только общие мысли и самые близкие соответствия, которые Джинксу удалось отыскать в человеческой речи.

Торопыги им были не особенно интересны, однако деревья время от времени упоминали о них, как о надоедливых докучниках, мнущих корневые волоски, – имея в виду и Странников, ходивших по тропам, и волколаков, кравшихся под светом луны, и вампиров, притворявшихся Странниками, и троллей, которые ломились сквозь Урвальд, не заботясь о том, что могут сломать чьи-то ветви или ободрать кору.

Обрывки этих историй действовали Джинксу на нервы. Но ему хотелось побольше узнать о мире. И потому он забредал в лес все дальше и дальше, неизменно заботясь о том, чтобы запомнить обратную дорогу к дому Симона, всегда прислушиваясь, не доносятся ли откуда говорящие об опасности шаги или шорохи.

* * *

Однажды он застал деревья в сильном расстройстве: какие-то Торопыги прямо у тропы рубили на дрова упавшие деревья, и не те, что следовало, – хорошие старые стволы, которые деревья собирались сами употребить в пищу. Урвальд гневался.

Джинкс с хрустом пробрался сквозь подлесок к тропе. Артель Странников разбила возле нее лагерь и деловито рубила топорами поваленные деревья.

– Остановитесь! – крикнул Джинкс.

Странники обернулись на крик.

– Это парнишка того чародея, – сказал на своем языке, и

сказал не по-доброму, один из них, мальчик.

Джинкс вскарабкался на огромный мертвый ствол, тот, который рубил мальчик.

– Это дерево трогать нельзя. Возьмите вон то, оно молодые побеги придавило, – и Джинкс ткнул в него пальцем.

– Кто научил тебя языку Странников? – поинтересовалась одна из женщин.

– Вы же и научили, – ответил Джинкс. – Но это не важно. Важно, чтобы вы не рубили это дерево, а то Урвальд рассердится и придумает для вас страшную месть.

– Это кто же так говорит? – спросил мальчик.

– Урвальд говорит, – ответил Джинкс. – Обрубите ему ветви – сами без рук и ног останетесь. Так сказали деревья.

– Вот так диво, он с деревьями разговаривает, – фыркнула женщина, однако направилась к другому мертвому дереву, волоча за собой топор.

– Только не пораньте молодые побеги, – предупредил Джинкс других потянувшихся вслед за ней Странников.

– Раскомандовался, будто он и сам клятый чародей, – пробормотала женщина.

Мальчик остался с Джинксом.

– Тебя как зовут?

– Джинкс. А тебя?

– Толливер. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать, – ответил Джинкс.

– Врешь! Это *мне* одиннадцать. А ты малявка.

– Мне исполнилось одиннадцать в день зимнего солнцеворота, – впрочем, Джинкс и *вправду* был поменьше Толливера. Это его встревожило.

– Как это тебя злой волшебник изловил? – продолжал расспрашивать Толливер.

– Да просто встретились однажды в лесу. И он не злой.

– А зачем ты ему? Он кровь твою пьет?

– Чародеи крови не пьют, – объяснил Джинкс. – Кровь пьют вампиры.

– Но для заклинаний-то они ее используют, так? Чародеи используют людскую кровь, и печень, и много чего еще в заклинаниях, про это все знают.

– Ну и неправильно знают. Симон такого не делает. Я много раз видел, как он творит заклинания, но ничью печень он не использовал.

– А ты колдовать умеешь?

– Умею, – соврал Джинкс. И поняв, что Толливер сейчас попросит его показать какое-нибудь заклятие, добавил: – Только

делать это при людях мне не разрешено.

– Ах, вот как? – Толливер усмехнулся, и Джинкс понял: он догадался, что ему соврали. – Если умеешь колдовать, держись подальше от королевств. Знаешь, что там с чародеями делают? Заставляют их плясать в раскаленных докрасна железных башмаках.

– Не может быть!

– Еще как может. Я сам видел.

– Ничего ты не видел, – Джинкс почти не сомневался, что Толливер приврал. Мысли его окутывало пурпурное облачко насмешки, и смеялся он над Джинксом. Ну ладно, раз уж все равно не миновать быть посмешищем… – А *что* это такое – королевства?

– Ты что, приятель, никогда о королевствах не слышал?

– Потому и спрашиваю, – огрызнулся Джинкс. Книги, которые он читал, ни о каких королевствах не упоминали.

– Королевства окружают Урвальд со всех сторон. Самые большие – Ключеземье и Бахвалес. Ключеземье лежит вон там, – Толливер махнул рукой на восток, – а Бахвалес там, – махнул на запад.

– А там что? – Джинкс указал на юг.

– Тоже Ключеземье. По большей части. И немножко Бахвалеса.

– А там? – Джинкс указал на север.

– Ну, там каких только королевств нет, – ответил Толливер – с такой небрежностью, что Джинкс понял: не знает он, что там. – Так или этак, а в Ключеземье не суйся. Они там любых волшебников убивают. И вообще кого ни попадя. Король даже родного брата прикончил…

– Короли только в сказках бывают, – не поверил Джинкс.

– Не только. Ты помалкивай да слушай. Король убил брата, настоящего короля, потому что хотел царствовать *сам.* А потом исчезли жена и дитя погибшего короля, – королем-то малыш должен был стать, ну, братец, видать, и их укокошил. Они такими делами все время тешатся, короли-то. И могут убить всякого, кто им не по нраву придется.

– А тебя зачем в такое место занесло? – спросил Джинкс.

– Так оттуда же все и идет, приятель. Там мы и бумагу берем, которую так ценит твой чародей. И та синяя ткань, из которой одежка твоя сшита, тоже оттуда. Когда ты из нее вырастешь, – *если* вырастешь, конечно, – мы продадим ее на другую прогалину, а как ее до дыр износят, так и продадим обратно в Ключеземье, чтобы из нее бумагу сделали. А ты, значит, нигде не бывал?

– Бывал, конечно, – заверил его Джинкс.

– Где?

– Ну, в разных краях.

– Если не пространствуешь по свету, так дураком и помрешь, – сказал Толливер.

– Я не дурак! – возразил Джинкс. Однако Толливер говорил дело. Он-то явно знал много такого, чего не знал Джинкс, – и, наверное, потому, что побывал в других краях.

* * *

– Нет, не могу, – сказал Джинкс, отталкивая книгу, которую пытался поднять в воздух.

– Конечно, не можешь, – подтвердил Симон. – Потому как думаешь, что не можешь.

– Я *знаю,* что не могу.

– Пфф! Еще того лучше. Не трать зря мое время, – сказал Симон. – Ты уже поднимал камень, бутылку, ложку. Так в чем же дело?

– Книга тяжелее.

– Приложи больше силы.

– Больше у меня нет.

Симон выпалил одно из своих любимых ругательств.

– Воспользуйся огнем. Огонь-то у тебя всегда есть.

Творение огня было единственным, кроме подъема вещей в воздух, волшебством, какое освоил Джинкс. Он научился поджигать всякие вещи, а потом гасить огонь, вбирая его в себя. Если, конечно, огонь не был слишком большим. И огонь не жег его, просто укрывался внутри Джинкса, – если верить Симону, он сам по себе был силой. Правда, совсем маленькой.

– Я и огня найти не могу, – сказал Джинкс.

– Конечно можешь. Он здесь, – Симон ткнул в Джинкса пальцем. – Разве ты не чувствуешь его?

– Не чувствую, – в отчаянии ответил Джинкс. Симон настаивал на том, что сила – это такая вещь, которую можно ощущать – практически *видеть,* – а Джинкс никак не мог уразуметь, о чем он говорит.

Джинксу не удавалось открывать и закрывать посредством магии двери. Не удавалось пилить с ее помощью дрова. Не удавалось отрывать от земли живых существ, – он пробовал проделать это с котятами, – потому что их жизненная сила противилась той малой силе, какой обладал он. А хуже всего было то, что ему не давалось укрывающее заклятье, с помощью которого Симон и сам от троллей уберегся, и его уберег.

– Может, попробуем еще раз укрывающее? – спросил Джинкс.

– Сойдет и укрывающее. Валяй.

Как же, спрашивается, я должен думать, что могу сделать это, когда ты сам знаешь, что я не могу? Впрочем, вслух Джинкс ничего не сказал. Он вышел на середину мастерской, встал в самом ее центре и попытался вытянуть силу из огня, который был у него внутри. Сила и сосредоточенность. Он старательно сосредоточился на мысли, что его здесь нет.

– Без толку, – сказал Симон. – Где ты был, там и остался.

– Мне не хватает магии.

– Магия это не то, чем ты *обладаешь,* а то, что ты *делаешь.* Хотя в твоем случае правильнее сказать – *не* делаешь.

– Зато я деревья понимаю, – сказал, оправдываясь, Джинкс.

– Глупости, – и Симон повернулся к книгам.

– Да нет. Они мне много чего рассказали… – Джинкс вдруг вспомнил разговор с Толливером. – Ведь правда, что вокруг Урвальда лежат всякие страны?

– Разумеется.

– И ими правят короли? Мм… к примеру, Бахвалес и Ключеземье?

– Да, есть такие.

– А почему про них не написано в твоих книгах?

– Ну, в каких-то написано. Просто не такие уж это интересные места, – сказал Симон.

– И почему так много книг об Урвальде?

– Потому, разумеется, что он куда интереснее, – ответил, щелкнув пальцами, чтобы раскрыть книгу, Симон. – Если не собираешься заниматься укрывающим заклятьем, иди вычисти козий загон.

Но Джинкс вспомнил еще кое-что из слов Толливера.

– Как по-твоему, я маленький?

– Ну, конечно, ты… – Симон примолк и смерил Джинкса удивленным взглядом, точно давно его не видел. – Хмм… Ты разве не был гораздо меньше?

– Был, – подтвердил Джинкс. – Когда мне было шесть лет.

– А теперь сколько?

– Одиннадцать. Ты же на мой день рожденья тыквенный пирог испек, – напомнил ему Джинкс. – Но я все же *слишком* маленький, верно?

– Нет-нет, ты еще подрастешь.

Мысли Симона снова начали, извиваясь, ползать одна по другой. И если Джинкса беспокоило то, что он не растет, Симона, похоже, беспокоило то, что он растет слишком быстро.

После этого разговора Симон несколько недель лихорадочно

перелистывал посвященные магии книги. А когда Джинкс спрашивал, что он ищет, Симон лишь крякал или посылал его мести чердак.

* * *

Прошло, казалось, лет сто, прежде чем Симон согласился взять Джинкса в один из своих походов.

– Куда пойдем?

– Будешь изводить меня вопросами, я тебя дома оставлю.

Джинкс не считал, что спросить, куда они идут, значит «изводить вопросами», но промолчал. Следующим его вопросом было бы: «*А с Костоправом это как-нибудь связано?*»

У Симона не было такого, как у большинства других людей, похожего на зеленую бутылку страха перед Костоправом. Но мысли Симона о Костоправе обычно были полны гнева. И еще по какой-то причине теперь их сопровождала тревога из-за того, что Джинкс растет.

Так или иначе, Джинкс наконец отправлялся в дорогу. Это было важнее всего.

Они шли весь короткий зимний день. В снегу на тропе виднелись отпечатки башмаков, когтей, раздвоенных копыт. Однажды им повстречался человек с топором на плече, и, хотя он был, скорее всего, простым дровосеком, но в Урвальде ничего ведь наверняка не скажешь. Джинкс поплотнее прижался к Симону и порадовался полному ужаса взгляду, который незнакомец бросил на чародея. Они разминулись, не сказав друг другу ни слова.

Зимой ярких дней не бывает, а темнеет быстро.

– Пришли, – сказал, неожиданно остановившись, Симон. – Ночевать будем вон в той сторожке на дереве.

Джинкс вгляделся сквозь ветви, покрытые лиловатым в густевшем сумраке снегом. И различил что-то вроде короба.

– Теперь надо придумать, как нам туда забраться, – велел Симон.

По тропе долетел издали бухающий звук.

– Что-то приближается, – сказал Джинкс.

– Мгм, – промычал Симон, не слушая его, и провел ладонями по стволу.

Буханье усиливалось – не очень громкие удары чередовалось с очень громкими. *Кер тумп, кер тумп.*

– Что-то большое и тяжелое, – добавил Джинкс.

– Сдается, если я приподниму тебя, ты сможешь ухватиться

вон за тот сломанный сук, – сказал Симон. – А как долезешь до сторожки, привяжешь к ветке веревку, и по ней заберусь я.

– Оно приближается, – сказал Джинкс.

– Так поторопись, мальчик, довольно бездельничать, – Симон вручил Джинксу свитую бухтой[10] веревку и сложил стременем[11] ладони. – Давай, только снег с башмаков стряхни.

Джинкс надел бухту на плечо, шатко утвердился одной ногой на ладонях Симона и схватился за указанный сук. Пальцы мальчика обвили грубую кору. Он попытался подтянуться.

Буханье все усиливалось.

– Упрись ногами в ствол и топай по нему вверх, – посоветовал Симон.

Джинкс так и сделал. Ему удалось подняться, опереться коленом о сук. Затем он обхватил ствол, насколько хватало рук, подтянул ногу…

Кер тумп, кер тумп.

…встал, прижимаясь к стволу, и забрался на дощатый помост сторожки.

Кер тумп.

– Мог бы уже и сбросить веревку-то, – рявкнул Симон.

Джинкс торопливо привязал ее конец к ветке – буханье раздавалось так близко, что он слышал сопровождавший этот звук скрип снега на тропе. Он бросил свободный конец веревки вниз. И тот зацепился за сломанный сук.

ТУМП.

Джинкс подергал за веревку, высвободил конец, и она полетела вниз. Затем натянулась…

ТУМП, ТУМП… – чем бы *это* ни было, сейчас оно уже находилось прямо под деревом.

Над краем помоста появилась голова Симона, Джинкс облегченно обмяк.

– Этот… эта тварь на дерево не полезет?

– Скорее всего, нет, – ответил Симон. – Вон она, видишь?

Джинкс вгляделся в сумрак, повисший между двумя огромными ветвями, и различил какую-то тень, безногую, похожую на бочку. Она скакала, отталкиваясь от земли длинной прямой палкой…

– Ведьма в маслобойке катается, – сказал Симон.

– Ох, – выдохнул Джинкс. Ему стало стыдно за свой испуг. – Ты ведь не боишься ведьм, верно?

– Ведьм только дураки не боятся, – возразил Симон.

– Я и не знал, что на деревьях бывают такие домики, – сказал Джинкс. Странно, как это деревья позволили их строить.

– Это одно из условий древнего договора.

– Никогда о нем не слышал, – сказал Джинкс. Деревья ни о каком договоре не упоминали.

– Деревья позволили людям использовать мертвые стволы как топливо и для строительства. И сооружения сторожек. А мы согласились с тем, что, если кто-то из нас погубит живое дерево, лес в отместку отнимет человеческую жизнь. – Симон покачал головой. – В этой части договора я никогда смысла не видел.

– Деревья ничью жизнь отнимать *не хотят,* – сказал Джинкс. – Они только боятся, что людей разведется слишком много.

Из-за холода он долго не мог заснуть. И знал, что Симон тоже не спит, – слышал тихий рокоток его мыслей. Симоном владело нетерпеливое попрыгучее чувство, потребность достичь чего-то нового, – чего-то, связанного с магией, подумал Джинкс. Он замечал это чувство и раньше, когда чародей придумывал новое заклинание или испытывал волшебство, о котором рассказывала ему одна из ведьм. Однако на сей раз возбуждение Симона по краям окружали мятые складки вины.

Может быть, ее порождали мысли о Софии, о том, как сильно не любит она магию. Но это не объясняло, почему Симон ощутил себя виноватым, отправившись именно в этот поход. Если подумать, Джинкс никогда еще в нем никакого чувства вины не замечал. Ни по поводу магии, ни по поводу того, что любит или не любит София, ни по поводу Кальвина-черепа, – ни по какому вообще.

Представить себе, что *могло бы* вызвать у Симона чувство вины, было трудно, но, наверное, это было нечто очень и очень скверное.

Глава седьмая
Костоправ

Было еще раннее утро, когда они пересекли ручей по сложенному из двух бревен мостику и пошли заснеженной узкой тропинкой, на которой различались следы маслобойки.

И вскоре увидели домик под тростниковой крышей. Деревянный, не пряничный, однако оставленные маслобойкой следы вели прямо к его двери, и Джинкс подумал: «Мы пришли к ведьме». Симон сказал ему, что ведьм не боятся лишь дураки, а в одном можно было не сомневаться: дураком он себя не считал. Но, с другой стороны, к нему-то домой ведьмы так и шастали.

Впрочем, самому идти в гости к ведьме – это совсем другая история.

Они еще не приблизились к двери, а та уже отворилась, и из нее выступила Дама Гламмер.

– Чародей Симон, – сказала она. – Проделал такой долгий путь по заснеженным лесам, чтобы повидаться со мной. Интересно, зачем?

– Приветствую тебя, Дама Гламмер, – с улыбкой сказал Симон.

– Смотри-ка, а милый бурундучок все еще жив, – она усмехнулась, глядя на Джинкса.

– Мы можем войти? – спросил Симон.

– Ну конечно, совсем я о приличиях позабыла, – Дама Гламмер отступила в домик. – Входите, входите. Разувайтесь. Отведайте взвару.

Дом изнутри выглядел маленьким, особенно для того, кто привык к жилищу Симона, однако деревянные полы его были отскоблены дочиста, а в очаге потрескивали дрова. Гости разулись, сняли куртки и уселись за настоящий деревянный стол – изготовлен он был не одно столетие назад и вряд ли мог прогневить любое из живых деревьев… во всяком случае, сильно прогневить. Дама Гламмер поставила перед ними кружки с каким-то горячим питьем. В кружках плавали листья.

Джинкс обнял свою ладонями, вдохнул отдающий листьями парок. Он слушал разговор Симона и Дамы Гламмер – о дороге сюда, о погоде, но не о цели их визита. О ней Джинкс ни малейшего представления не имел… впрочем, складчатая каемка вины, замеченная им у Симона ночью, снова была тут как тут. А в Даме Гламмер Джинкс, как ни старался, ничего различить не смог.

– Я, конечно, не стану выпытывать причину твоего прихода, Симон, – сказала Дама Гламмер. – Но, думаю, пришел ты не для того, чтобы полюбоваться на мое прекрасное лицо. А ты, бурундучок, оставь попытки прочесть мои мысли.

– Я и не пытался их прочесть, – возразил Джинкс. – Я этого не могу! И никто не может.

– Вот именно, бурундучок. Этого никто не может.

Джинкс в замешательстве склонился над кружкой, снова вдохнул пар. Потом осторожно глотнул горячей жидкости. У нее был вкус лета.

Дама Гламмер поднялась из-за стола, принесла несколько ячменных лепешек, черствых, крошившихся и даже отдаленно не похожих на любую еду, какую можно было получить в доме Симона. Пока все трое жевали их, запивая взваром, Симон и Дама Гламмер неторопливо беседовали о зельях, магии и растениях.

– Вот она, великая магия Урвальда, Симон, – сказала Дама Гламмер, кивая в сторону Джинкса. – Такую нечасто увидишь. Если хочешь изучить волшебство Урвальда, приглядись к этому мальчику.

– Мысли читать все равно никто не умеет, – сказал Симон. – И уж тем более Джинкс.

Дама Гламмер усмехнулась:

– А это ты у него спроси.

– Какое число я задумал, Джинкс?

– Семь? – наугад сказал Джинкс.

– Не-а, – и Симон повернулся к Даме Гламмер. – Если бы он умел, я это уже заметил бы.

– Трудновато заметить то, во что не веришь.

– Сходи-ка ты за дровами, Джинкс, – сказал Симон.

Джинкс опустил пустую кружку на стол, встал. Этот приказ показался ему несправедливым – он же только-только пришел сюда, а Дама Гламмер наверняка давно привыкла носить в дом дрова самостоятельно.

– Они в сарае, бурундучок, рядом с домом, как за угол завернешь, – сообщила, улыбаясь ему, Дама Гламмер.

Джинкс натянул башмаки, надел куртку и вышел. Громко потопал, старательно хрустя снегом, потом вернулся к двери и приложил к ней ухо.

– Конечно, нет, – говорила Дама Гламмер. – Или ты думаешь, что я держу такие вещи в доме?

– Всякое бывает, – сказал Симон.

– Ха! Ни для какой благой цели они не годятся.

– Я готов хорошо заплатить.

– Тебе нужны листья?

– Корешки, – ответил Симон. – Я же сказал.

– Магия корней творит то, чему вообще не следует видеть свет дня. То, что лучше оставить несотворенным, – сказала Дама Гламмер.

– И я должен поверить, что ты никогда к этой магии не прибегала? – осведомился Симон.

Дама Гламмер фыркнула.

– Я заплачу тебе золотом, – сказал Симон.

– Золотом? – усмехнулась Дама Гламмер. – Бесполезным мягким металлом, из которого не изготовишь ни инструментов, ни кастрюль? Или ты полагаешь, что я стану украшать им свои прелестные ушки?

– Ну хорошо, не золотом. Чем захочешь.

– Чем захочу? – в голосе Дамы Гламмер вдруг проступила алчность.

– В пределах разумного, – торопливо уточнил Симон. – Тем, что ты можешь получить сейчас, не требуя на будущее неназванных услуг.

– Может, отдашь мне этого милого, *доверчивого* бурундучка?

– Нет. Его не отдам, – ответил Симон. – Я говорил о деньгах, или пряностях, или…

– Магии? – подсказала Дама Гламмер. – Силы небесные, а не кажется тебе, что твой бурундучок уж больно долго возится с

дровами?

Послышался скрежет отодвигаемого от стола кресла, и Джинкс, развернувшись, побежал к дровяному сараю.

* * *

– Вам лучше остаться на ночь, – сказала Дама Гламмер, когда Джинкс вернулся. – Самый глубокий снег уже сошел, на Пути стало людно. Боюсь, вы можете повстречаться там *с кем угодно.*

– Вот как? – произнес Симон. – И что это значит?

– Это значит, что с некоторыми людьми лучше встречаться при свете дня.

Симон задумчиво покивал.

– Понятно. Ладно, тогда мы остаемся.

* * *

Утром, перед тем как они ушли, Дама Гламмер вручила Симону сверток, обернутый красной в горошек косынкой, и Симон засунул его во внутренней карман своей мантии. Дама Гламмер старалась передать сверток незаметно, но Джинкс все видел. Не видел только, что отдал ей Симон взамен.

Домой они возвращались другой дорогой. Вступая на каждую новую тропу, Симон останавливался и вглядывался сначала вперед, потом назад, словно ожидая увидеть кого-то.

– Нет, ты только посмотри! – сказал он на седьмом по счету перепутье.

По тропе шел еще один чародей. Этот выглядел так, как и *следует* чародею. Длинная белая борода, синие глаза, в которых сверкали искорки, синяя мантия и такая же островерхая шляпа. Он улыбался, однако улыбка его как-то не вязалась с кроваво-красными вспышками в облаках бешенства, которые клубились вокруг него, точно розоватые грозовые тучи.

– Что ты делаешь так далеко от своего логова, Костоправ? – спросил Симон.

Так это и есть Костоправ! Тот самый чародей, герой ужасающих историй и «бутылочного» страха! Выглядел он почти добряком, но все, что кружило в облачках вокруг его головы, указывало на иное. Из розоватых туч торчали ножи. Джинкс еще не встречал человека, чувства которого походили бы на оружейную лавку.

И он не сомневался – не будь рядом Симона, его ждала бы

скорая смерть.

– Уж точно не *тебя* ищу, Симон, – ответил Костоправ. – Но поскольку нам выпала столь приятная встреча, я мог бы пойти к тебе домой и забрать то, что ты у меня украл.

– Нет, – сказал Симон. – Даже в обмен на то, что украл у меня ты.

– А разве я предлагал это? К тому же я и не крал ничего, – сказал Костоправ. – Всего лишь взял то, что мне причиталось.

– Сойди с тропы – и получишь от меня все, что тебе причитается.

– Пустое бахвальство, Симон, как и всегда. Ты не сможешь биться со мной – силенок не хватит. О, вижу, ожог твой уже заживает.

Теперь в обоих волшебниках кипел взаимный гнев. Костоправ продолжал сохранять мину приятного удивления, однако клинки в его розовых тучах вращались быстро и алчно.

Он мельком взглянул на Джинкса.

– Ты обзавелся мальчиком, а? И, вижу, таким, что как раз в дело годится.

Симон шагнул вперед, заслонив собой Джинкса.

– Тебя это не касается.

– Ничего у тебя не получится, Симон. Не хватит тебе ни ума, ни силы. И уж тем паче способности докончить начатое. Я всегда это говорил.

Чародеи смотрели один на другого – Симон с нараставшим гневом, Костоправ с холодной ненавистью. С трех ножей в розоватой туче теперь медленно капала кровь.

– Идем, Джинкс, – сказал, разворачиваясь, Симон.

– Да-да, иди, Джинкс, – подтвердил Костоправ. – А то дождешься, что…

– Не смей называть его по имени! – прорычал Симон.

Он схватил Джинкса за руку и зашагал по тропе прочь. Джинкс оглянулся, боясь, что Костоправ последует за ними и высосет их души. Но тот просто стоял, смотрел им вслед и улыбался.

Симона окутывал ярко-красный гнев. Джинкс подождал, пока тот выцвел до тускло-оранжевого, и только тогда спросил:

– Это и вправду был Костоправ?

– Он самый.

– Мне всегда говорили, что он по-настоящему злой волшебник.

– Правильно говорили.

– А с виду…

– Не суди о людях по виду, – сказал Симон. – И никогда не

приближайся к нему, Джинкс. Никогда.

Об этом Симон мог не беспокоиться – кто бы стал к нему приближаться? Улыбка Костоправа никого одурачить не могла.

– У него в мыслях ножи были.

– Не сомневаюсь.

– Нам повезло, что мы шли по тропе, – сказал Джинкс.

– А, так ты думаешь, что он мог причинить нам вред? Что он более могущественный волшебник, чем я? Ты так думаешь?

– Нет, – ответил Джинкс, именно так и думавший.

– Набраться силы так, как это делает *он,* может всякий. Нужно лишь захотеть творить то, что творит *он.* А я этого *не хочу.*

– А… А что…

– И я ему ничего не должен!

Глава восьмая
Заклинание, в котором было что-то неправильное

Симон вел себя странно – даже для него. Не стряпал, да и ел всего ничего. Сидел целыми днями, изучая книгу в красном кожаном переплете, сравнивал ее, страница за страницей, с другими книгами, обходил мастерскую по кругу, а потом повторял этот обход, но уже пятясь назад, бормоча себе под нос.

На вопросы Джинкса о Костоправе он не отвечал. Джинкса же особенно интересовало, что имел в виду Костоправ, когда сказал: *как раз в дело годится.* Как-то не походило на то, что речь могла идти о колке дров или уборке в козьем загоне.

Однажды Джинкс проскользнул в мастерскую, когда в ней не было Симона, надеясь выяснить, что тот задумал. И увидел на самой верхней полке завязанную узлом красную в горошек косынку Дамы Гламмер. Джинкс вспомнил, как Симон засунул ее в карман, когда они покидали дом ведьмы после того загадочного разговора о магии корней. Он потянулся к свертку, однако в нескольких сантиметрах от него рука уперлась в какую-то

преграду. Джинкс попытался добраться до свертка и сверху, и сзади. Казалось, что он защищен невидимым стеклянным колпаком. Симон явно наложил на него какое-то охранное заклятие.

Впрочем, Джинкс не сомневался: если он дотянется до платка и развяжет его, то увидит корни.

«Магия корней творит то, чему вообще не следует видеть свет дня», – сказала Дама Гламмер.

Охранное заклятие не мешало свертку испускать холодный мертвенный запах – или создавать такое ощущение. Ощущение несправедливости. Злого дела, которое уже не поправишь. Ледяной, вкрадчивой гнусности. Джинкс вспомнил о чувстве вины, которое он заметил в Симоне по пути к жилищу Дамы Гламмер. И спрыгнул со стола.

Тут на глаза ему попалась книга в переплете из темно-красной кожи. Та, на которую Симон тратил в последние дни так много времени. Обычно Симон не оставлял ее лежать на столе.

Джинкс открыл книгу, полистал. Книга была написана на неведомом ему языке. Он увидел рисунок, изображавший бутылку. А в ней – неясные очертания человеческого тела.

Джинкс перевернул несколько страниц. Картинки – какие-то замысловатые символы, возможно, те, которые полагается копировать с помощью мелка?

Тень Симона легла на страницу. Джинкс оторвал взгляд от книги.

– Немедленно закрой ее, – велел Симон.

Джинкс торопливо захлопнул книгу и опустил ее на рабочий стол. Он ожидал, что Симон рассердится – прежний Симон, тот, какого он знал, так и сделал бы. Однако этот странный новый Симон повел себя иначе – встревожился, показалось Джинксу. Вот появились зеленоватые облачка… чего? Может быть, страха? С чего бы это чародею пугаться?

Симон схватил книгу, запихал ее в карман мантии и ушел. Гнева в нем так и не обнаружилось. Лишь непонятная и даже пугающая тревога.

Проходили дни, недели. Книга больше ни разу не осталась там, где ее мог увидеть Джинкс.

В Симоне что-то переменилось. Джинкс не взялся бы сказать, в чем тут причина – в корнях ли, в заклинании, которое он составлял. Дама Гламмер ошиблась – читать мысли Джинкс не умел. Мысли – это тебе не книги. Они все время меняются.

Но, как бы там ни было, любой человек видит то, что само лезет в глаза, ведь так? А Джинкс видел белую, непроницаемую стену решимости Симона произвести новое заклинание и

розоватые вспышки тревоги о том, что ему это не удастся или что заклинание не сработает. И об эту белую стену билась София со своей тревогой за Симона.

– Ты изменился, – как-то раз сказала она. – Это все Урвальд. Он изводит тебя.

– Урвальд тут не при чем. Просто я сейчас очень занят.

– Почему ты затеял уборку в мастерской? – спросила София.

– Потому что ее следовало затеять, – ответил Симон.

– Но ты же никогда не наводил здесь порядок, – сказала София.

«Да он и на этот раз особо не утруждался», – подумал Джинкс. Ну, может, самую малость. Всю работу выполнял, разумеется, Джинкс.

– Это моя мастерская, – отрезал Симон. – И я могу прибираться в ней, когда захочу. А объяснять тебе все свои поступки я не обязан.

Все это походило на обычную перепалку Симона с Софией и Джинкса особенно не беспокоило. В отличие от стены, которой окружил себя Симон. Стена эта существовала и раньше, однако укрывалась в самой глубине Симона и ограждала его от всех, но не от Софии. Джинкс слушал их, протирая тряпкой для пыли стопку книг. Пыль набилась ему в нос, и он чихал. Оскорбленный паук успел убраться куда подальше.

– Ты занимаешься чем-то необычным, – сказала София. – Каким-то серьезным заклинанием, которого раньше не делал, верно?

– Ты же не желаешь ничего знать о магии, так зачем спрашиваешь? – ответил, не глядя на нее, Симон.

– С тобой невозможно разговаривать, когда ты такой, – сказала София и повернулась, чтобы уйти.

– Вот и не разговаривай.

Бледная дрожь обиды прокатилась по комнате.

– Тебе кажется, что я путаюсь у тебя под ногами, – дрожащим голосом сказала София.

– Не кажется. Так и есть, – резко ответил Симон. Однако мысли его с этими словами никак не сходились. Джинкс совсем запутался. И неожиданно для себя выпалил:

– Он так вовсе не думает, София!

– Не лезь не в свое дело! – рявкнул Симон.

– Это мое дело.

– Нет, Джинкс, не твое, – сказала София. – Симон, может, мы поговорим об этом где-нибудь…

– Не о чем тут разговаривать.

– И этого он не думает! – Джинкс уже не мог остановиться. –

Он ненавидит себя за эти слова. Не знаю, почему он их говорит.

Симон круто повернулся к Джинксу.

– Убирайся отсюда, сию же минуту!

– Нет, Джинкс, не уходи. Уйду я, – сказала побледневшая София.

– Вот и правильно, – согласился Симон.

Она ушла, оставив в мастерской такое ощущение, точно здесь что-то разорвалось надвое.

Джинкс чувствовал себя ужасно. Он слышал, как София дошла до конца коридора и дальше – сквозь каменную стену. Он продолжал стирать с книг пыль, хотя вся она уже перебралась на тряпку и в его ноздри. София нравилась ему, а Симон, так мерзко обошедшийся с ней, его возмущал. Джинксу хотелось побежать за Софией, сказать ей, что в голове Симона творится что-то странное, что по какой-то причине новое заклинание, над которым он работает, представляется ему очень важным… нет, не то. Тут есть какая-то связь с чувством вины, ведь так? В новом заклинании было что-то неправильное, а Симон неведомо почему не хотел, чтобы София узнала об этом.

Симона окружало унылое зеленое облако, от которого у него, похоже, заслезились глаза.

– Я же сказал – убирайся.

Джинкс бросил тряпку на пол и убрался.

* * *

В мастерской не осталось ни пятнышка. Пол и рабочий стол опустели, все вещи переместились на полки. Все было протерто и вымыто. Теперь казалось, что здесь холодно – главным образом из-за Симона. Тот больше не рявкал на Джинкса – вообще почти ничего не говорил. София, конечно, не вернулась. И Джинкс не думал, что она еще когда-нибудь вернется.

Они с Симоном расставили по углам мастерской четыре жаровни, после чего Симон принялся мелом рисовать на полу всякие знаки. Рисуя их, он то и дело заглядывал в красную книгу. Эта работа заняла несколько дней. Джинкс, было дело, случайно наступил на один из знаков – что-то вроде крылатой лисицы, – и Симон бросил на него ледяной взгляд, от которого Джинксу захотелось закутаться в куртку.

Когда с рисованием было покончено, Симон начал варить на одной из жаровен какое-то зелье. Джинкс наблюдал за ним, сидя на высоком табурете, до которого добрался, осторожно пройдя между меловыми фигурами. Сначала от зелья исходил аромат

лакрицы, потом запахло чем-то сладким, вроде как яблоневым цветом. В мастерскую зашла кошка, и Симон наградил ее таким же яростным взглядом, как прежде Джинкса.

Кошка надменно встряхнула одной передней лапкой, потом другой, развернулась и, задрав хвост, удалилась в коридор.

София права, подумал Джинкс. Симон изменился. Он вспомнил, каким добрым к нему был раньше чародей: как он пек тыквенный пирог, поскольку знал, что Джинкс любит его, как не позволял ведьмам слишком уж насмехаться над ним и время от времени проверял, достаточно ли у Джинкса носков. А еще изготовил золотой авиот, ограждавший Джинкса от бед.

Может быть, когда с этим заклинанием будет покончено, прежний Симон вернется? Джинкс сделал бы ради этого все что угодно.

– Возьми вон ту бутылку и отмой ее как можно чище.

Джинкс опасливо пробрался между меловыми фигурами, прошел в кухню, поставил на огонь котелок с водой. Будь все, как

обычно, он просто опустил бы бутылку в воду. Но сейчас он боялся, что бутылка треснет. Прежний Симон не так уж и сердился, когда Джинкс портил какую-нибудь вещь, а нынешний может и взъерепениться.

Когда вода нагрелась, он промыл бутылку ершиком, потом с песком, потом еще и с мылом, потом ополоснул, вытер полотенцем и вышел из дома, чтобы посмотреть сквозь нее на солнце и убедиться, что на ней не осталось ни пятен, ни разводов.

Затем возвратился в мастерскую и поставил бутылку перед Симоном. Тот и словечка не проронил.

Джинкс снова вернулся в кухню, поискать какой-нибудь еды. Он уже прикончил все, что Симон приготовил в последний раз, а сам чародей после ухода Софии почти ничего не ел.

Джинкс порезал кабачок, тыкву, несколько луковиц и свалил все в кипевшую воду. Поварил немного. Вкус у супчика получился никакой. Он добавил соли. Горстку корицы.

Попробовал. Не так чтобы вкусно. Плеснул клеверного сиропа.

Вкус у варева стал кошмарным, однако Джинкс все равно немного похлебал.

После чего налил порцию для Симона. Но тот, когда Джинкс поставил ее на рабочий стол, на тарелку даже не взглянул. Джинкс пододвинул ее поближе к нему.

– Думаю, мы можем начать, – сказал Симон. – Первым делом нужно развести огонь под каждой жаровней.

До сих пор, начиная творить заклинание, он никогда не говорил «мы». Джинксу вроде бы следовало почувствовать себя польщенным, однако он ничего такого не почувствовал. В этом заклинании было что-то неправильное.

– М-может, мне уйти на кухню, чтобы не мешать?

– Нет, мне понадобится твоя помощь, – сказал Симон. – Возьми щипцами горящий уголь и разожги жаровни.

Джинкс бронзовыми щипцами вынул из стоявшей на столе миски рдеющий уголек. Переходя комнату, он видел только сверкание уголька, обонял его горячий запах. Жаровни были заправлены углем вперемешку с готовой вспыхнуть растопкой. На каждой стояла кастрюлька с сухими травами, сваренным Симоном зельем и дурно пахнувшими черными корешками – теми самыми, из косынки Дамы Гламмер.

Пока Джинкс очень медленно и осторожно, чтобы не наступать на меловые фигуры, переходил от жаровни к жаровне, пар и дым свивались в центре комнаты, образуя над ним две перекрещенные арки. Ноги его отяжелели – Джинксу стало трудно справляться с ними, не наступать на мел. Ему начинало

казаться, что на самом деле он не здесь, а где-то еще. Он понемногу выплывал из своего тела. И уже видел самого себя, маленького и глупого, сверху. Вот он разжег последнюю жаровню. Щипцы с угольком выпали из его рук.

Теперь он направлялся к центру комнаты – зачем? Ну да, должно быть, так велел Симон. По мастерской прокатывались громовые, тяжкие, точно камень, волны звуков – должно быть, то был голос Симона. Слов Джинкс не различал, но знал, что должен оказаться в самой середине комнаты, там, где сходились линии зубчатой диаграммы…

Он увидел, как его тело повалилось на пол. Оно лежало, точно тряпичная кукла, бессмысленно раскинув руки и ноги.

Снова грянул голос Симона, а затем чародей подпрыгнул – собственно говоря, это движение длилось лет сто, так что прыжком его назвать было нельзя, – и побежал к телу Джинкса, медленно, как будто проталкиваясь сквозь сплошной камень.

Джинкса происходившее почти не занимало. Он всплыл к потолку и хотел лететь дальше, но что-то его останавливало. Какая досада! Он глянул вверх, полагая, что ему помешал каменный потолок, однако потолок исчез. Вместо него над Джинксом простирался огромный купол черного неба, осыпанный огненно-яркими звездами, миллионами звезд.

Такого неба Джинкс никогда еще не видел. Да в Урвальде это и невозможно. Он различил тусклую серебристую полоску, огромный круг, где небо сходилось с землей, и почувствовал неодолимое желание подняться к полоске и притронуться к ней. Он отчаянно пытался взмыть еще выше. Но не мог. Что-то не пускало его. Может быть, собственное тело. А может быть, Симон.

Не особенно желая того, он снова посмотрел вниз. Симон стоял на коленях у его словно бы скомканного тела. Ладони чародея лежали на груди Джинкса. Он весь трясся от сосредоточенного напряжения.

Наконец, он выпрямился, держа в чаше ладоней золотистый шарик света. Джинкс не без любопытства наблюдал, как Симон встает, как подходит, неся шарик, к рабочему столу.

Зеленая бутылка, которую отмывал Джинкс – он ли это был? теперь уж и не вспомнишь – согревалась над пламенем свечи. Симон бережно-бережно опустил золотистый шарик на ее открытое горлышко. Шарик с минуту покачался, подрагивая, и с тихим хлопком – *твуп* – плюхнулся в бутылку.

Симон быстро заткнул ее пробкой и вернулся к лежавшему в центре комнаты телу мальчика.

Джинкс обернулся, чтобы еще раз взглянуть на огромный купол ночного неба, чувствуя, что мог бы взлететь туда, если бы

только Симон ему позволил.

Симон же опустился на колени и мягко положил ладонь на лоб Джинкса. Это было ужасно – Джинкс почувствовал, как тело неодолимо тянет его вниз, к себе. Он пытался сопротивляться, но без толку. Над ним снова объявился потолок – каменный, непроницаемый, – а небо исчезло. И Джинкс начал падать. Он вскользнул в свое пустое тело и лишился чувств.

Глава девятая
В мешке

Джинкс очнулся. Он лежал, накрытый кусачими одеялами, на полу перед летним очагом. Ему было жарко. Он сбросил одеяла.

И сразу же рядом с ним опустился на колени Симон.

– Как ты?

Джинкс мгновенно почувствовал: что-то не так, что-то неправильно, совсем неправильно. Симон положил ладонь ему на плечо:

– Джинкс! Скажи что-нибудь, Джинкс.

А Джинкс никак не мог понять, в чем дело. Но, так или иначе, с большей неправильностью он еще не встречался.

– Выпей воды.

Джинкс сел. Вгляделся в капли на медном ковшике, который протянул ему Симон. Потом взял ковшик в подрагивавшие руки, отпил воды. Она отдавала на вкус камнем и медью. Он выпил ее всю и захотел еще. Хорошо бы встать и попить. Правда, сначала надо сообразить, как это делается. Ему начинало казаться, что он утратил какое-то из своих чувств.

– Джинкс, скажи что-нибудь.

Джинкс взглянул Симону в лицо и увидел… ничего он не увидел. Просто лицо. Ни красок, ни облачков, ни лучей света, ни оранжевого гнева с драными краями… ничего, только лицо.

И не потому, что мысли Симона стали непроницаемыми, как у Дамы Гламмер. Что-то ушло из самого Джинкса.

– Нет, – сказал он.

– Что – «нет»? – спросил Симон.

Спросил, да, но что он при этом *подумал?* Был ли он насмешлив, сердит, встревожен? Как можно догадаться об этом лишь по движениям – губ, глаз, бровей? Его, Джинкса, будто в мешок засунули! Разъярившись, он швырнул ковшик в очаг.

Брови Симона полезли вверх. Что бы это ни означало. Он взял каминные щипцы, подхватил ими почерневший от копоти ковшик, положил его на полку над очагом.

– Так уж ли это было необходимо, Джинкс?

– Да, – ответил Джинкс.

Он с трудом поднялся на ноги, окинул взглядом ставший неправильным мир. Пошатнулся. Симон протянул руку, чтобы поддержать его, но Джинкс ее оттолкнул.

– Я не вижу, – сказал он.

Симон наклонился к нему, заглянул в глаза.

– Конечно, видишь. Ты же смотришь прямо на меня.

– Не вижу.

Одно из его чувств исчезло. А может, и больше. Ладно, *глазами* он видеть может. Различает запахи, звуки, осязание тоже при нем. Он лизнул тыльную сторону ладони – вкус земли и соли. Пять чувств. Шестое сгинуло.

– Я не вижу облачков вокруг твоей головы, – пояснил Джинкс, стараясь придавить панику, которая нарастала в его душе. Ему казалось, что в собственной его голове появилось пустое белое пространство.

– Да ведь вокруг моей головы и нет никаких облачков.

Говорил Симон тоном очень терпеливого человека, а лицо его выражало… что оно выражало? Джинкс не понимал, о чем думает Симон.

– Я о цветных облачках! О тех, что и ты всегда видишь.

– Я никаких облачков не вижу, Джинкс.

– Конечно, видишь! Их все люди видят!

Впрочем, Джинкс уже начинал приходить в себя, и в голове у него стало проясняться. «Оставь попытки прочесть мои мысли, – сказала Дама Гламмер. – Этого никто не может». Уж не облачка ли она имела в виду?

– Или не все… – проговорил Джинкс. Эта мысль впервые пришла ему в голову.

Заклинание Симона лишило Джинкса способности… не читать мысли, нет, ведь он их и не читал, но видел окраску и форму того, что думают люди. Симон смотрел на него сверху вниз, на лице чародея застыло выражение… озабоченности? Гнева?

Какая разница! Джинкс бочком, виляя, – пустое белое пространство мешало ходить по прямой – побрел к входной двери. Она не открылась.

– Выпусти меня!

– Не сейчас, Джинкс. Успокойся. Съешь что-нибудь.

– Не хочу я ничего есть!

Он протиснулся мимо Симона. Существовал еще один выход из дома. Джинкс неуклюже начал карабкаться по ведшей на чердак лестнице. Пустое белое пространство мешало ему, и, добравшись до чердака, он споткнулся и чуть не свалился обратно в кухню. Он слышал, как Симон поднимается по лестнице следом за ним, но все равно подошел к двери-в-никуда и распахнул ее. Однако Симон успел схватить его.

– Джинкс! Не надо, Джинкс. Не делай этого.

Джинкс бился, пытаясь вырваться из его рук. Ему стало немного лучше – от кусочка синего неба вверху, от живого дыхания Урвальда, вливавшегося в открытую дверь. По крайней мере, *это* он еще ощущает.

– Здесь очень высоко, Джинкс. – Симон втянул его внутрь, и дверь захлопнулась сама собой. – А теперь спустись вниз и поешь.

– Тебе не удастся заставить меня есть.

– Конечно. Спускайся.

Джинкс наполовину слез, наполовину скатился по лестнице, подбежал к стоку у водяного насоса, и там его вырвало.

– Ничего, ничего, иногда это действует на людей и так.

Симон подергал ручку насоса, промыл сток и дал Джинксу влажное полотенце.

Он снова положил руку на плечо Джинкса, и тот, устав сопротивляться, позволил Симону подвести его к ступеням лежанки и усадить.

– Что ты со мной сделал? – требовательно спросил Джинкс.

– Ничего особенного, заворожил немного.

– Немного! Ты наложил на меня страшное заклятье!

– Ты скоро придешь в себя.

– Не приду, пока не смогу снова видеть облачка!

– Ты заговариваешься, Джинкс. Нет никаких облачков. Может, тебе стоит отдохнуть?

– У меня что-то не так с головой.

– С головой у тебя все в порядке.

Погодите-ка, есть же еще один выход из дома! Джинкс вскочил на ноги, доковылял по коридору до стены, за которой исчезала София. Врезался в нее всем телом. Она по-прежнему оставалась каменной стеной. Джинкс толкнул ее, потом замолотил кулаками по камню.

– Перестань, Джинкс! – Симон снова ухватил его.

Но на этот раз Джинкс из его рук вырвался.

– Пропусти меня туда!

– Джинкс…

– Я хочу увидеть Софию, – он снова ударился о камень всем телом. – Скажи, как пройти сквозь стену!

– *Ты* пройти сквозь нее не сможешь.

– Потому что ты мне *не скажешь*, да? – прежде Джинкс не осмелился бы так разговаривать с Симоном. Он взглянул на чародея, ожидая увидеть оранжевый гнев, но, разумеется, ничего не увидел. Только встревоженное лицо, – а кто знает, что за ним кроется?

Скорее всего, ложь.

– Она разъярится, узнав, что ты сделал со мной, – сказал Джинкс.

– Я ничего с тобой не сделал. Послушай, Джинкс…

– Я же знаю, здесь есть проход!

Джинкс повернулся к стене, намереваясь еще раз ударить по ней, но Симон оттащил его в коридор.

Отбросив руки чародея, Джинкс поплелся в мастерскую. В поисках зеленой бутылки, которую Симон использовал, когда творил заклятье, он перевернул все, что лежало на рабочем столе, стянул с полок книги – вдруг бутылка спрятана за ними.

– Прекрати! – сказал Симон.

Джинкс ненароком сбил с полки Кальвина, попытался поймать череп в воздухе, но белое пространство в голове заставило его промахнуться. Кальвин ударился о рабочий стол, перекатился на бок и замер, угрюмо глядя на Джинкса.

– А что он сделал *с тобой?* – спросил у черепа Джинкс.

– Хватит, Джинкс. Сядь. Успокойся. Ну же, – Симон подхватил мальчика, поднял и усадил на табурет. – Давай-ка – несколько глубоких вдохов и выдохов.

Джинкс поднял взгляд на Симона и снова не увидел никаких облачков. Ему захотелось прибить Симона, запустить в него чем-нибудь, швырнуть Кальвина в непроницаемое лицо чародея, но сделать этого он не мог, потому что Симон был опасен. Джинкс и не представлял себе до этого времени, насколько он опасен.

Мальчик сидел и дышал, глубоко, неровно, и старался успокоиться, начать думать, хоть пустое белое пространство и

мешало этому. Что бы ни сотворил с ним Симон, должен был существовать способ или средство поправить это. И Джинкс был намерен найти его.

Глава десятая
Знание – сила

Дни и ночи Джинкс обшаривал дом, отыскивая ключ к тому, что сотворил с ним Симон. А Симон тем временем работал над новыми заклинаниями. Джинксу казалось, что чародей стал намного могущественнее. А единственный успех Джинкса по части изучения магии сводился к тому, что теперь он овладел искусством поднимать в воздух книги, да и то не слишком тяжелые. И это все.

Потери его новое умение не возмещало.

Симон ходил всклокоченный, с запавшими глазами. Наверное, мало спал. А мылся уж наверняка нечасто. И подолгу сидел, уставившись взглядом в голую каменную стену, из-за которой раньше появлялась София. Джинкс теперь уже понимал – по таким признакам и узнаешь, о чем человек думает… нужно присматриваться к тому, куда обращается его взгляд, отмечать, на каких словах он вдруг замолкает, ну и так далее.

Впрочем, Джинкса это не занимало. Утратив способность видеть чувства других, Джинкс стал проникаться намного бóльшим интересом к тому, что чувствует *он сам.* А чувствовал

он, что ему все надоело. И в доме Симона Джинкс оставался лишь потому, что не понимал, как сможет вернуть утраченную способность, если уйдет отсюда.

Правда, он мог бы добраться до Самарры. Джинкс помнил слова Софии о том, что Симон пришел в Самарру, чтобы найти ответы на магические вопросы. А ну как и ему, Джинксу, удастся выяснить там что-нибудь о своей пропавшей способности? Ведь Симон отнял ее с помощью магии, и Джинкс, обдумав все, пришел к заключению, что она тоже была своего рода магией. Великой магией Урвальда, как назвала ее Дама Гламмер.

Он снова и снова изучал ту каменную стену. Иллюзией она не была. Была стеной.

Симон часто уходил в Урвальд, иногда отсутствуя по нескольку дней подряд. Джинкс ни разу с ним не попросился. Он использовал отлучки Симона для обысков в мастерской и в других комнатах дома, искал зеленую бутылку. Но так ее и не нашел.

Он читал Симоновы книги по магии, надеясь узнать из них, что сделал с ним чародей. Толку от книг было мало, – они норовили утаить столько же сведений, сколько открывали. И слова в них были какие-то странные – такие, чтобы читателю приходилось ломать голову над тем, что ему полагается делать.

Одна написанная на самарране книга называлась «Знание – сила».

Едва Джинкс раскрыл ее, как книга загорелась, но он с помощью магии вобрал пламя в себя. Затем ушел в кухню и там прочитал книгу, сидя на теплой лежанке.

Насколько мог судить Джинкс, большой полезностью она не отличалась, а была просто сборником заклинаний вроде следующего:

Вещь можно спрятать у всех на виду.
Знающий, что она здесь, найдет ее,
не знающий не найдет.

И такой дребедени в книге было полным-полно. Она не рассказывала, что нужно сделать, а просто говорила о том, что *может* быть сделано. Джинкс прочел ее от корки до корки, – ах, если бы он сумел понять, о чем она толкует! Тогда, быть может, книга помогла бы ему попасть в Самарру.

* * *

Джинкс стоял, закопавшись пальцами в лесную почву. Умение понимать деревья его не покинуло, не ушло, повинуясь заклятию Симона, в зеленую бутылку. Почему так случилось, Джинкс не знал. На самом-то деле, с тех пор как он лишился способности видеть мысли людей, Джинкс стал яснее, как ему казалось, различать мысли деревьев. Он попытался выспросить у них, что сделал Симон с его магией, однако деревья его не услышали. Они знали, что Джинкс слушает их. Но сами его не слушали.

Стояло раннее лето, и деревья говорили об этом – о дожде, о том, как славно все перегнивает в земле, когда она согревается. И о страхе. Страх был чем-то новым, и он продвигался по Урвальду.

Огров, троллей и драконов деревья не боялись. Считали их докучливыми, и только. А тут было что-то намного, намного худшее. Оно шло с запада на восток, приближаясь, насколько смог понять Джинкс, к дому Симона. В подробности деревья не вдавались. Они даже не пытались описать это ужасное создание. Просто говорили: *страх*.

Джинкс вытащил пальцы из земли и направился к дому.

И вдруг ощутил какое-то движение в лесу за своей спиной. Обернулся. Что-то волосатое, четвероногое. Волколак или медвелак? Вот тварь показалась из-за древесного ствола. Волколак. Джинкс развернулся, намереваясь припуститься бегом, однако угодил ногой в какую-то нору и упал.

Он вскочил, стараясь двигаться как можно быстрее и бесшумнее. Но едва наступил на правую ногу, как ее пронзила боль. Правая лодыжка вспухла и странно скособочилась. Он сделал шаг. Больно. Сделал другой. Волколак, от которого Джинкса отделяло ярдов[12] пятьдесят, с интересом обнюхивал землю. Джинкса он пока не заметил, но след его через секунду-другую возьмет. И очень скоро Джинкс увидел – взял. Уши волколака задергались. Он жадно втянул носом воздух как раз на том месте, где недавно стоял, зарывшись в землю пальцами, Джинкс.

Мальчик сосредоточился на укрывающем заклятье. Сосредоточился сильнее, чем когда-либо в жизни. Он посмотрел на свои отчетливо видимые ступни – правая начала распухать, не желая отставать от собственной лодыжки. Попробуй еще раз. *Сосредоточься!*

Теперь волколак рыл лапами рыхлую землю – там, где в ней укрывались ноги слушавшего деревья Джинкса. Все без толку, заклинание ему не давалось. Он никогда не сможет укрыться. И тут голос Симона произнес в его голове: «*Конечно, не сможешь. Потому как думаешь, что не можешь*».

Значит, надо забыть про «не могу». Он *должен* сделать это, иначе им пообедают. Джинкс сосредоточился еще пуще. *Меня здесь нет. Меня здесь нет.* Он всей душой тянулся к силе, бывшей, по словам Симона, у него внутри.

И внезапно обрел ее. Впервые и вправду почувствовал присутствие силы. Откуда она взялась, Джинкс не знал, но сила была в нем. И он резким рывком втянул ее в укрывающее заклятье.

Вставшие торчком уши волколака развернулись в его сторону. Зверюга принюхалась к воздуху и пошла прямиком на Джинкса. С волком она имела сходство большее, чем с человеком, и передвигалась на всех четырех. Однако передние лапы выглядели как руки, завершавшиеся ладонями с длинными, желтоватыми когтями.

Волколак подкрался совсем близко. От Джинкса его отделяли лишь несколько футов. Еще пара шагов. Никогда еще Джинкс не был так близок к смерти. Волколак уткнулся носом в землю у его ступней. Обошел Джинкса по кругу, все принюхиваясь и принюхиваясь. Нос чудища едва не коснулся его ноги.

Наконец, волколак уселся на землю и принялся озадаченно озираться по сторонам. И спустя всего пару мгновений (хотя Джинксу показалось, что прошел не один час) встал и потрусил, поджав хвост, в глубину леса.

Чтобы дохромать до дома, Джинксу потребовалось больше часа. Этот путь – по Урвальду, без тропы, без возможности бежать – мог показаться ему куда более страшным. Но не показался. Теперь у него была сила.

– Что с тобой, Джинкс? – встревоженный Симон торопливо шел по прогалине ему навстречу.

– У меня получилось! – объявил ему Джинкс. – Я сотворил укрывающее заклятье.

– Я знал, что получится, – Симон помог ему войти в дом. – От кого пришлось укрываться?

– От волколака, – ответил Джинкс. – Он обнюхал все вокруг моих ног, но так и не понял, где я.

– Великолепно! – Симон улыбнулся, обретя на миг сходство с собою прежним. Однако прежним Симоном он не был, и Джинкс не был прежним Джинксом, и в теперешних их разговорах неизменно присутствовало что-то колкое и неловкое. – Ладно, положи ногу на стул, а я пока поесть приготовлю.

Пока Симон стряпал, Джинкс попробовал поднять над полом кошку. Не получилось. Как будто силы у него было не больше, чем прежде. Однако Джинкс знал: силы в нем прибавилось. Он ощущал ее. Он смог сотворить укрывающее заклятье – и по-

настоящему надежное.

Знание – сила. Джинкс вспомнил о книге. Ладно, стало быть, он *знает,* что способен оторвать кошку от пола. Джинкс снова уставился на нее, сосредоточился. Кошка смерила его презрительным взглядом и осталась сидеть на полу.

Позже, когда Симон отправился доить коз (для разнообразия), а Джинкс обнаружил, что может ходить без боли в лодыжке, он пошел в мастерскую и немного порылся на полках над рабочим столом.

Отыскал маленькую, переплетенную в кожу книгу – «Знание – сила», снял ее с полки, полистал. Дурацкие все-таки заклинания, – если это заклинания. *Вещь можно спрятать у всех на виду. Знающий, что она здесь, найдет ее, не знающий не найдет.* Симон-то вроде бы говорил совсем другое, противоположное: «*Конечно, не можешь. Потому как думаешь, что не можешь».* А тут…

И вдруг Джинкс понял, что говорит ему книга.

Он прислушался. Симона не слыхать. Джинкс вышел в коридор. Прислушался снова. Тишина. Вооруженный уверенностью в себе, которую приобрел, сотворив укрывающее заклятье, Джинкс направился к голой стене в конце коридора.

Он много раз водил по ней ладонями, нащупывая дверь, но ладони встречали только гладкий камень. Ну, ладно.

Теперь он знал: *дверь здесь.*

Он протянул перед собой руку. И она ушла на несколько дюймов[13] в камень, который внезапно исчез куда-то. Джинкс коснулся чего-то деревянного. Прошелся пальцами по неровной поверхности, там, где, как он полагал – нет, как он *знал,* – находился запор. Вот и железная ручка. Джинкс нажал на нее большим пальцем. Щеколда со скрипом и скрежетом поднялась. Он потянул дверь на себя. Теперь он увидел ее. И прошел в нее.

Комната, полная книжных полок, – книг здесь даже больше, чем в мастерской Симона. Пыли нет – очень похоже на то, что пользуются комнатой часто.

Джинкс потянулся было к книгам (в конце концов, они могут оказаться теми самыми, читать которые Симон ему не разрешал), однако увидел еще одну дверь – надо было узнать, что там, за ней.

Он распахнул ее и сразу закашлялся. Вот в *этой* комнате пыли было полным-полно, толстый слой ее покрывал и пол, и все остальное. В комнате стояло нечто мягкое, похожее на кровать, но со спинкой и подлокотниками, как у кресла, – наверное, на этом полагалось не лежать, а сидеть. Имелся также стол и кувшин с давно увядшими цветами.

Еще одна дверь в дальней стене – большая, тяжелая, окованная железом. Она явно защищает что-то важное, находящееся либо здесь, внутри, либо снаружи. Джинкс подошел к ней, попробовал поднять щеколду, но та не шелохнулась.

Замочная скважина отсутствовала. Джинкс поискал стержни, уходящие из двери в пол или в потолок, и не нашел. Щеколда была как щеколда, значит, тут наложены какие-то чары. Джинкс, надеясь хоть на дюйм приподнять ее, попробовал подъемное заклинание, не ожидая, впрочем, что оно сработает, – оно и не сработало.

– Ага! – вслух произнес он.

Ну, конечно же! Он же *знает,* что дверь открывается.

Джинкс протянул руку, поднял щеколду и открыл дверь.

И сразу зажмурился от яркого белого света солнца. Порыв горячего сухого ветра ударил ему в лицо. Ветер пахнул пылью, но куда более сухой и летучей, чем та, что собиралась по углам Симонова дома. От запаха жаркого воздуха что-то зашевелилось в памяти – да, иногда София, только-только появившаяся в доме, пахла вот так же. Самарра. Джинкс начал открывать один глаз, медленно, по чуть-чуть. Тяжелая рука Симона могла в любое мгновение пасть ему на плечо и затащить обратно в дом, прежде чем он успеет сунуться дальше.

В конце концов ему удалось открыть глаза.

Нет, это тебе не Урвальд.

Никаких деревьев. Только дома, слепящее желтовато-белое небо и песок под ногами.

Он огляделся вокруг. Так и есть, ни единого дерева. Огромное пустое небо, от которого нечем защититься.

Он переступил порог. Горячий, неудобный для ходьбы песок, однако Джинкс захлопнул дверь и торопливо пошел вперед. Ему хотелось найти Софию, но еще сильнее хотелось изучить это место, узнать что-нибудь об утраченной им магии.

Он шел между двумя рядами плоских квадратных домов, словно прилипших друг к другу, желтых, как песок. Оглянувшись, увидел череду выкрашенных в разные цвета дверей. Дверь Симонова дома была фиалкового оттенка. Он сможет найти ее снова.

Чтобы не жгло пятки, Джинкс вступил в тень домов.

Он находился в… ну правильно, названия подобных мест попадались ему в книгах: в «городе». А шел по «улице».

Свернув за угол, Джинкс увидел мужчину, с ног до головы обвешанного… курами. Хлопавшие крыльями и кудахтавшие, они были привязаны за ножки к двум шестам, которые мужчина нес на плечах. Он бросил на Джинкса нелюбопытный взгляд –

наверное, когда вокруг тебя так кудахчут, обращаешь мало внимания на людей, – однако Джинкс отметил, что и страх, с которым в Урвальде смотрели на чужаков все и каждый, в глазах мужчины отсутствует. Окруженный трепещущим пернатым кружевом и неповторимым запахом курятника, он разминулся с Джинксом.

Новые улицы, новые повороты, новые квадратные дома с разноцветными дверьми. Джинксу казалось, что свернул он раз шесть, ну, может быть, семь. Мимо него рекой текли люди в ярких одеждах.

На урвальдийцев они не походили. Нет, какое-то сходство имелось – волосы и глаза демонстрировали все положенные им расцветки и очертания, кожа имела оттенки от бледно-розового до темно-коричневого. Но лица у людей были совсем не такие, как в Урвальде, – никто из них не ожидал, что на него может в любой миг наскочить неведомо что и слопать на месте.

Не походили они и на чародеев.

Джинкс шел и шел по городу. Дома стали выше, ноги Джинкса ступали теперь по плоским, припорошенным песком камням. Счет сделанным поворотам он потерял и уже не очень-то понимал, в какой стороне находится дом Симона. Трудно определить направление, когда у тебя нет ориентиров – деревьев. Порой кто-нибудь наступал ему на ногу. Похоже, здешние люди привыкли налетать один на другого и преспокойно идти дальше. Джинкс не привык. Обилие людей пугало его, да и отсутствие деревьев душевного покоя не сулило. Чужие голоса громыхали в его ушах. Здесь все говорили одновременно, норовя переговорить, перекричать друг друга. Ничего такого уж магического Джинкс в этом не видел.

Наконец, он вышел на огромную мощеную камнем площадь. Ни деревьев, ни сколько-нибудь приметной магии здесь тоже не наблюдалось, но посмотреть было на что. На каменной кладке площади были расстелены одеяла и коврики с выставленным на продажу товаром. Джинкс увидел странные колючие плоды, связки луковиц, бочонки с рожью и бесценной пшеницей. Учуял запахи редкостных пряностей, знакомые ему по кухне Симона.

Над площадью господствовало огромное здание из желтого камня. Джинкс видел похожее в одной книге, но не помнил, как оно называется. Высокие колонны фронтона поддерживали над широкими каменными ступенями… ага, «портик», вот верное слово. А называется это здание «храмом». Зачарованный Джинкс направился к нему, хоть его и толкали со всех сторон, и пинали, и на ноги наступали еще чаще.

Двор перед храмом окружала ограда из высоких

металлических кольев. Железные ворота были открыты, и Джинкс вошел в них. Теперь он видел вырезанные на портике слова:

ЗНАНИЕ – СИЛА

Слова с обложки книги заклинаний! Слова, произнесенные Софией! Может быть, здесь он ее и найдет? Или о магии своей что-то узнает? Люди поднимались и спускались по ступеням, входили в огромные, распахнутые двойные двери храма и выходили из них. И одеты все они были в мантии вроде той, какую временами носила София.

Наверняка она здесь. Джинкс пересек вымощенный каменными плитами храмовый двор. Идти он старался так же, как люди в мантиях, – быстро и целеустремленно, однако спокойно. Даже при том, что Симон лишил его магии, Джинксу все еще удавалось ощущать чужое спокойствие. Ему представлялось, что, если бы он мог *видеть,* спокойствие это походило бы на плотное сиреневое облако.

Способность почти что видеть окраску чужих ощущений вселила в Джинкса новую надежду на то, что он отыщет здесь свою магию.

Он поднялся по ступенькам. Спускавшаяся навстречу женщина бросила на него быстрый любопытный взгляд, но пошла дальше – у нее и своих дел хватало. Джинкс тоже постарался придать себе вид человека, погруженного в мысли о собственных делах.

И вот он прошел через высокие двойные двери и оказался в огромном зале с рядами длинных деревянных столов, за которыми сидели и писали что-то сотни людей в мантиях. Единственным слышным здесь звуком был скрип перьев, да время от времени кто-нибудь откашливался – негромко, чтобы не стать возмутителем спокойствия.

На шедшего по залу Джинкса никто не смотрел. Он вглядывался в ряды столов – Софии среди сидевших за ними не было. А еще он пытался разглядеть, что они такое пишут. Перед некоторыми лежали книги – эти люди что-то выписывали оттуда. Другие заполняли словами страницы пустых книг. По дальней стене зала тянулись чередой высокие окна, но никто из пишущих

не отрывался от работы, чтобы взглянуть на них. И никто не поднимал глаз на Джинкса.

Интересно, не те ли это «они», которых упоминали в своем споре Симон и София. Симон сказал тогда: «*Ты думаешь, что я ничем не лучше их».* А София: «*Они считают, что неведение – это так очаровательно, когда невежды – не они сами».*

В дальнем конце храма виднелись двери, открытые на пронизанную солнечным светом крытую галерею, – Джинкс видел, как и через них входят и выходят люди в мантиях. Он направился туда, ему не терпелось найти Софию или еще кого-то, кто сможет рассказать о его магии.

– Что делает здесь столь маленький мальчик?

Голос прозвякал по каменным плитам, точно упавшая на пол жестяная тарелка. Перья замерли. Сотня голов повернулась, две сотни глаз нацелились на Джинкса.

Оторвав взгляд от пола, он увидел перед собой рослую женщину. Всего на миг ему показалось, что это София, но нет – слишком высока, слишком седа, к тому же София никогда не выглядела столь суровой и устрашающей.

Маленьким мальчиком Джинкс вовсе не был. Тем не менее голос, которым он ответил: «Я ищу Софию», – показался ему самому голосом маленького мальчика.

– Какую Софию?

Под ее взглядом он *почувствовал* себя сущей малявкой, а от присутствия сотни безмолвных зрителей стало еще хуже.

Некоторые чародеи, упомянутые в прочитанных им магических книгах, носили по два имени сразу. И второе было обычно таким, как у Симона. Может, оно и у Софии такое.

– Софию Волхв, – сказал он.

Из сотни ртов вырвалось дружное: «ах!». Не ахнула только стоявшая перед Джинксом женщина.

– Если кого-то зовут Волхвом, *вряд ли* стоит искать его *здесь,* – сказала она.

Это казалось невероятным, но некоторые из ученых мужей хмыкнули.

Джинкса они уже здорово раздражали. Интересно, как только София их терпит. Читать он любил ничуть не меньше других, но его интересовало и то, что происходит *вне* книг. За дверьми храма лежал огромный, яркий, чарующий мир, а эти люди сидели здесь, повернувшись к нему спиной! «Не заслуживают они знакомства с Софией», – подумал Джинкс.

Приходилось также признать, что ничего хотя бы отчасти магического в них не присутствовало. София хоть и не одобряла магию, но любила ее. И приходила София вот из этого дома, над

дверью которого начертано «Знание – сила». Но при этом «Знание – сила» – название книги заклинаний. Полная бессмыслица.

Снаружи поднялся шум – крик, ругань, – к которым присоединялись все новые и новые десятки громких, рассерженных голосов.

– Что там такое? – повелительно спросила женщина.

– Какой-то переполох на базаре, Вершительница, – сказал, поднимаясь с места, один из мужчин. – Я закрою двери.

Никто больше не встал, чтобы посмотреть, в чем дело, – переполох на базаре этих людей не касался. В книгах ни о чем таком не написано, думал Джинкс, поворачиваясь, чтобы выглянуть в дверь. За ней шла повальная драка – куда ни глянь, везде колеблется масса лупящих друг друга почем зря людей. Даже вставший, чтобы захлопнуть дверь, мужчина, казалось, удивился и пару мгновений помедлил перед тем, как закрыть одну створку, – и Джинкс готов был поклясться, что успел как раз перед этим заметить вырвавшуюся из толпы и направившуюся к храму знакомую фигуру.

Мужчина закрыл и вторую створку – в зале вновь воцарилась спокойная тишина – и вернулся на свое место, покачивая головой: какие же пустые люди толкутся нынче на площади.

– Почему ты решил, что сможешь найти в Храме Знания кого-то, носящего имя Волхв? – осведомилась Вершительница.

– Может быть, ее и по-другому зовут, – сказал Джинкс. Ему не давал покоя только что выбравшийся из толпы человек. – Э-э, ну, мне пора.

Внезапно двойные двери распахнулись от удара настолько сильного, что створки их врезались в каменные стены – с грохотом, какого этот зал, наверное, не слышал уже много лет. Сотня пар ладоней прикрыла сотню пар ушей.

Симон был вне себя от ярости. Джинкс невольно отпрянул. Он услышал, как у Вершительницы перехватило дыхание, а затем она резко произнесла:

– Позовите стражу.

За спиной Джинкса раздался топоток – двое не то трое мужчин воспользовались ее приказом, чтобы убраться из зала подобру-поздорову. Все прочие остались сидеть.

– Мне просто нужен мальчик, – сказал Симон.

Вершительница сцапала Джинкса за плечо, что ему совсем не понравилось. Пальцы у нее были, точно когти большой птицы.

– И ты просто взял и открыл эти двери с помощью *магии,* – последнее слово прозвучало у нее, как непристойное ругательство.

– Я ничего не порушил. Пока. Отдай мне мальчика.

– Нет уж, обидеть невинное дитя мы тебе ни в коем случае не позволим.

Симон стремительно двинулся по проходу. Книгочеи, мимо которых он проходил, отшатывались и подбирали полы своих мантий.

– Это *мой* мальчик.

Он схватил Джинкса за руку – не больно, но крепко. Пальцы Вершительницы впились в плечо Джинкса, и вот это уже было больно. На него никто из этих двоих не смотрел, они пытались пригвоздить друг друга взглядами, лбы их наморщились, брови грозно сошлись, глаза словно сверлили противника. Джинксу стало казаться, что они могут разорвать его пополам и даже не заметить.

Ему не очень понравилось, что Симон явился сюда и объявил его *своим,* но уж Вершительнице-то он не принадлежал ни в коем случае. Вообще говоря, Джинкс полагал, что принадлежит себе самому.

Из галереи донесся тяжкий топот, а затем в зал вошли и остановились с полдюжины мужчин с мечами наголо. Они переводили взгляды с Вершительницы на Симона и, похоже, не знали, что предпринять. Потом лица мужчин стали испуганными, и Джинкс понял, что Симон заморозил на них одежду.

– Твои стражи повредить мне не смогут, – сказал Симон. – Отпусти мальчика, я заберу его и уйду.

– Думаешь, тебе позволят уйти?

– Если я не уйду, многие пожалеют об этом.

Угроза, звучавшая в голосе Симона, была серьезной. Хватка Вершительницы ослабла – ненамного, но Джинксу хватило и этого, чтобы дернуть плечом, нырнуть вниз и вырваться из ее лапы. И в тот же миг они с Симоном побежали. Стражи за их спинами ожили – замораживающее одежду заклятие держится, лишь пока ты смотришь на тех, кто ее носит. Джинкс и Симон скатились по ступеням и понеслись через двор к базарной площади, где дрались уже все и каждый.

– Отпусти меня, – пропыхтел Джинкс.

Симон не ответил, он бежал, огибая толпу и волоча за собой Джинкса, чьи пятки ударяли в землю лишь по два раза на каждые три шага. По краям драчливой толпы поднялся крик…

– Симон! Симон Волхв! Говорил я тебе, что видел его!

– Быстрее! – приказал Симон.

Стражи уже с топотом нагоняли их. Краем глаза Джинкс увидел, что к нему и Симону бегут из толпы люди – множество других перерезало им путь впереди. Еще миг – и они будут окружены.

Но тут Симон упал.

Джинкс удивился настолько, что даже не попытался ничего предпринять. Падение Симона было так же немыслимо, как падение могучего дерева. Симон исчез под грудой стражей, а Джинкс так и стоял на месте. Руку его Симону пришлось выпустить, но Джинкс даже не попытался сбежать. Он не мог, как не мог и бросить Симона.

– Вытащи меня из-под них, Джинкс!

Стражники лежали беспомощной кучей, одежды их заморозились снова, руки пытались как-то справиться с мечами, которые просто болтались в их беспомощных ладонях. Этакая колышущаяся масса клинков. В конце концов запястья стражников странно вывернулись, и мечи попадали на землю.

– Они убили его! – завопил кто-то в толпе. – Чародей мертв!

Джинкс вцепился в обездвиженного стражника, попытался стащить его с Симона. Стражник яростно вытаращился на Джинкса, попробовал укусить его. Другие руки из этой кучи-малы норовили схватить Джинкса. Он узнал среди них длинную тонкую руку Симона, вцепился в нее, потянул. Стражники мотались из стороны в сторону, стонали, пытались лягаться – и, в конце концов, Джинкс навзничь упал на камни, а Симон повалился с ним рядом. Он продолжал, не мигая, смотреть на стражников.

– Вокруг нас люди, Симон, – сказал, поднимаясь на ноги, Джинкс.

– Пусть лучше не подходят, иначе я из них ящериц понаделаю!

Симон слегка повернул голову, поймав взглядом и часть толпы, – одежда, увидел Джинкс, замерзла и на этих людях. Однако за спиной его слышался злобный ропот и, обернувшись, он понял, что Симон справляется лишь с четвертой частью тех, кто их обступил.

Взглянув на Храм, Джинкс различил на его ступенях наблюдавших за происходящим людей в красных мантиях.

– Приготовься к пробежке, – сказал по-урвийски Симон. Он медленно встал, не сводя глаз с людей, которых обездвижил.

Большей готовности к пробежке Джинкс в жизни своей не испытывал.

И тут он услышал цокот копыт, а вскоре – гораздо скорее, чем позволял ожидать этот слабый поначалу звук – на площадь вылился из улицы отряд вооруженных конников. Толпа разбегалась, чтобы очистить им дорогу. Симон схватил Джинкса за руку и понесся прямиком навстречу наступавшему войску.

Бежать на всадников? Безумие! Джинкс следовать за ним не хотел. Он упирался, но Симон тянул его за собой, а падать на

землю Джинкс не решался из страха, что кони затопчут его. И скоро кони окружили их. Правда конями они не пахли, да и наталкиваясь на них, Джинкс никаких ударов не ощущал.

– Иллюзия! – воскликнул он.

– Помалкивай и беги, – отозвался Симон.

Они побежали дальше и через минуту-другую снова услышали за своими спинами топот. Созданной чародеем иллюзии всадников не хватило надолго, толпа поняла, что ее надули. Они свернули на одну улицу, потом на другую.

Ничего знакомого Джинкс вокруг не видел, даже когда Симон подлетел к фиалковой двери и распахнул ее. И миг спустя они оказались в доме, в запыленной, заброшенной гостиной, и Симон захлопнул дверь, и привалился к ней, и оба замерли, пытаясь отдышаться.

Глава одиннадцатая
Вопросы жизни и смерти

Джинкс отдышался первым:

– Что это за…

– *Ты дурачина!* – Симон так и стоял, привалившись к двери. – Как ты… как…

Закончить он не смог, не хватило воздуха.

– Я не дурачина, – возразил Джинкс. – Это ведь тот город, из которого приходит София. Самарра. Где он находится?

Ответ он знал и сам – за дверью. Но теперь они вернулись в дом Симона, а дом стоял в Урвальде, и никакой Самарры здесь в помине не было.

– Иди. В дом, – выговорил сквозь стиснутые зубы Симон.

– Можно мне взглянуть на книги?

Симон не ответил, и Джинкс решил, что настаивать не стоит.

Он подошел к пустой стене, протянул руку к двери, открыл ее.

– Как ты это делаешь? – требовательно спросил за его спиной Симон. Сдавленный голос чародея напугал Джинкса.

– Просто знаю, что она здесь, – ответил он.

Симон промолчал, и Джинкс быстро пошел к кухне, желая убраться от него подальше. Симон почти никогда не сердился на Джинкса, во всяком случае, так, как сейчас. Обычно он лишь раздражался.

Постояв немного посреди кухни, Джинкс направился к входной двери дома, но тут его окликнул Симон:

– Подойди сюда, Джинкс.

Что-то в его голосе было не так. Джинкс остановился, обернулся. Симон сидел на ступеньках лежанки.

– Взгляни-ка туда и скажи, насколько все плохо, – попросил Симон.

Джинкса вдруг пронизал страх, такой холодный, точно он кусок льда проглотил. Из коридора к ступенькам, на которых сидел Симон, тянулась прямая линия темно-красных капель. Джинкс подошел к Симону, указавшему большим пальцем себе на спину. Неохотно, боясь того, что ему предстоит увидеть, Джинкс посмотрел на его спину. По пурпурной мантии Симона расползалось темное пятно.

– Я… трудно сказать. Тебе придется снять мантию, – сказал Джинкс. Голос его прозвучал громко и чуждо. Совсем как в Храме Знания. А еще ему показалось, будто что-то высасывает из кухни реальность.

– Помоги мне, потяни за рукав.

Джинкс так и сделал, помогая Симону выпутаться из горловины мантии. Рубашка, которую он носил под ней, промокла от крови.

– Мне… наверное, мне придется разрезать рубашку, – сказал Джинкс.

– Сначала прижми к ране рукав. Попробуй остановить кровь.

Джинкс сложил из рукава мантии что-то вроде тампона и прижал его к месту, из которого, как ему представлялось, текла кровь, – прямо под левой лопаткой Симона. В книгах Джинксу попадались изображения внутренностей человека. Интересно, у чародеев сердце находится там же, где и у нормальных людей?

– Прижми покрепче, – попросил Симон.

Джинкс прижал. Кровь сочилась ему на руку. Джинксу захотелось вернуться в сегодняшнее утро, начать день заново и провести его совсем по-другому.

– Ты же сказал, что стражи не смогут тебе повредить.

– Соврал, – коротко ответил чародей.

– Симон!

Вот чей голос Джинкс рад был услышать! Безмерно.

София влетела в кухню – сущая волна ярости.

– О чем ты только думал, направляясь в Самарру? Ты совсем

спятил?

Кулачки ее были сжаты. Казалось, она готова ударить кого угодно, и Джинкс не решился сказать ей, что Симон пришел в Самарру за ним.

– Взбаламутил Храм, горожан взбаламутил, хорошо еще, что никого не убили!

Гнев Софии словно возвращал в комнату реальность. Джинкс воспринял это с облегчением. Лицо Симона становилось все бледнее, он смотрел на жену каким-то странным взглядом. О чем он думал, Джинкс и представить себе не мог.

– Я… мне кажется, Симона таки убили… может быть, – пробормотал Джинкс.

– Что?!

– Он… – Джинкс кивком указал на свои руки, все еще накрепко прижатые к спине Симона и залитые кровью, которая продолжала сочиться сквозь ткань.

София в одно движение оттолкнула и окровавленную ткань, и его руку, и самого Джинкса.

– Неси ясенец, Джинкс. И вскипяти воду.

Джинкс побежал в мастерскую, нашел нужную траву. Потом накачал воды в котелок, повесил его над углями и мехами раздул огонь. После этого ему пришлось еще немало побегать, поскольку Софии требовалось то одно, то другое – чистая простыня, все новые и новые травы, иголка с ниткой, которые полагалось прокипятить. И наконец, он расстелил на полу одеяло и помог Софии ничком уложить на него Симона.

София разодрала на спине мужа окровавленную рубашку. Кровь уже не текла, лишь неторопливо пузырилась, словно вскипая, поднимаясь из багровой рваной раны. Джинкса стало подташнивать.

– Принеси побольше свечей, – велела София. – И выгони кошек.

Джинкс собрал по дому все свечи, какие нашел, воткнул их в горлышки бутылок, в подсвечники, расставил вокруг Симона и зажег. Картина получилась какая-то похоронная, особенно после того, как Симон умолк и закрыл глаза. София делала что-то с ясенцом и влажными тряпочками, но смотреть на это Джинксу было не по силам. Он хватал кошек в охапку, растаскивал их по разным комнатам дома, закрывал двери и запирал кошачьи лазы.

– Что мне делать теперь? – покончив с кошками, спросил он.

– Уходи, – ответила, не поднимая глаз, София.

Похоже, дело совсем плохо, иначе она не стала бы так разговаривать с ним. И Джинкс покинул кухню, желая помочь Софии, но не зная, как.

Он пошел в крыло Симона. Постоял, глядя на стену, бывшую на самом деле дверью в Самарру. Заглянул в мастерскую. На столе лежала открытой книга «Знание – сила». Наверное, это он оставил ее здесь. По ней Симон и понял, где его искать. Джинкс захлопнул книгу, засунул ее между другими, стоявшими на полке. Лучше бы он и не видел ее никогда.

Правда, он был доволен тем, что повидал Самарру. Пусть он и не нашел там своей магии, границы мира теперь стали намного шире. Джинксу хотелось вернуться туда, изучить город получше. Он направился к незримой двери. На полу виднелась уходившая под каменную стену лужица крови. Джинкс протянул руку сквозь камень, коснулся двери…

Он возвратился в мастерскую и принялся расставлять по местам все, что разбросал, пока собирал для Софии травы.

Ведущая на кухню дверь скрипнула, в коридоре зазвучали шаги.

– Джинкс?

В мастерскую вошла София.

– А, вот ты где, – сказала она.

Руки ее покрывала засохшая кровь. Лицо осунулось от усталости. Джинкс ждал – что она скажет?

– Так что же произошло, Джинкс?

– Он умер?

– Нет, – ответила София. Она подошла к табурету Симона, села. – Нет. Если у Симона и есть сердце, они в него не попали.

– Значит, он поправится?

– Не знаю. Всякое… – она замолчала, тряхнула головой. – Всякое может случиться. Вот если бы мы могли вернуться с ним в Самарру. Там есть врачи…

– А сюда мы их привести не можем?

– Нет, – сказала София. Голос ее дрогнул, и Джинкс с ужасом подумал, что сейчас она заплачет, а видеть ее слезы ему хотелось еще меньше, чем кровь Симона.

– Я тебе попить принесу, – сказал он, ухватившись за повод удрать из мастерской.

Когда он возвратился с кружкой сидра и влажным полотенцем для рук, София уже совладала с собой. Джинкс облегченно вздохнул. София дочиста оттерла руки, выпила сидра. И выглядеть стала получше.

– Что сегодня произошло? – снова спросила она.

– Ой… А что, э-э… что сказал Симон?

– Ничего, Джинкс. Он лишился чувств.

– Ну, мы… мы пошли в Храм, и за нами погнались стражи, и он упал, его ткнули кинжалом или мечом, а потом мы прибежали

сюда.

– Но чего ради Симон повел тебя в Самарру?

– Да он и не повел. Я вроде как сам пошел. А где она, эта Самарра? – спросил, чтобы сменить тему, Джинкс.

– Ты отвечаешь на мои вопросы – я отвечаю на твои. Как ты попал в Самарру?

Это напомнило Джинксу, как он однажды сумел разглядеть под любезностью Софии стальной стержень.

– Я отыскал дверь. Знание – сила.

– Понятно. Значит, это не Симон сказал тебе, как туда попасть?

– Нет, я нашел книгу, в которой говорится об этом.

– И что же ты делал в Самарре? Куда направился?

Джинкс рассказал ей. Ему вспомнились и шум, и толкотня. Жаль, что он не поговорил ни с кем на улицах. Тамошние люди так отличались от людей Урвальда, были намного шустрее и не такие пугливые.

– А Симон – он сразу пошел в Университет? Никуда больше не заходил?

– Нет, – ответил Джинкс и тут же сообразил, что вообще-то не знает этого. – Что такое «знание – сила»? Что-то вроде магии?

– Зе-Эс – это магия Самарры.

Зе-Эс? А, ну да… «Знание – сила».

– Но в том храме ее не творят, верно?

Происходившее в храме нисколько не походило на магию.

– Нет, конечно, нет. В Самарре магия теперь под запретом.

– Потому стражники за Симоном и погнались? – спросил Джинкс.

София кивнула.

– А из-за чего ее запретили?

– Разумеется, из-за того, что делается с помощью магии. Чародеи подчиняют себе людей. Сила для них важнее, чем люди. В людях они видят лишь средство, путь к еще большей силе.

София произнесла это с таким напором, что Джинкс понял: она действительно верит в то, что говорит.

– В Университете мы изучаем магию теоретически, – продолжала София. – Магию и многое другое. А *творить* волшебство запрещено законом. Это карается смертью.

– Так ведь ты же творишь его, когда проходишь через дверь в Урвальд, – заметил Джинкс.

– Ничего подобного. Я просто прохожу через дверь. Я же не виновата в том, что дверь оказалась волшебной.

– Но для того, чтобы она открылась, тоже требуется магия, – упорствовал Джинкс.

– Когда-то ее сотворили с помощью заклинания Зе-Эс, – сказала София. – Теперь это просто дверь.

Вот тут она заблуждалась, Джинкс был в этом уверен. Однако лицо Софии было таким усталым, что спорить с ней он не стал.

– Чародеи в Самарре все еще есть, – прибавила София. – Люди, творящие Зе-Эс. Но это преступники. Время от времени правительство ловит одного из них и в назидание другим примерно наказывает его. Или ее.

Джинксу хотелось спросить, что с ними делают, но, взглянув на Софию, он понял: не стоит.

– Магия портит людей, – продолжала София. – Посмотри, что она сделала с Симоном.

– А он разве не всегда был таким? – спросил Джинкс.

Похоже, этот вопрос ее удивил:

– Каким?

Как на это ответить, Джинкс придумать не смог.

– Значит, ты одна из тех, что сидят в храме? Из ученых?

– Да. Я профессор урвальдоведения. – София улыбнулась. – Много лет изучала урвийский, но до знакомства с Симоном не знала никого, кто говорил бы на этом языке.

Она встала.

– Пойду, посмотрю, как он.

– Ты не похожа на них, – сказал Джинкс.

И этим удивил ее снова:

– На кого?

– На тех ученых, которые сидят там, читают книги, а на самом деле ничего и *знать* не хотят.

Он взял свечу, вышел за Софией из мастерской.

– Ну, не все они такие. Знать они хотят многое, просто дело в том, что… – она взглянула на стену, за которой скрывалась Самарра. Свеча отбрасывала на камень желтый круг света. – Я не хочу, чтобы ты возвращался туда, Джинкс. Пообещай мне.

– «Просто дело в том…» – в чем? – спросил он. – Что ты хотела сказать?

– Просто трудно изучать что-либо, когда все уже знаешь, – улыбнулась София. – В этом проблема ученых. Некоторых из них.

– А-а, – протянул Джинкс.

Он повернулся к кухонной двери, но София поймала его за руку:

– Ты не пообещал.

Джинксу хотелось спросить, почему он вообще должен что-то обещать. Но София смотрела на него так твердо, что ему удалось произнести лишь одно:

– Ладно.

– Словами, пожалуйста, – потребовала она тоном, в котором вновь зазвенело железо.

– Обещаю, – сказал Джинкс. А затем, поняв, что и этого недостаточно: – Обещаю не возвращаться в Самарру.

И словно дверь в просторный мир захлопнулась перед ним. Он пошел за Софией на кухню, чувствуя себя так, точно попал в ловушку.

Симон был еще жив. Он лежал без чувств на остывшей лежанке, и у Джинкса, увидевшего эту картину, засосало под ложечкой, как если бы все вокруг перевернулось вверх дном. А что, если Симон умрет?

– Я посижу с ним, – сказала София. – А тебе лучше пойти поспать.

Джинкс подумал – может, предложить посидеть вместо нее? Но вдруг у Симона снова пойдет кровь? Или он дышать перестанет? Что тогда делать? Джинкс этого не знал. И потому поднялся в свою комнату, в которой и не спал-то никогда, и присел на кровать. Облачко пыли взвилось над ней. Каменные стены комнаты наводили на мысль о гробнице. Когда-нибудь Симон, конечно, умрет, пусть и не сегодня. Умирают все. Такова главная несправедливость жизни. И он, *Джинкс,* тоже когда-нибудь умрет. Эта мысль заставила его встать и выйти из комнаты.

Он поднялся по винтовой лестнице к Дальновидному Окну. Небо уже светлело. За окном поплыла путаница древесных ветвей. Джинкс увидел внизу кравшегося по земле волка.

Все дело в том, что ненависти к Симону он не питал. И даже не злился на него по-настоящему. Надо бы, да Симон… ну, в общем, всегда был рядом. Трудно же злиться на человека, который все время рядом с тобой. Сказать по правде, Джинкс вроде как любил его.

Он попытался представить себе жизнь без Симона. Будет ли ему позволено остаться в этом доме? Но ему и не хотелось оставаться здесь – одному, с кошками. А София вряд ли переселится сюда, чтобы жить с ним. Может, она возьмет его к себе, в Самарру? Джинкс был бы не прочь снова увидеть ее, совсем не прочь. И сердился на Софию, которая заставила его пообещать, что он не попытается вернуться туда. Однако жить там – под жарким солнцем, без деревьев? И, что уж говорить, без магии?

В Дальновидном Окне показалась ватага троллей, бежавших по широкой тропе. Дорога троллей, Странники упоминали о ней. А ведет она к Стеклянным горам. Гор Джинкс никогда не видел. В Урвальде есть много такого, чего он не видел. Ну что же, если

ему нельзя вернуться в Самарру, то можно, по крайней мере, увидеть побольше в родном лесу.

И не исключено, что где-то здесь – да, именно здесь – кроется способ узнать, что сделал с ним Симон, что именно отнял у него. Впрочем, это понятно и так – то, что Дама Гламмер называла чтением мыслей и великой магией Урвальда.

Ведь должен же быть какой-то способ вернуть ее. И если кому-нибудь, кроме Симона, он известен, сообразил вдруг Джинкс, так, скорее всего, Даме Гламмер. В конце концов, это она продала Симону корни.

Картина за окном изменилась снова. Теперь оно показывало идущую по Пути девочку. Джинкс наклонился в кресле. Да, это та самая девочка, в красной шапочке и в накидке. В руке у нее корзинка, за плечами вещевой мешок. Отправилась путешествовать. Походка ее говорила Джинксу, что девочка скорее взволнована, чем испугана, – ей не терпится узнать, что ждет ее впереди.

– Хотел бы и я уйти в Урвальд, и чтобы ничто меня здесь не держало, – сказал Джинкс.

– Хочешь – так иди, – прозвучал в его голове голос девочки.

И Джинкс понял: она права.

Глава двенадцатая
Ссора

Назавтра Симон был жив, бодр и сварлив. Джинкс отмыл полы от крови. В кухню он старался не заглядывать, из-за присутствия Симона в ней стало тесновато. Джинкс ушел в Урвальд, зарылся пальцами ног в землю, прислушался.

То, чего боялись деревья, приблизилось, и сильно. Джинкс мысленно спросил их: «*Что это? Костоправ?*» Деревья не ответили.

Он вернулся в дом. София сидела на лежанке – не очень близко к Симону. Вокруг них лежали книги. Одна была раскрыта на рисунке, изображавшем внутренности пронзенного мечом человека.

– Я должна вернуться в Самарру, – сказала София.

– Не уходи, – попросил Симон.

Джинкс очень надеялся, что она не уйдет. Он собирался покинуть дом, а не сидеть в нем, ухаживая за Симоном.

– Они заметят, что меня нет, – и им это не понравится.

– Да и шут с ними, – сказал Симон.

Джинкс вглядывался в них. До «бутылочного» заклинания он

мог точно сказать, что думает каждый. Теперь не знал, да, похоже, и сами они не знали.

– Я верну книги на место, – сказала София. Она собрала их и ушла по коридору в потаенную часть дома.

Джинкс приблизился к лежанке. Симон лежал как раз на уровне его глаз.

– Тебе стоило бы извиниться перед ней, – сказал Джинкс.

– Большое спасибо за полезный совет, – съязвил Симон. – Я уже шесть раз извинялся. А вот тебе следует извиниться *передо мной.*

– За что? – Джинкс и так со слишком многим мирился, чтобы спокойно выслушивать подобную ерунду. Собственно говоря, он был уже сыт по горло – распоряжениями, тем, что его то и дело называли дурачиной, что у него отняли магию, да вообще всем.

– Я не просил тебя приходить за мной! И пока ты не пришел, мне ничто не грозило.

– О, и ты сумел бы найти дорогу назад, к моему дому, не так ли?

– Очень может быть! Но кто сказал, что я хотел вернуться сюда? Я не обязан жить здесь! Не обязан торчать в доме, делать за тебя всю работу и дожидаться, пока ты наложишь на меня очередное заклятье.

– Я учу тебя магии, а большинство людей готово заложить ради этого душу.

– Ты забрал мою магию! И это намного хуже, чем заложить душу, что бы оно ни значило. Забрал и даже согласия моего не спросил!

Джинкс спрыгнул с лежанки и кругами забегал по кухне. Внутри у него все горело от гнева, он не мог ни сидеть, ни стоять.

– Тише! Я не забирал твоей магии. И не говори об этом Софии.

– Не волнуйся! – завопил Джинкс. – Ты для того и прогнал ее, знал, что ей это не понравится, но если я скажу ей, она снова уйдет, а мне придется ухаживать за тобой.

– Скажешь что? – София вошла в кухню.

Джинкс уставился на нее, силясь что-нибудь придумать.

– Скажи правду, это сэкономит нам время, – попросила София.

– Мальчишка разозлился из-за того, что я ему не плачу, – сказал Симон. – Ну, так я заплачу.

– Я не из-за этого разозлился! И никакая плата мне не нужна! – Джинкс огляделся, выбирая, что бы такое пнуть ногой, и выбрал каменную стену. Ногу он зашиб, ну и ладно. Он снова начал нарезать круги.

– Тогда *что* тебе нужно? – спросила София. – Ты должен заплатить ему, Симон. Я всегда это говорила. Нельзя покупать человека за серебряную полушку и…

– Он меня не покупал! – перебил Джинкс. – Не отдал он за меня ни единой полушки. Он *предложил* Бергтольду полушку, а после призвал троллей, и те его утащили.

София наставила на Симона грозный взгляд:

– Так ты действительно убил его!

– Я не звал троллей. Его отчим вызвал их сам.

– Не мог он их вызвать! – заявил Джинкс. – Он ничего не смыслил в магии!

– Жадные, ожесточенные люди притягивают троллей, как кровь притягивает волков. Думаю, они просто учуяли твоего отчима.

Об этом Джинкс прежде не слышал. Может, оно и правда. Но разве Симону можно верить? Джинкс продолжал в ярости ходить по кругу.

– Так или иначе, он отвел тебя в лес, чтобы бросить там, поэтому не лей о нем слезы, – сказал Симон.

– Я и не лью о нем слезы! Просто считаю, что ты должен говорить Софии правду.

– Остановись, Джинкс, – попросила София. – У меня голова идет кругом.

Джинкс встал, сложив на груди руки и гневно глядя на Симона.

– Тебе пришлось пережить так много, Джинкс, – сказала София.

– Ах, это *ему* многое пришлось пережить? – усмехнулся Симон.

– Ну, надеюсь, ты не думаешь, что главные испытания выпали на твою долю, – отозвалась София. – Ты всего лишь лежал здесь…

– Стараясь не умереть от того, что меня пырнули мечом люди, на которых ты столь усердно работаешь, хоть они и приговорили меня к смерти! – Симон приподнялся и сел, что далось ему с явным трудом.

– Разве это я виновата в том, что ты нарушил наши законы? А не работать я не могу, и ты это знаешь!

Они уже кричали друг на дружку. Эхо их голосов отскакивало от каменных стен – даже кошки разбежались.

– Если бы выбирать пришлось мне, для меня на первом месте была бы ты, а любая работа на втором! – прогремел Симон. – И уж тем более работа на людей, которые приговорили тебя к смерти! Но, очевидно, так думают не все.

– Тебя приговорил суд. Храм Знания никакого отношения к

этому не имеет.

– И суд, и вся Самарра принадлежат Храму Знания. Он скупил на корню все и вся. И тебя, по-видимому, тоже!

– Я не обязана оставаться здесь и слушать все это! – и София гневно направилась к коридору, который вел в Самарру.

– Еще как обязана! – Джинкс схватил ее за руку. – Симон, не выводи ее из себя!

– Это не я, а ты вывел ее из себя.

– Отпусти мою руку, Джинкс!

– Ты должна остаться и ухаживать за ним.

– Не уверена, что за ним вообще стоит ухаживать.

– Он ужасно жалел о том, что наговорил тебе в тот раз, – сказал Джинкс. – Он теперь все время на стену смотрит, это ты понимаешь? Он не хотел, чтобы ты ушла.

– По-моему, Джинкс, ты просто не знаешь, о чем говоришь, – ответила София.

– Знаю. Я же видел, что происходило в его голове. Видел, о чем он думает.

– Ах, Джинкс. Не говори глупостей.

– Я и не говорю! Ты тоже не веришь мне! Он забрал мою магию, хоть никогда и не верил, что она существует, а теперь и ты мне не веришь!

София нахмурилась.

– Что значит «забрал твою магию»?

– Заткнись, Джинкс. Ничего я не забирал.

– Нет уж, я хочу услышать об этом, – сказала София.

– Он не знает, о чем говорит! Не слушай его!

– Я отлично знаю, о чем говорю! – теперь кричал и Джинкс. – Ты нарочно раздобыл у Дамы Гламмер корни, которые позволили заколдовать меня! Она же сказала, что ни для какой благой цели они не годятся! И ты разрисовал пол знаками, и произнес заклинания, и я взлетел к потолку, а ты забрал мою магию и засунул ее в бутылку, – ради этого ты и прогнал Софию, ты знал, она остановит тебя, а теперь просто врешь!

В наступившем за этой тирадой звенящем молчании Джинкс понял, что однажды сказанное назад не воротишь.

София повернулась к Симону.

– Ну что?

– Все было не так, как ты думаешь.

– Все, с меня довольно. Я ухожу, – отрезала София.

– А меня ты выслушать не желаешь? – спросил Симон.

– Нет, тебя я уже наслушалась, на всю жизнь хватит.

– Ты не можешь уйти! – сказал Джинкс. – Я не сумею ухаживать за ним, он умрет.

– Что же, тогда он не будет и дальше заклинать невинных детей и убивать их приемных отцов, – сказала София.

– Я не невинное дитя, – возразил Джинкс. – А мой отчим только и знал, что лупить меня да морить голодом.

– Но это, конечно, не так дурно, как творить *волшебство,* – вставил Симон.

– Ты не можешь уйти, София, не можешь оставить его умирать, если ты сделаешь это, то будешь ничем не лучше него.

– Вот уж спасибо, – фыркнул Симон.

– Ты совсем не изменился, Симон, верно? – сказала София. – Практиковаться на мальчике в магии смертной силы…

– К магии смертной силы я не прибегаю никогда! – воскликнул Симон. – Если бы ты хоть что-то понимала в магии, которую ты знать не желаешь…

– Что такое магия смертной силы? – встрял Джинкс.

– …то узнавала бы результаты магии смертной силы с первого взгляда. А то, что я сделал, было сделано ради его безопасности.

– Послушать тебя, так ты никогда ничего дурного не делал, – сказала София.

– Что такое магия смертной силы? – еще раз спросил Джинкс, чувствуя, как в душе поднимается паника.

– Магия, в которой используется человеческая жизнь, – ответила София, гневно глядя на Симона.

– Так я же не умер! – сказал Джинкс. – Значит, он ничего такого со мной не сделал.

– Мальчик защищает тебя, – заметила София. – Похоже, ты применил заклятье, которое позволяет управлять его мыслями.

– Нет такого заклятия, – ответил Симон. – А защищает он меня потому, что я прав.

– Я его не защищаю! – воскликнул Джинкс. – Он забрал мою магию. Я же тебе сказал. И я хочу ее вернуть. Я отправлюсь в Урвальд и найду ее там!

– Тебе нельзя в Урвальд, – сказала София.

– Если он хочет, можно, – сказал Симон. – Иди, мальчишка.

– Симон! Не отпускай его. Это слишком опасно.

– *Жизнь* вообще опасна, – сказал Симон. – А молодому человеку полезно повидать свет.

– Там же какие только чудища не водятся! – ахнула София. – Его могут убить.

– Он умеет обращаться в невидимку, превосходно с этим справляется, – ответил, снова ложась, Симон. – И хорошо знает лес, не боится его, в отличие от большинства людей. Вбил себе в голову дурацкую мысль, что деревья разговаривают с ним.

– Я не могу поверить, что ты позволишь ему уйти!

– Придется, не так ли? Он мне не раб, – сказал Симон. – Если ему не по нраву то, что он от меня получил, пусть идет.

– Может быть, он хочет вернуться к своим, – предположила София.

– Не хочу я никуда возвращаться, – заявил Джинкс. – Я хочу вернуть мою магию.

– Где находится его прогалина? – спросила София.

– Не знаю, – ответил Симон. – Ко времени, когда я нашел его, он уже заблудился.

– Ты же должен был выяснить это, – возразила София. – Я тебя знаю, ты всегда наводишь справки.

– Она называется Крыжовенной прогалиной, – уступил Симон. – Отсюда до нее день пути, на запад. Не очень большая, к тому же пару лет назад она сильно пострадала от зимнего мора и волколаков.

– Как! И ты позволил тамошним людям умереть?

– А почему же нет? Они-то оставили умирать Джинкса, – сказал Симон. – Кроме того, я за них не отвечаю.

– Да уж, ты ни за что не отвечаешь, ведь так?

– Собственно говоря, они и не умерли, во всяком случае, не все, – добавил Симон, вглядываясь в лицо Софии. – Когда у них начался голод, я отправил туда некоторое количество ржи и картошки.

– Ты все-таки очень странный, – проговорила София.

– Так ты вернешь мне мою магию? – спросил Джинкс.

– Нет у меня твоей магии, – ответил Симон. – Разве я тебе этого не объяснял? Магия – это то, что ты творишь, а не то, чем обладаешь.

– Тогда я ухожу, – объявил Джинкс.

– Одной заботой меньше будет, – сказал Симон.

– Симон! – воскликнула София. – Ты же так не думаешь!

– Что же мне – и того, что я не думаю, сказать уже нельзя?

Джинксу не нравилось, что они пререкаются, а о нем вроде как и забыли.

– Это была великая магия Урвальда, – заявил он. – Так сказала Дама Гламмер. Я пойду в Урвальд и отыщу ее.

Симон, похоже, оторопел:

– Не приближайся к Даме Гламмер. Иди куда хочешь, только держись от нее подальше.

Джинкс не удостоил его ответом. Дама Гламмер наверняка сможет объяснить ему, что произошло с его магией.

– И от Костоправа тоже, – прибавил Симон.

Вот к Костоправу Джинкс и близко подходить не собирался. С

какой стати? Он пойдет к Даме Гламмер.

Глава тринадцатая
Соглашение о Пути

На следующий день под моросящим дождем Джинкс пустился в путь в широкий мир, на поиски счастья.

На поясном ремне его висел нож, за плечами – вещевой мешок с одеялом и кое-какой едой. София обняла Джинкса на прощание, Симон наградил пасмурным взглядом. Ну и пусть его. Смерть Симону не грозила, и Джинкс думал об этом с облегчением, хотя, в общем и целом, испытывал к чародею изрядную неприязнь. И, похоже, взаимную.

Во внутреннем потайном кармане его рубашки лежал талисман Симона – золотая птичка, чародей настоял, чтобы Джинкс положил ее туда, – и с ней пять серебряных полушек. А в наружном – четыре четвертака, которые Джинкс изготовил из шестой полушки. Разрубить ее на четыре равные части было делом непростым, однако с топором Джинкс управляться умел – не зря он столько лет рубил дрова.

– Я же *говорил,* что заплачу ему, – сказал Симон, нарочито отсчитав деньги в присутствии Софии. – По одной полушке за год, всего шесть. Этого хватит?

Поскольку София ничего не сказала, Джинкс решил, что, наверное, хватит.

Какое-то время он шел по тропе. Потом она соединилась с другой тропой. Джинкс остановился. Где-то на западе находилось то, чего так боялись деревья. Нарваться на него Джинксу вовсе не хотелось. Однако там же, на западе, стоял и дом Дамы Гламмер. И Джинкс, повернув направо, пошел на запад.

Он проводил в лесу так много времени, так часто сходил с тропы, что научился не бояться сумрачной неизвестности. Правда, тогда у него был дом Симона, куда можно было сбежать. А теперь не было. Мысль о том, что он путешествует в одиночку, наполняла Джинкса радостным трепетом – но и страхом тоже.

И он напомнил себе, что умеет творить сильное укрывающее заклятье. Ну, по крайней мере, сотворил однажды.

Над ним тяжко нависали ветви деревьев, и воображению Джинкса рисовались твари, которые могли на них затаиться, – волколаки… а волколаки умеют лазать по деревьям? То, что было в них от человека, наверное, может. А ведь есть еще эльфы, вампиры…

Джинкс заставил себя думать про Соглашение о Пути. Пока он остается на тропе, никто на него напасть не может. И Джинкс попытался снова проникнуться непостоянной радостью свободы.

Шарах! Кто-то сильно ударил его по спине, и Джинкс рухнул на тропу, влепившись в нее лицом так, что ощутил на губах вкус земли. Он подергался, пытаясь сбросить надавившую на затылок ладонь, но, почувствовав, как холодная сталь укусила его в шею, затих.

– Отпусти меня! – потребовал он.

– Деньги или жизнь!

– Хорошо, бери деньги, – сказал Джинкс – не без труда, потому что грабитель упирался ему в спину коленом, а в рот набилась земля вперемешку с песком. – Дай мне встать, и ты получишь деньги.

– А где они? – с подозрением спросил грабитель.

– В кармашке на поясе.

Грабитель подергал ремень Джинкса, развернул его кармашком назад. Джинкс почувствовал, как он расстегивает кармашек и шарит в нем.

– Это все, что у тебя есть?

– Все! И я за это год проработал. Дай мне встать!

Грабитель убрал тяжелое колено со спины Джинкса, тот встал, обернулся и увидел мальчика всего лишь на голову выше него. Ему и грабитель-то достался малолетний!

– Ты что, не знаешь Соглашения о Пути? – спросил Джинкс.

– Нет, – ответил мальчик, укладывая деньги в свой поясной карманчик и застегивая его. Застегнув, он опустил нож в ножны.

Джинкс двинул его в живот.

Грабитель сложился от боли пополам. Джинкс схватил было его за волосы, однако грабитель выпрямился, поддел Джинкса плечом и отбросил. Земля встала дыбом и ударила Джинкса с такой силой, что, как ему показалось, пробила его насквозь. Джинкс лежал на спине, гадая, сможет ли он когда-нибудь снова научиться дышать. Драться грабитель определенно умел лучше, чем он. И Джинкс решил с земли пока не вставать.

Грабитель, держась за живот, выдавил грязное ругательство.

– И тебе того же, – сказал Джинкс, глотнув, наконец, воздуха. – Я, по крайней мере, Соглашения о Пути не нарушал.

Ну, если правду сказать, нарушил, но уже после грабителя.

– Какое соглашение ты все время поминаешь? – спросил грабитель.

У него была четкая, правильная манера говорить, и это напомнило Джинксу Софию. Однако звуки урвийского давались грабителю легче, чем ей.

– Ты не из Урвальда, верно? – спросил Джинкс и с трудом сел.

– Слава богам, нет. Но Урвальд принадлежит моему королю.

– Урвальд не принадлежит никому, – отрезал Джинкс и поднялся на ноги. Он отряхнул куртку, штаны. И только тут заметил, что одет грабитель хорошо – во всяком случае, по меркам Урвальда. Наверное, если грабишь людей, хорошая одежда тебе по карману. Грабитель получил целую полушку из тех шести, что дал Симон. Целый год работы по дому, колки дров, уборок в козлятнике и прилаживания к настроениям Симона. Джинкс разозлился.

– Соглашение о Пути, – сказал он, – состоит в том, что ты не можешь причинять вред никому, кто находится на тропе. В Урвальде каждый, у кого есть в мозгах хоть одна извилина, соблюдает его. Даже чудовища. Если сейчас из леса выскочит медвелак, он нас не тронет. Соглашение чтят все. Кроме тебя.

Он гневно ткнул грабителя пальцем в грудь.

Тот отступил на шаг:

– Я о нем ничего не знал.

– Ну, значит, ты дурак.

Грабитель обиделся:

– Не очень-то ты любезен.

– Зато ты куда как любезен – нападаешь на людей со спины и отнимаешь у них деньги! Дурак и есть.

Джинкс развернулся и пошел по тропе.

Мгновение спустя он услышал за своей спиной быстрый топот, оглянулся и вновь оказался лицом к лицу с грабителем.

– Мое имя Ривен[14], – сказал тот и протянул Джинксу руку.

Джинкс посмотрел на нее, потом на грабителя. Светло-каштановые волосы, точеное лицо, – пожалуй, подумал Джинкс, он никогда не превратится в плотного, волосатого мужчину из тех, что выживают в Урвальде чаще, чем все остальные.

– С кем имею высокую честь разговаривать? – спросил, опуская руку, грабитель.

– Джинкс.

– Ты не станешь возражать, если я пройдусь с тобой немного? – спросил Ривен.

Джинкс, не веря своим ушам, уставился на него. Помимо отобранного Ривеном серебра, у него оставалось пять полушек и золотая птичка Симона. А были еще вещи посущественнее – одеяло, нож (когда он дрался с Ривеном, ему и в голову не пришло схватиться за нож), которых он вовсе не хотел лишиться.

– Похоже, помешать тебе я не смогу, – проговорил он и пошел дальше, а грабитель зашагал рядом.

Глава четырнадцатая
На три заклятия больше, чем требуется

Тропа петляла, раза два разделялась, и уверенность Джинкса в том, что он приближается к дому Дамы Гламмер, убывала. Начинало смеркаться.

– Скоро придется остановиться, разбить лагерь на ночь, – сказал Ривен.

«Чтобы ты и остальные монеты спер?» – едва не сказал Джинкс, но сдержался – не стоит признаваться, что у него еще остались деньги.

– Я обычно останавливаюсь прямо у тропы, срезаю несколько сосновых веток и сооружаю шалаш, – продолжал Ривен.

– *Что?!* – это признание в окончательном идиотизме заставило Джинкса замереть на месте.

Ривен повторил сказанное и добавил:

– У меня получается весьма неплохое укрытие. Хочешь, покажу?

– Нет! И никогда, никогда не отрезай ничего у живого

дерева, – собственный голос показался Джинксу брюзгливым, как у Симона. – Никогда!

– Почему? Они что – священные?

– Нет. Они мстительные. Ты убиваешь дерево – деревья убивают человека. Ты срезаешь с него ветки – они отрывают конечности у человека. Во всяком случае, стараются, чтобы кто-то лишился руки или ноги.

– С ума сойти. Я провел в Урвальде… – Ривен умолк, занявшись подсчетом, – …десять ночей и ни одной конечности пока не потерял.

– *Ты* не потерял. А кто-то другой потерял. Или потеряет.

Ривен покачал головой:

– Суеверие. Что это ты выглядываешь в листве?

– Сторожку, – ответил Джинкс. Однако сторожек видно не было, и это означало, что ночевать придется на земле. Оставалось надеяться, что дождь сегодня не польет.

– Я пару раз ночевал и на прогалинах, – поведал Ривен и наморщил в отвращении нос. – Их жители требуют платы за свою гнилую, червивую еду и ночлег в их вонючих домах на соломе. Среди невежественных, подозрительных, невоспи…

– Мы не такие! – рявкнул Джинкс. – Возьми эти слова назад.

– Я не хотел тебя оскорбить, – удивленно ответил Ривен. – Я же вижу – ты не из них.

– Как раз из них, – сказал Джинкс. – Ладно, сторожек не видать. Придется остановиться здесь.

Он нашел палку, поджег ее с одного конца. Под открытым небом магия давалась ему куда легче, чем в доме Симона.

– Держи. Набери хвороста – *мертвого* дерева, – только не уходи слишком далеко и не вздумай прикасаться к живым деревьям!

Некоторое время Ривен лишь таращился на Джинкса испуганно, а потом спросил:

– Как ты его сделал?

– Что сделал?

– Огонь. Ты что, волшебник?

– Да.

И тут они услышали крик. Девичий, испуганный, внезапно резко прервавшийся.

– Дева в беде!

Ривен выхватил из руки Джинкса горящую палку и понесся по тропе.

Джинкс посмотрел-посмотрел, как тускнеет в сумерках огонек, вздохнул и побежал следом.

И скоро увидел стаю волков – их было так много, что тьма

так и кипела. Кричавшей девы – ни слуху, ни духу, а вот Ривена волки уже окружили. Он отмахивался от них горевшей палкой и вопил: «Назад, зверье! Подите прочь!» А неподалеку несколько больших серых летучих существ, хлопая крыльями, атаковали огромную тварь – какую, Джинкс толком не разглядел. Воздух был наполнен воем, лаем, рыком, запахом крови и грязного меха.

– Джинкс! Ко мне! – закричал Ривен.

Джинкс лихорадочно заозирался в поисках чего-нибудь пригодного для изготовления факела. Увидел на одном из деревьев сухую ветку, мысленно извинился, постаравшись, чтобы получилось погромче, отломил ее и поджег. Затем, размахивая слепящим, потрескивающим факелом, постарался пробиться к Ривену, который, как невольно подумал Джинкс, его помощи вообще-то не заслуживал.

Волки наседали, однако огонь заставил их расступиться, и Джинксу удалось приблизиться к своему обидчику. Теперь они стояли спина к спине, окруженные волками.

– Ладно, вот он я, пришел «к тебе». Что дальше? – Джинкс старался подпустить в свой голос побольше сарказма: так говорил бы Симон, попади он в подобные обстоятельства.

– Может быть, если каждый из нас двинется вперед, размахивая факелом…

– Они отступят, а когда мы разойдемся достаточно далеко, окружат каждого, и вскорости никакого «к тебе» больше не будет.

– Да, верно. Ну, ты ведь умеешь волшебством зажигать огонь?

– Ты сам видел.

– А волков поджечь можешь?

– Нет! – ответил Джинкс. – То есть могу, но это слишком жестоко.

Ривен сердито фыркнул.

– Что ж, если ты этого не сделаешь, они, готов поклясться, слишком жестоко поступят с нами.

Джинкс быстро обдумал предложение Ривена. Представил себе, как волки бегут от огня, но убежать, сколько ни стараются, не могут. Представил смрад горящего меха, и волчьего мяса, и… нет! Да они еще и деревья могут поджечь, а этого Урвальд никогда не простит.

– Нет, не могу. Придумай что-нибудь другое.

– Прошу прощения, у меня есть одна мысль.

Голос был девичий. Джинкс огляделся.

– Я наверху, – донеслось из кроны дерева. – У меня было с собой несколько фурий[15] в корзинке, и как только они покончат с медвелаком, *может быть,* отгонят и волков.

– Э-э, – промямлил Джинкс. Он взглянул на обступивших его

зверей, чьи глаза светились от факельного огня. Ветка потрескивала его в руке, сыпала искрами. Надолго этих факелов не хватит.

– Не страшись, прекрасная дева! Мы спасем тебя, – воскликнул Ривен.

– Умолкни. Она говорит о том, как спасти *нас,* – сказал Джинкс. И крикнул вверх: – Значит, ты можешь приказать фуриям отогнать волков, так?

– Не-а. Фурии никого не слушаются. Держитесь.

Вверху послышались шорохи, шелест – девица перебиралась с одной ветки на другую. Волки зарычали.

– Ах, чтоб тебя! Факел погас. У тебя есть еще один? – попросил Ривен.

– Ага, сейчас сбегаю и принесу, – съязвил Джинкс. Ни одного просвета, даже в палец шириной, в кольце волков не наблюдалось. – Давай его сюда. Подожгу заново.

– Поджигать уже нечего. Он прогорел до пальцев, и я… Ой!

Что-то тяжелое рухнуло на них сверху. Джинкс упал на колени, выронил факел, и тот погас. В воздухе замелькали тела волков, большие хлопающие крылья, он наполнился воем, стонами, воплями, визгом, свежими запахами крови и ужаса. Джинкс съежился на земле, опустив голову и зажмурившись.

– По-моему, все закончилось, – прозвучал совсем рядом с ним девичий голос.

Джинкс открыл глаза. Не сказать, чтобы они увидели многое, однако очертания Ривена и девочки в свете луны различили. И никаких волков.

– Удрали, – сказала девочка. – Я так и *думала,* что все получится. Фурии обязаны защищать меня, и если мне, как и вам, грозит опасность от волков… в общем, я решила, что это поможет, – с гордостью закончила она.

Джинкс пошарил по земле в поисках факела, нашел, поджег его снова.

И изумленно уставился на девочку. Шапочка и накидка ее ярко краснели в факельном свете, – девочка была той самой, которую он видел в Дальновидном Окне. Однако вблизи она оказалась совсем не такой, какую рисовало ему воображение. Волосы ее отнюдь не золотились – цвет их можно было назвать скорее русым. Не исключено, впрочем, что они были просто грязными. По части локонов ей похвастаться было и вовсе нечем, да и глаза у девочки оказались не голубые, а карие.

– Фурий мне мама дала. Велела выпустить их только при крайней необходимости. Ну ладно, больше мы их не увидим. Я – Эльфвина[16].

Ривен взял ладонь девочки и склонился над ней.

– Я Ривен, твой верный слуга, о прекрасная дева.

Эльфвина лучезарно улыбнулась ему.

– Он грабитель, – сказал Джинкс.

– А это мой отважный спутник, Джинкс, – добавил Ривен.

– Один из тех, кого он ограбил, – сообщил Джинкс. – Нам лучше разжечь костер, пока не вернулись волки.

Они набрали хвороста и сложили посреди тропы большой костер. Джинкс снял башмаки и носки, сошел с тропы и зарылся пальцами в перегной.

– Что это ты делаешь? – удивилась Эльфвина.

С минуту Джинкс молчал, сосредоточенно вслушиваясь. До сих пор он не пытался сказать деревьям что-либо конкретное, да и не знал в точности, как это делается.

– Ты бы хоть носки обратно надел, – сказала Эльфвина. – А то ведь простудишься и умрешь.

– Я пытаюсь сказать деревьям, что наш костер не причинит им зла, что, уходя, мы его затушим, – ответил Джинкс. – А твоя болтовня мне мешает.

Эльфвина смолчала, а Джинкс закрыл глаза, изо всех сил стараясь думать, как дерево, видеть мир, как дерево, и говорить, как дерево. Он слышал, как ближайшие к нему корни шепчутся друг с другом. И вдруг глаза его изумленно распахнулись.

Тот страх, тот ужас, донимавший деревья – чем бы ни было то, чего боялся Урвальд, – оно больше не приближалось с запада. Оно пришло.

«Где оно? – лихорадочно думал, обращаясь к деревьям, Джинкс. – *Что это?»*

Он не знал, слышат ли его деревья, но ни о чем другом они не разговаривали. Страх, ужас, смерть. Жуткая тварь – она уже здесь.

– Ты можешь подойти к нам и поесть, хоть ты и грубиян, – окликнула его Эльфвина.

Есть Джинксу хотелось, и сильно. Он подошел к костру. Остановился, оглянулся на деревья. Без толку, ничего в темноте не видно.

«Пока мы остаемся на тропе, нам ничто не грозит», – думал он.

– Ну что, есть будешь? – спросил Ривен, протянув Джинксу ковригу хлеба.

– Буду, – сказал Джинкс. Он отломил от ковриги горбушку и принялся жевать, все еще озираясь по сторонам.

– Не хочешь ли тушеных яблок?

Эльфвина уже успела приготовить их в котелке, который

достала из своего заплечного мешка. И теперь положила ложку варева на хлеб Джинкса.

– Спасибо, – сказал он, не желая, чтобы Эльфвина снова укорила его за грубость. Он-то как раз был вежлив. Зато она сама даже отдаленно не напоминала кроткую, хорошо воспитанную девочку, которую он себе навоображал.

– Деревья чего-то боятся, – сказал Джинкс. – Где-то рядом бродит чудовище, правда, непонятно какое.

– Откуда ты знаешь? – спросила Эльфвина.

Он рассказал ей, как деревья разговаривают корнями.

– Ты понимаешь язык деревьев? – удивилась девочка.

– Он что-то вроде волшебника, – пояснил Ривен.

– Чародей? – Ну хоть это произвело на нее какое-то впечатление.

– Я только учусь, – скромно ответил Джинкс. – Деревья вот уж неделю говорили о чем-то огромном и опасном, шедшем сюда с запада. Теперь оно пришло.

Эльфвина и Ривен тоже заозирались.

– На меня напал медвелак, – сказала Эльфвина. – Огромный и опасный. А потом прибежали волки.

– Думаешь, деревья стали бы их бояться? – прищурился Джинкс.

– Нет, – ответила Эльфвина.

– Я шел с запада на восток, – сказал Ривен. – И ничего такого не видел. Разве что пару волколаков. И, по-моему, один раз за деревьями эльф промелькнул.

– Нет, тут, видимо, что-то похуже, – сказал Джинкс. Передать на урвийском то, о чем говорили деревья, было трудно. Однако некоторые из них имели семь футов в поперечнике и около сотни в высоту[17]. Чтобы напугать их, требовалось что-то и вправду жуткое.

И тут его поразила одна странность.

– Как получилось, что медвелак напал на тебя? Есть же Соглашение о Пути.

– Он сманил меня с тропы, – объяснила Эльфвина. – Посоветовал мне залезть на дерево – от волков. Сказал, что он дровосек, а зовут его Топтыган, что уже несколько дней идет за мной, что не оставит меня одну – и все уговаривал сойти с тропы.

Она опять огляделась:

– Интересно, что с ним случилось?

Эльфвина подобрала палку, подожгла ее от костра и направилась туда, где фурии недавно атаковали какую-то тварь.

– Не сходи с тропы! – рявкнул Джинкс.

Девочка обернулась:

– Ты всегда так с людьми разговариваешь?

И сошла с тропы. Джинкс пробормотал одно из любимых ругательств Симона – разве он не сказал ей, что опасность рядом? – и последовал за ней. Ривен тоже.

– Медвелак появился вот здесь, – указала Эльфвина. – Потом он, наверное, удрал.

Джинкс вглядывался в темноту, надеясь увидеть то, чего страшатся деревья. Он бросил короткий взгляд и на взрыхленную, политую кровью землю. И увидел большой топор. Джинкс поднял его. Едва он сжал ладонями топорище, как ему стало легче. Конечно, от напугавшего деревья чудовища топор не защитит, но он все-таки лучше, чем ничего.

– Вернемся на тропу, – сказал Джинкс.

– Может быть, нам стоит всю ночь нести дозор, – предложил Ривен. – Так поступают в сказаниях.

– Да, – согласился Джинкс. – Я буду первым.

Эльфвина и Ривен завернулись в одеяла и прилегли у костра. Джинкс сидел, держа перед собой топор. В костре потрескивали сучья. Запах дыма живо напоминал о доме, который он покинул лишь несколько часов назад, хоть ему и казалось уже, что случилось это давно. Если бы он был сейчас дома, то сидел бы, наверное, в мастерской Симона, забыв, как и чародей, о времени, о существовании дня и ночи… хотя нет, что это он? Симон же ранен. И все-таки дома он был бы в безопасности, а не сидел в темноте, выглядывая существо столь ужасное, что его боятся даже деревья.

«Сам-то я не боюсь», – сказал себе Джинкс.

Новые товарищи его, похожие в одеялах на коконы, судя по всему, спали. Голова Ривена покоилась на его мешке. Интересно, четыре четвертака, которые забрал у него Ривен, уже там? Джинкс осторожно и беззвучно поднес к мешку пальцы.

Ривен, не открывая глаз, выпростал из одеяльного кокона руку и стиснул запястье Джинкса. Потом отпустил. Намек понятен.

Джинкс подбросил в огонь еще несколько сучьев… а когда открыл, спохватившись, глаза, увидел, что они уже прогорели. Хорошего мало – он заснул на посту. Пора будить Эльфвину.

Как только она проснулась, бормоча что-то путаное, Джинкс завернулся в свое одеяло и лег. Земля была жесткой, холодной, в лесу шуршала устилавшая землю сухая листва (а может, кто-то куда-то бежал во всю прыть), и сон не шел к Джинксу. Даже почти уснув, он продолжал прислушиваться – не появилось ли то, чего боятся деревья.

Наконец, услышал далекое *тумп, кланк, тумп, кланк.* И резко

сел:

– Это ведьма!

– Я знаю, – сказала Эльфвина. – Успокойся. Спи дальше.

– Так ведьма же приближается!

– Уверена, она нас не тронет.

– Да ты вообще хоть *что-нибудь* знаешь о ведьмах?

– Кое-что знаю. Мама училась на ведьму, но потом решила, что лучше замуж пойти.

– О… – произнес Джинкс. Он встал, стянул с себя одеяло. – Ну, я все-таки думаю, что нам лучше спрятаться.

– То есть сойти с тропы? – удивилась Эльфвина.

– Я умею творить укрывающее заклятье, – пояснил Джинкс.

Проснулся и Ривен:

– А я не прочь познакомиться со злой колдуньей.

Буханье приближалось. Раз товарищи не боятся, решил Джинкс, то и он прятаться не станет. На глаза ему попался валявшийся на земле топор. С топором оно, конечно, надежнее, но человек, держащий его в руках, выглядит угрожающе. Ладно, пусть лежит, где лежит.

Показался темный силуэт скачущей в маслобойке ведьмы. Эльфвина вышла на середину тропы. Джинкс остался поближе к топору: вдруг придется хватать его в спешке. Ривен держался позади их обоих.

Маслобойка, подскакав к Эльфвине, встала.

При свете костра Джинкс увидел, что ведьма еще молода, не такая бородавчатая и косматая, как Дама Гламмер. Хотя ухмылка, с которой она смотрела на Эльфвину, была совсем как у Дамы.

– Это что же у нас тут такое? – осведомилась молодая ведьма, глядя на Эльфвину сверху вниз. – Мы, значит, ведьм не боимся?

– Нет. Я ведьм не боюсь, – ответила Эльфвина.

– Вот как? Ну, тогда ты не самая умненькая девочка в Урвальде, верно?

– Нет, неверно, – вызывающе заявила Эльфвина.

– Неверно? А чья же ты, не-самая-умненькая, будешь?

– Я дочь Берги с Калликомской прогалины.

– А-а-а, ведьмино отродье!

– Она не ведьма. Она покончила с этим.

– И куда ты направляешься?

– Бабушку повидать.

Почему-то ведьму это привело в восторг:

– Да ну? Вот она довольна-то будет! Дама Гламмер уж несколько месяцев как дитятинкой не угощалась.

– Дама Гламмер – твоя бабушка? – изумился Джинкс.

– Да. И я уже слишком большая, чтобы пугаться таких

историй, – сказала Эльфвина ведьме.

– Тем хуже для тебя. А что твои дружки-приятели? Тоже Даму Гламмер повидать собираются?

– Они не сказали мне, куда идут.

– Ну ладно, если хочешь найти Даму Гламмер, топай три дня вон в ту сторону, – и ведьма указала на запад.

– Спасибо, – сказала Эльфвина.

– И я бы на твоем месте не останавливалась так близко к Дороге троллей, – продолжала ведьма. – Сколько бы дружков-приятелей меня ни охраняло.

Она перевела взгляд на Джинкса с Ривеном и ухмыльнулась. Джинкс ответил ей гневным взглядом. Ухмылка ведьмы сменилась хихиканьем.

– Сроду не видела троицы столь беспомощных утяточек, пытающихся пробиться через Урвальд! У меня даже не хватает духу заклятие на вас наложить. Да на вас, чую я, и так уж лежит на три заклятия больше, чем требуется. Так вы еще и к Даме Гламмер собрались, ха! Совсем как мыши, лезущие в кошачью корзинку.

– Она моя *бабушка,* – сказала Эльфвина.

– Ну, тут уж ничего не попишешь, родню не выбирают. А как это ты обзавелась таким нехорошим заклятием, дорогуша?

– Злая фея пришла на мои крестины и наложила его, – ответила Эльфвина.

Ведьма ликующе крякнула.

– Злая фея? Нет, правда? Злая фея?

– Да, – подтвердила Эльфвина.

Ведьма невесть почему решила, что это невероятно смешно. Расхохоталась так, что едва не опрокинула маслобойку. А после оттолкнулась палкой от земли, и маслобойка поскакала прочь по тропе.

Глава пятнадцатая
Неожиданные встречи

Джинксу хотелось спросить у Эльфвины, какое заклятие на нее наложили. Однако он уже заметил, что подобные вопросы сердят ее, и боялся услышать еще одно обвинение в грубости. Живые девочки намного обидчивее воображаемых.

И потому спросил у Ривена:

– Так на тебе заклятие лежит?

– Ведьм нам бояться нечего, – сказал Ривен, словно и не услышав вопроса. – Они только болтать умеют.

– Симон говорит, что ведьм не боятся одни дураки, – сказал Джинкс. Он понял, что и Ривен о своем заклятии говорить не желает. Ну, а на ком лежит третье, Джинкс знал – на нем, спасибо Симону.

– Я думаю, ведьмы и вправду едят детей, – сказала Эльфвина. – Но только по-настоящему злые, а такие встречаются редко. И, ну, вы понимаете, – одних младенцев.

– По-твоему, если дети еще не выросли, так их и есть можно? – возмутился Джинкс.

– Ну, нет, конечно, однако…

– Значит, ты идешь к Даме Гламмер?

– Да, – ответила Эльфвина.

– Я тоже, – сказал Джинкс.

– Она и тебе бабушкой приходится? – поинтересовалась Эльфвина.

– Нет, но… – впрочем, об утраченной им магии Джинкс решил не распространяться. – Она дружит с Симоном.

– Симон – это кто? – спросил Ривен, когда все трое уселись у костра и Джинкс разворошил угли, чтобы огонь вспыхнул снова. Спать никому не хотелось.

– Чародей, на которого я работал.

– Вот кого мне действительно хочется встретить – чародея, – сказал Ривен. Он открыл было рот, собираясь что-то добавить, но запнулся и сконфузился. – Я мог бы… он мог бы… – новая пауза. – В общем, я думаю, что было бы чудесно познакомиться с настоящим волшебником.

– Поброди еще по Урвальду, и какой-нибудь тебе непременно подвернется, – сказал Джинкс. И обратился к Эльфвине: – Я вроде как в общем знаю дорогу к дому твоей бабушки.

– Ой, как хорошо, – оживилась девочка. – Мама дала мне указания, но какие-то не очень точные.

Джинкса радовало, что им по пути. Эльфвина нравилась ему, хоть разговаривать с ней было и труднее, чем с его воображаемой девочкой. Да и вообще, в компании веселее.

– Я тоже присоединюсь к вам, прекрасная дева, – вызвался Ривен. – Я склонен свести с твоей бабушкой доброе знакомство.

– Что-что? – переспросила Эльфвина.

– Он сказал, что будет рад познакомиться с ней, – пояснил Джинкс. В некоторых книгах, прочитанных им в доме Симона, встречались старомодные обороты, которыми изъяснялся Ривен.

– А сам-то ты куда шел? – спросила Эльфвина.

Какое-то время Ривен молчал, а после сказал, явно с трудом подбирая слова:

– Я пересекал Урвальд. Но буду лишь рад отклониться от моего пути, чтобы встретиться с твоей бабушкой.

«Интересно, – задумался Джинкс, – сколько времени нужно потратить, чтобы пересечь Урвальд?»

* * *

Когда наступило утро, они двинулись по тропе на запад. Джинксу казалось странным, что Ривен развернулся и пошел назад по уже проделанному им пути всего лишь для того, чтобы

познакомиться с Дамой Гламмер.

Впрочем, странностей у Ривена хватало. Джинкс был бы только доволен, если бы Ривен снова взялся пересекать Урвальд с запада на восток, а их с Эльфвиной оставил в покое.

Они миновали немало боковых тропинок, а никаких указателей, говорящих, куда следует идти, в лесу, разумеется, не было.

– Ты уверен, что это правильный путь? – спросила Эльфвина после нескольких поворотов тропы.

– Да, – ответил Джинкс. – Мы идем на запад.

– Возвращаемся в мою страну, – подтвердил Ривен.

– А как зовется твоя страна? – поинтересовался Джинкс.

– Бахвалес. Она вон там.

– Стало быть, ты направлялся в Ключеземье? – спросила Эльфвина.

Джинкс вспомнил: Толливер Странник говорил ему, что Бахвалес лежит на западе, а Ключеземье на востоке.

Ривен на ее вопрос ничего не ответил, сказав лишь:

– Я должен покинуть Бахвалес, но все еще не покинул.

– Еще как покинул, – заверил его Джинкс. – Сам же говорил, что уже провел в Урвальде десять дней.

– Так ведь Урвальд принадлежит Бахвалесу, – сказал Ривен.

– Ничего подобного!

– Но король Руфус притязает на него.

– На Урвальд притязает и Синезуб, король Ключеземья, – сказала Эльфвина. – А до него от Калликомской прогалины десять дней пути на восток.

– Никаким королям Урвальд не принадлежит! – заявил Джинкс. – Он принадлежит… самому себе.

– Да, согласна, – сказала Эльфвина, – но это не мешает королю Синезубу называть его частью Ключеземья.

Она повернулась к Ривену:

– Почему ты покинул Бахвалес?

– Меня изгнали, – с гордостью сообщил Ривен.

– За что? – не отставала Эльфвина.

– Король Руфус сказал, что я анафема[18].

– А ему эти, как их… нафемы не нравятся?

– *Анафема,* – поправил ее Джинкс. – Это что-то вроде проклятия. Видать, он и там людей грабил.

– Отнюдь нет, – возразил Ривен.

– Так за что же тебя изгнали? – снова спросила Эльфвина.

– За то, что я слишком уж подружился с дочерью короля.

Ривен сказал это, отведя взгляд в сторону, и Джинкс решил, что он соврал.

– Но я уверен, что *твой* король доволен тобой, прекрасная дева, – добавил тот.

– У меня *нет* короля, – возразила Эльфвина. – Я живу в Урвальде.

– Прошу простить, но ты сказала, что король Синезуб…

– Я просто знаю, кто он такой, только и всего. И он злой. Это всем известно. Он убил своего брата, настоящего короля, и жену брата, и их маленького сына.

– Ах, да. Я слышал об этом, – сказал Ривен.

– Конечно, и брат большой добротой не отличался. *Его* жена умерла сразу после рождения ребенка, и никто не знает, от чего, а король взял другую.

Джинкс уже слышал эту историю от Толливера Странника. Ничего интересного он в ней не усмотрел, просто отметил про себя, что личная жизнь королей мало чем отличается от жизни урвальдийцев – такая же запутанная. Он вскинул топор на плечо. Тропа разделилась на две. Одна уклонялась к югу, другая к северу. Джинкс выбрал южную.

– И вообще никакие короли меня не волнуют, – продолжала Эльфвина. – Я родом с Калликомской прогалины. Она лучше всех. Мы славимся нашим маслом, коровами и… правда, к нам только что варвары вторглись.

– Какой ужас! – воскликнул Ривен.

– Да нет, все не так уж и плохо. Некоторые варвары очень милы. Мама собирается за одного из них замуж.

– О… – Ривен не нашелся с ответом.

– Только она решила, что варвары могут невзлюбить меня из-за… ну, в общем, есть на то причина. Вот и отправила к бабушке, чтобы я пока там пожила. А ты уверен, Джинкс, что это правильная тропа?

– Конечно, уверен, – ответил Джинкс.

– Она много шире всех, какие я видел до сей поры, – сказал Ривен. – Ты не думаешь, что это Дорога троллей? Мне советовали сторониться ее.

– Это не Дорога троллей, – заявил Джинкс. – Дорога троллей ведет вверх, к Стеклянным горам. А на этой тропе никакого подъема нет.

– Может, она постепенно поднимается, – усомнилась Эльфвина.

– На ней много следов от когтей, – заметил Ривен.

– Да Урвальд весь в следах от когтей, – сказал Джинкс.

– Как по-твоему, увидим мы настоящих троллей? – с надеждой спросил Ривен.

– Это не Дорога троллей! – Джинкс уже разозлился на них – и

в особенности потому, что, когда они с Симоном шли к дому Дамы Гламмер, он такой широкой тропы не видел.

Эльфвина положила руку ему на плечо:

– Джинкс, я и вправду думаю, что нам лучше вернуться и поискать другую дорогу.

– Ну, ладно!

Они уже прошли по этой тропе чуть ли не милю. Но если девчонке охота повернуть, потратив силы впустую, пусть будет так. Джинкс резко развернулся и пошел назад, Эльфвина и Ривен последовали за ним.

Теперь они шли намного быстрее, хоть и не сговаривались об этом.

– По-моему, кто-то приближается, – сказал Ривен.

Он опустился на четвереньки и приложил ухо к земле, что было, на взгляд Джинкса, глупо, поскольку они старались убраться отсюда как можно скорее.

– И даже бежит, – сообщил Ривен и вынул из ножен свой нож. Эльфвина поставила корзинку на землю и тоже извлекла оттуда нож – большой.

– Я сотворю укрывающее заклятье, – сказал Джинкс. – Подойдите ко мне.

Слегка смущаясь, он взял Ривена и Эльфвину за руки. И основательно сосредоточился на мысли, что его здесь нет. Он чувствовал, как по ногам поднимается из земли и наполняет его сила. «Нас здесь нет», – думал он.

Теперь все они слышали частый перестук когтей. Запахло гнилым мясом, из-за изгиба тропы выскочил тролль. Ноги Джинкса говорили ему: беги. Однако на этот раз он знал, что сотворил хорошее укрывающее заклятье. И тут все пошло наперекосяк.

Ривен вырвал руку из ладони Джинкса и преградил троллю путь.

– Не надо, Ривен! – воскликнул Джинкс. – Вернись!

Ривен занес нож. Тролль широко улыбнулся, показав сломанные зубы, и когтистой лапой ударил Ривена. Джинкс бросился к ним, размахивая топором. И через миг ему уже казалось, что тролль находится сразу везде – цапастые волосатые лапищи, когтистые пальцы, уродливое ревущее лицо, – а лиц Джинкс не забывал никогда. Он заставил себя не закрывать глаза, хоть ему и хотелось спрятать куда-нибудь голову, и махал, махал, махал топором. Он слышал завывания и визг, но времени подумать о том, кто визжит или что происходит, у него не было. Что-то острое проехалось по его лицу. Он ударил топором и во что-то попал. Выдернул топор и ударил снова, изо всех сил,

словно стараясь расколоть крепкое дубовое полено.

А потом понял, что лежит на земле. Кто-то черный заслонил солнце. Джинкс замахнулся на эту тень кулаком.

– Перестань! – прикрикнула Эльфвина. – Я просто хочу осмотреть порез на твоем лице.

Джинкс сел. Ривен сидел рядом с ним, рука его была перевязана салфеткой в красную с белым клетку. Тролль исчез. Тропу залила кровь. И что-то большое, неподвижное лежало на ней. Желудок Джинкса произвел сальто-мортале. Это была ручища тролля. Джинкс приложил ладонь к лицу, потом поднес ее к глазам – кровь. Происшедшее начало понемногу выстраиваться в его голове. Лиц Джинкс не забывал никогда, даже если они оказывались не на том теле.

– Это ж надо, тролль! – сказал Ривен. – Мой первый тролль.

– Этот тролль был моим отчимом, – сказал Джинкс.

И увидел, как Ривен с Эльфвиной переглянулись.

– По-моему, ты здорово приложился головой, когда упал, – сказала Эльфвина. – Может, тебе лучше прилечь снова?

– Бергтольд. Мой отчим. Я отрубил руку своему отчиму.

– Ты был неподражаем, – сказал Ривен – с несколько чрезмерной сердечностью, словно разговаривая с человеком, слегка повредившимся в уме. – Так орудовать топором – где ты этому научился?

– Дрова рубил, – ответил Джинкс. – Если бы ты не выскочил из-под моего укрывающего заклятия, мне бы ничем орудовать не пришлось. Я серьезно говорю, этот тролль был моим приемным папашей.

– Э-э… ты хочешь сказать, что твоя мать вышла замуж за тролля? – ужаснулась Эльфвина.

– Нет, конечно! Моя мать умерла. Да и он раньше не был троллем, он… а что это мы здесь сидим? Надо убираться с Дороги троллей!

– А, так *значит,* это все-таки Дорога троллей? – притворно удивилась Эльфвина.

Ладно, пусть лучше смеется, чем разговаривает с ним, как с сумасшедшим. Они направились к развилке – торопливо, почти бегом, – Ривен нес заляпанный кровью топор. Джинкс, которого тошнило от одного взгляда на него, брать топор с собой не хотел. Но Ривен настоял, сказав, что хочет научиться у Джинкса приемам топорного боя.

Наконец, они свернули с Дороги троллей на другую тропу, и, когда им попался ручей, Джинкс согласился остановиться и промыть свою рану. Эльфвина сказала, что у него, наверное, шрам останется.

Джинкс рассказал, как его отчима утащили тролли.

– Симон говорит, что ожесточенные, жадные люди сами притягивают их, – пояснил он.

– То есть получается, что мы такие и есть? – осведомился Ривен.

– Симон говорит, Симон говорит, – передразнила Эльфвина. – А тебе не приходило в голову, что Симон может и соврать? Я вот думаю, этот твой чародей сам превратил твоего отчима в тролля.

– Он не смог бы, – сказал Джинкс. – Людей заколдовывать нелегко. Симон го… В общем, нелегко.

– Он сказал, что *не может* делать это или что это просто нелегко? – уточнила Эльфвина.

– Он сказал, что это в сто раз труднее обычной магии. Хотя ведьмам дается легче.

Джинкс мрачно задумался. Конечно, Симон мог заколдовывать людей. Его-то он заколдовал. Правда, это потребовало серьезных приготовлений, дополнительной силы, извлеченной из огня, рисунков мелом и тех зловеще пахнувших корней Дамы Гламмер.

– Так или иначе, но когда я в последний раз видел Бергтольда, он не был троллем, – сказал Джинкс. – Он был человеком, и тролли уволокли его. А потом, я думаю, превратили в тролля.

– Значит, люди могут превращаться в троллей? – спросил Ривен.

– Не знаю. Никогда прежде о таком не слышал.

– И я не слышала, – сказала, нахмурившись, Эльфвина. – Я думала, что тролли появляются… ну, вы понимаете, рождаются маленькими троллями.

– Может быть, если ведешь себя как тролль, то им и становишься, – предположил Ривен. – Я не говорю, что твой отчим вел себя, как тролль…

– Именно так он себя и вел.

– А, ну ладно. Тогда понятно, – похоже, Ривен считал, что это все объясняет. – Я хочу сказать, для магии Урвальда такой фокус – пара пустяков, верно?

Теперь переглянулись Эльфвина и Джинкс. Они выросли в Урвальде и знали, что магия – дело сложное.

* * *

Приходилось признать, что они заблудились.

Со времени лесной схватки, в которой Джинкс отрубил

своему отчиму руку, прошло три дня, и чувство тошнотворного отвращения уже начало отпускать его – иногда на несколько минут кряду.

И повторять «нам сюда» всякий раз, как им встречалась новая тропа и нужно было решать, по какой из двух идти, Джинкс перестал. Спутники его все еще предоставляли ему право выбора, однако Джинкс видел, как они обмениваются взглядами, говорящими: он заблудился.

Ну и что с того? Они ведь тоже заблудились.

Начался дождь.

Они упорно брели дальше. Все трое промокли, ноги в пропитанных водой башмаках замерзли, одежда липла к телу и пригибала их своей мокрой тяжестью к земле.

– Может, бросишь топор-то? – предложил уже в который раз Джинкс.

– Нет, он нам нужен! С этой штукой ты был великолепен, – ответил Ривен. Похоже, он обладал способностью оставаться жизнерадостным, несмотря ни на какую усталость, холод, неудачи. Джинкса это раздражало.

– Он не хочет говорить об этом, Ривен, – сказала Эльфвина.

– Да почему же? – удивился переходивший вброд лужу Ривен. – Он так лихо отрубил тому троллю лапу, что…

– Ты это уже говорил.

Джинкс старался изгнать воспоминание о схватке из памяти. Но все равно гадал, удалось ли Бергтольду выжить.

– Помнишь, что ты говорил о ветвях, которые я рубил, чтобы строить шалаши? Ты сказал, что лес начнет лишать людей рук и ног. Разве не забавно будет, если это правда?

– Это правда, и ничего забавного в ней нет, – ответил Джинкс.

– Тролли – не люди, – вставила Эльфвина.

– Вообще-то я думаю, что, может, они и люди, – сказал Джинкс. – Этот точно был моим отчимом. К тому же они соблюдают Соглашение о Пути…

– Этот не соблюдал, – возразил Ривен.

– Так то был не Путь, а Дорога троллей.

– Там что-то виднеется впереди, – сказала Эльфвина. – Похоже, прогалина.

Запах дыма плыл среди струй дождя, узкая тропинка уходила в сторону от главной. Путники свернули на нее. Им хотелось лишь одного: укрыться от дождя.

Прогалина оказалась маленькой, серой, исхлестанной ливнем. Струи пара поднимались, закручиваясь в спирали, над совсем недавно перекопанной землей, быстро раскисавшей в

грязь. Из нее торчали брошенные в самом начале дождя лопаты.

Жилища людей – треугольные, сооруженные из веток и тростника хижины – чернели под дождем. Джинкс, расплескивая ногами воду, подошел к двери одной из них и постучал. Ривен с Эльфвиной встали за его спиной.

– Кто там? – послышалось за дверью.

– Промокшие странники в поисках приюта, – ответил Джинкс.

– Ишь ты, поди ж ты! – дверь распахнулась. – «В поисках приюта», вона как? У нас туточки попросту говорят – «где посуше». Ну, входите.

Джинкс пригнулся, хоть притолока была не такой уж и низкой. Какие-то неуловимые особенности хижины внушали ему чувство, что он слишком велик для нее. Он услышал, как Ривен с Эльфвиной прошли в дверь следом за ним.

– Топор можешь к стенке поставить, у нас рубить нечего, – сказала женщина.

Джинкс уставился на нее. Лиц он не забывал никогда.

– Коли хотите, так садитесь, – предложила женщина. – А то, пока вы стоите, тут повернуться негде.

Кроме нее в хижине обнаружились девочка лет трех и лежавший на топчане в углу мужчина.

Джинкс и Эльфвина присели у очага, скрестив ноги, чтобы занимать поменьше места. Капли дождя залетали в дымоход и шипели, попадая в огонь; задувавший в трубу ветер наполнял хижину клубами едкого дыма.

Ривен протянул к девочке руки, улыбнулся:

– Здравствуй, принцесса.

Девочка отбежала и спряталась за материнскую спину, но тут же высунула голову и с подозрением уставилась на Ривена.

Джинкс перевел взгляд с женщины на лежавшего мужчину – и решил идти напролом:

– Ты не узнаешь меня, верно?

– Да с чего бы? Я с богачами отродясь не водилась.

И она перегнулась над его головой, чтобы помешать черпаком варево в висевшем над огнем котле.

– Ты моя мачеха, – сказал Джинкс.

Она уронила черпак в котел.

– Чушь! – и женщина, отбросив упавшие на лицо волосы, уставилась на Джинкса.

Тот ответил ей прямым взглядом.

– Ну, и как мне его теперь доставать?

Она протянула руку к каминным щипцам.

Чем объяснялся следующий его поступок, Джинкс не знал и сам, – возможно, ему не хотелось хлебать суп, в котором побывали покрытые пеплом щипцы; возможно – и более вероятно – хотелось заставить мачеху хоть как-то отреагировать на него. Сказанное им только что нисколько ее не заинтересовало.

Так что он встал, заглянул в булькавшее, окутанное паром варево, разглядел плававший среди кусков тыквы и капустных листьев черпак и поднял его в воздух. Теперь Джинкс справлялся с этим гораздо лучше, он вообще заметил, что вне стен каменного дома Симона магия дается ему с большей легкостью. Черпак легко пробил воду, поднялся и замер в нескольких дюймах над котлом. Все не сводили с него глаз. Джинкс натянул на ладонь рукав, взял черпак и протянул мачехе.

Та приняла его, ойкнула и уронила на пол.

– Извини. Он горячий, – сказал Джинкс. Ему вовсе не хотелось, чтобы она обожглась. Честно. Наверное.

Он вообще не очень-то понимал, какие чувства она у него вызывает.

Джинкс оглядел ее саму, всю ее семью. Латаная одежда, лишившаяся красок не один год назад, когда ее носили совсем другие люди, теперь, может быть, уже умершие. Джинкс вдруг

сообразил, что находится среди людей, которые в жизни своей новой одежды не видели.

– Я так понимаю, ты снова замуж вышла, – сказал он. И, услышав, как тихо ахнула, а после шикнула на него Эльфвина, понял, что снова допустил грубость. Надо постараться овладеть собой, изгнать из головы неучтивые мысли. Как-никак эта женщина – Коттавильда – укрыла их от дождя.

– Ты чародей, или эльф, или кто? – спросила она и, попятившись к топчану, села рядом с мужчиной. А затем посмотрела на Эльфвину – как женщина на женщину – и спросила: – Кто он?

– Слуга чародея, – ответила Эльфвина.

Коттавильда и ее муж съежились от страха.

– Не стоило говорить им это, – пробормотал Джинкс.

Эльфвина бросила на него извиняющийся взгляд.

– Какого? Костоправа? – спросила Коттавильда.

– Нет, злого волшебника Симона, – сообщила Эльфвина.

– Ты хоть что-нибудь не выболтать можешь? – рявкнул Джинкс, уже не думая ни о какой учтивости-неучтивости. Вот балаболка!

– Не могу, – ответила Эльфвина.

– Я твой пасынок, – сказал он Коттавильде. – Джинкс. Помнишь меня?

Он сознавал, что стал в этой лачужке главным, центром внимания. Ривен сидел у стены, держа на коленях девочку, которую все-таки подманил к себе.

– Ты и близко на него не похож. Он был махоньким сопляком.

– Ну, так это давно было. Я вырос. – Женщина, похоже, виноватой себя не чувствовала. Ни в чем. – А помнишь, как вы бросили меня, оставили умирать в Урвальде?

– Да ни в жисть бы я такого не сделала! – и Коттавильда решительно покачала головой. – Я бы тебя продала.

– Ты это *сделала!* – Джинкс старался не повышать голоса, но увидел, как испуганная девочка зарылась лицом в одежду Ривена. – Бергтольд отвел меня в лес, чтобы бросить там.

– А, Бергтольд, – лицо ее покривилось от омерзения. – Ну и подлый же был мужичонка!

– Почему тогда ты вышла за него?

Она пожала плечами, оглянулась на своего мужчину.

– Очередь его подошла.

Да, именно так браки на прогалине и заключались – со следующим в очереди.

– Так или этак, а его утащили тролли, и мальчишку тоже. Люди потом искали их и нашли следы.

– Только его, – сказал Джинкс. Гнев его сник, потому что он вспомнил о руке Бергтольда-тролля. – Меня они не забрали.

– Ну что же, ты неплохо устроился. Красивая одежка, и говоришь красиво, да еще злой волшебник за тобой доглядывает. Если только ты и *вправду* слуга, а не сын какого-нибудь богача. Так на что тебе жаловаться?

Джинкс не знал, что ей ответить. Здесь, в убогой, провонявшей капустой хижине, в углу которой уже натекала лужа просочившейся сквозь тростниковую кровлю воды, жаловаться на то, что его выставили отсюда и отправили жить с Симоном, было как-то трудновато. Конечно, Коттавильда и Бергтольд не ожидали появления Симона – скорее уж троллей или волколаков, но Джинкс не испытывал желания спорить на этот счет. И уж тем более рассказывать, что Симон забрал его магию.

Только вот не слишком ли дорогую цену заплатил он, лишившись своей магии? Да, слишком. И все же он был рад тому, что жить так, как живут эти люди, ему не пришлось.

Лежавший на топчане мужчина откашлялся.

– Мне в моем доме колдуны без надобности. Шли бы вы отседова.

– Уйдем, когда перестанет лить дождь, – беззаботно откликнулся Ривен. – Мы пришли не для того, чтобы навредить кому-то. Нам просто нужна крыша над головой – и мы за нее заплатим.

Лица Коттавильды и ее мужа мгновенно изменились. Разбираться в выражениях человеческих лиц Джинкс уже научился.

– За четвертак мы вас всех накормим, – пообещала Коттавильда.

– И позволите нам заночевать, – добавила Эльфвина.

Услышав это, Коттавильда и ее муж испуганно переглянулись. На самом деле оставаться у них на ночь Джинксу не хотелось, однако дождь, похоже, зарядил надолго, и спать под ним не хоте– лось тоже.

И Джинкс указал большим пальцем на Ривена:

– Заплатит он.

* * *

На следующее утро Джинкс прошелся по прогалине, сверкавшей под солнцем каплями дождя. Люди сбивались в кучки, чтобы посмотреть на него. Слух о летающем черпаке уже разошелся по прогалине. Джинкс узнавал знакомых – о некоторых

он и не вспомнил ни разу за годы своего отсутствия. Кто-то из них стал, надо думать, жертвой волколаков или упомянутого Симоном зимнего мора, но кто именно – этого Джинкс сказать не взялся бы.

Его-то, похоже, не узнавал никто. Он заговаривал кое с кем из тех, кто мог бы и узнать. Они его не помнили. Впрочем, большинство жителей прогалины уклонялись от встречи с Джинксом и его спутниками – здесь всегда с подозрением относились к чужакам, как и ко всему, что выходило из Урвальда.

Он надеялся… хотя нет, *надеялся* — слово, пожалуй, слишком сильное. Правильнее сказать так: в глубине его сознания сидела мысль, что раз он впервые ощутил способность видеть чужие мысли здесь, на Крыжовенной прогалине, то, может быть, здесь же она к нему и вернется. Она не вернулась.

– Тебе, наверное, все кажется съежившимся, а? – спросил шедший рядом с ним Ривен. – Я слышал, так бывает, когда возвращаешься в места, которые покинул в детстве.

– Да, – ответил Джинкс. На самом деле все казалось ему потускневшим, победневшим, выцветшим, погрустневшим. Хотелось поскорее уйти отсюда.

У одной из хижин стояла, наблюдая за ними, девочка, лишь ненамного старше его годами. Ривен улыбнулся ей, она ответила пустым взглядом.

– Инга, – вспомнил Джинкс. – Ты ведь Инга, верно?

– Откуда ты знаешь мое имя, слуга чародея? – с подозрением спросила девочка.

– Ты… – начал Джинкс, но остановился. Инга поколачивала его, а однажды, в свинарнике, ткнула лицом в грязь, да какое-то время так и продержала. Джинкс решил не упоминать об этом перед своими новыми друзьями. – Я тебя с детства помню.

– Ты не знаешь, в какой стороне живет Дама Гламмер? – спросила Эльфвина.

– Дама Гламмер… это ведьма, что ли? – спросила Инга.

– Да, – Эльфвина, по-видимому, решила, что рассказывать о своем родстве с ведьмой не стоит. – Мы шли к ней, да вот сбились с пути.

– К ведьме ходить не след, – наставительно сказала Инга. – Дома надо сидеть, на своей прогалине. А ходить по всяким разным местам опасно.

– Даже если не покидаешь тропы, – сказал Джинкс.

Сказал он это с иронией. И потому опечалился, когда Инга закивала, соглашаясь. Ему уже не верилось, что когда-то он позволял девчонке, которая боится высунуть нос за пределы Крыжовенной прогалины, тыкать его лицом в навоз.

Как бы то ни было, теперь она этого сделать не сможет – Инга была выше его, но Джинкс готов был поспорить, что он сильнее.

Другое дело, что, останься он здесь и кормись жабьей кашицей да щами, сил у него особо не прибавилось бы. Он и читать-то не умел бы! Немыслимо. Оставшись здесь, он не стал бы собой.

Но ведь они, здешние, и не хотели, чтобы он остался. Они заставили его сойти с тропы.

«А ведь я их так и не поблагодарил», – подумал Джинкс.

Глава шестнадцатая
Заклятия

Когда Крыжовенная прогалина осталась позади, Джинксу показалось, что с плеч его свалился груз, равный по тяжести весу тролля. Об утраченной им магии он ничего здесь не узнал, но это его не расстраивало. Зато испытал облегчение, увидев, что все о нем забыли. Он больше не был жителем *этих* мест. Он был из дома Симона.

Какими бы недостатками Симон ни обладал, по крайней мере, скучным он не был, да и дождь в его доме не моросил.

Они прошагали целый день, веселые, не особо задумываясь о том, чего страшились деревья (Ривен прозвал это «Ужасом»).

– Ты, правда, там и родился, Джинкс? – спросила Эльфвина.

– Ага.

– Ну, это и в самом деле… – Эльфвина прикусила язычок и предприняла новую попытку: – И в самом деле, место очень…

– Убогое, – подсказал Джинкс.

– Я не виню тебя за то, что ты ушел и стал учеником злого чародея, – сказал Ривен.

– Он не злой, – отозвался Джинкс. В конце концов, Симон был

врагом Костоправа, а это наверняка означало, что волшебник он добрый. Конечно, он навел на Джинкса ужасные чары. Но, может быть, Симон не очень понимал, насколько они ужасны. По большей-то части он был добрым, верно? В общем и целом?

– Так или иначе, выбирать мне не приходилось. Приемные родители выгнали меня, потому что у них родился свой ребенок.

– Эрменгарда? – спросил Ривен.

– Нет – а кто такая Эрменгарда?

– Та девочка в хижине, – пояснил Ривен.

Джинкс задумался.

– Сколько ей лет?

– Три года, – ответил Ривен.

– Тогда это не она. Слишком мала.

– Интересно, куда подевалась твоя сводная сестра, – сказал Ривен.

– Умерла, наверное, – сказала Эльфвина. – Или они и ее в лес свели.

Джинкс почувствовал, что не стоило ему расспрашивать Ривена. Но, с другой стороны, он никогда не задумывался об участи своей маленькой сводной сестры – Гертруда, так ее звали.

– По-моему, вот она, нужная нам тропа.

На этот раз он и вправду узнал тропу к домику Дамы Гламмер. И едва они свернули на нее, как Джинксом овладело странное ощущение: кто-то наблюдал за ними.

– Мне полагается остановиться на мосту и позвать ее, – сказала Эльфвина.

– Может, нам лучше до утра подождать? – предложил Ривен. Уже начинало смеркаться.

– Где подождать? – поинтересовалась Эльфвина. – Зачем проводить еще одну ночь на тропе, когда до дома моей бабушки рукой подать?

Она приложила ладони ко рту и позвала: *«Ба-буш-каа!»*

И сразу же послышалось буханье скачущей по тропе маслобойки.

– Ну-с, вот и они, – глаза Дамы Гламмер отливали в сумерках оранжевым цветом, а ухмылка расплывалась не только на лице, но и в голосе. – Все так, как и говорила Дама Эспер. Три маленьких птенчика, идущих, чтобы полюбоваться на старую ведьму в ее лачуге.

– Здравствуй, бабушка, – сказала Эльфвина.

Та половинка Дамы Гламмер, что не помещалась в маслобойке, наклонилась, разглядывая Эльфвину. Морщинистой рукой старуха взяла ее за подбородок и заглянула девочке в глаза.

– Так, и кто же это называет меня бабушкой?

– Эльфвина. Дочь Берги.

– А-а, дочка Берги, – Дама Гламмер усмехнулась так, точно собиралась слопать Эльфвину. – В последний раз я видела тебя двухлетней.

– Я так и знала! – воскликнула Эльфвина. – Она говорила, что мы никогда не встречались, но я тебя запомнила.

Лицо Дамы Гламмер осталось непроницаемым.

– Запомнила? Что же ты помнишь?

– Я помню, как ты приехала к нам в маслобойке, – сказала Эльфвина. – И как мы собирали землянику.

– Ага, – сказала Дама Гламмер. – А мать тебе, стало быть, наврала, так?

– Ну, я не сказала бы…

– Я сказала. Уверяет, будто ты меня никогда не видела, хоть ты и видела, а? Я называю это враньем. Ладно, пошли, птенчики.

Маслобойка снова забухала по тропе. Эльфвина, Ривен и Джинкс последовали за ней. Через несколько минут впереди послышались ругательства. Все трое прибавили шагу и скоро вышли к домику Дамы Гламмер.

Ведьма лежала на земле, извиваясь, пытаясь выбраться из перевернувшейся маслобойки. Ривен кинулся выручать ее. Только все втроем, общими усилиями, они помогли старухе встать на ноги.

– Спасибо, птенчики. Придется мне новой маслобойкой обзавестись. В этой становится тесновато. Ну, входите. Вы как раз к обеду поспели.

Похоже, последние слова изрядно встревожили Ривена. Даже когда все вошли в дом и стало ясно, что в меню обеда их троица не значится, а Дама Гламмер принялась расставлять по столу суповые плошки, хлеб и мед, он продолжал нервно поглядывать на встроенную в очаг каменную печку.

– Великоват ты для этой печки, птенчик, – сказала ему с

ухмылкой Дама Гламмер. – Мне тебя в нее не запихать. Да и тебе меня тоже.

Она захихикала, и Джинкс, который давным-давно перерос страх перед нею, вдруг испугался снова.

– Так что же привело тебя сюда, внучка, в компании Симонова бурундучка и этого пугливого мальчугана? – спросила Дама Гламмер, когда все уселись за стол.

Эльфвина рассказала, как на нее напали медвелак и волки, как она познакомилась с Джинксом и Ривеном.

– Но почему твоя мать вообще позволила тебе покинуть вашу прогалину?

Эльфвина поведала о том, как варвары захватили Калликомскую прогалину и как мать описала ей дорогу к бабушкиному дому. На каждый вопрос она отвечала очень обстоятельно.

– Так твоя мать снова замуж выходит? А что случилось с прошлым мужем?

– Да, выходит. А с тем случились волколаки, – ответила, поморщившись, Эльфвина. А Джинкс задался вопросом, был ли «прошлый» ее отцом или отчимом.

– Ну что же, птаха, плохо отзываться о твоей матери мне не хочется, однако она всегда была дурой. Какой смысл то и дело *замуж* выходить? Ты кажешься более разумной, и меня это радует. Хоть на тебе и лежит заклятье.

Джинкс вспомнил: ведьма, с которой они повстречались на тропе, тоже говорила о заклятье Эльфвины. Та, похоже, смутилась и уткнулась носом в суп. Дама Гламмер повернулась к Джинксу.

– Итак, ты все еще доверяешь Симону Волхву, а, бурундучок?

– Я предпочел бы, чтобы ты не называла меня бурундуком.

– Правда, бурундучок? Ну что же, это лишь показывает, что в этом мире мы получаем желаемое далеко не всегда.

Джинкс ощутил такое же смущение, какое было написано на лице Эльфвины. На Ривена ему смотреть не хотелось, тот наверняка посмеивался над ним. И Джинксу вдруг пришло в голову, что каждая из прежних его встреч с Дамой Гламмер происходила в присутствии Симона.

– И мысли мои ты больше читать не пытаешься, – на сей раз в голосе Дамы Гламмер прозвучал слабый намек на жалость.

Джинкс разозлился. Нечего ей жалеть его. Тем более она сама кругом виновата.

– Наверное, не стоило мне отдавать ему корни, – продолжала Дама Гламмер.

– Ты не отдала их, а продала, – сказал Джинкс. Но, услышав шиканье Эльфвины, понял, что опять нагрубил. И примолк.

Сердить Даму Гламмер ему не хотелось. Он никогда прежде не замечал в ее глазах такого отблеска – словно глядела сама древность. Она выглядела по-настоящему опасной.

– А ты, – обратилась она к Ривену. – Кто ты и откуда?

– Я Ривен, прекрасная… э-э… Дама. А пришел я от двора короля Руфуса.

– Король Руфус, – она нахмурилась. – Маленькое захолустное королевство на западе? Король, которому нравится засовывать ведьм в утыканные гвоздями бочки и катать их с горки, пока не помрут?

Ривен побледнел, Джинксу тоже стало не по себе, и он опустил свою ложку в суп, да там и оставил.

– Не только ведьм, – сказал Ривен, глядя в стол. – Он поступил так и с моей приемной матерью.

– Ну да, с ведьмами и злыми мачехами, – покивала Дама Гламмер.

– *Моя мачеха злой не была!*

Перемена, случившаяся с Ривеном, Джинкса испугала. Ривен уже не был ни вкрадчивым, ни чарующим, ни обворожительным, ни капельку встревоженным – он был в бешенстве. Брови его опустились, точно грозные мечи, – легко было поверить, что он может одним только взглядом убить человека на месте. Джинкс отодвинулся от него вместе со стулом.

Впрочем, Дама Гламмер ни капельки не встревожилась.

– Почему же он так поступил?

Ривен открыл рот, чтобы ответить, но не издал ни звука.

– Понятно. А твой отец – как звали твоего отца?

Ривен снова открыл рот – снова ни звука.

– А скажи, Ривен – это твое настоящее имя?

То же самое – рот открывается, но ничего не слышно. Джинкс и Эльфвина переводили взгляды с Дамы Гламмер на Ривена и обратно.

– Это ужасное заклятие, дорогой, – сказала, покачав головой, Дама Гламмер. – Может быть, и найдется чародей, способный снять его, но я с ним ничего сделать не могу.

Гнев покинул Ривена. Судя по его вспыхнувшему ярким румянцем лицу, он с удовольствием вскочил бы на ноги и выбежал из домика, да только хорошее воспитание не позволяло.

А Дама Гламмер вновь повернулась к Эльфвине.

– Ну-с, птаха, и что ты думаешь о своей старенькой бабушке?

– Я думаю, что тебе нравится смущать людей, напоминать им об их обидах и горестях – и, по-моему, это неучтиво, – ответила Эльфвина.

Дама Гламмер хмыкнула:

– Какой упоительно правдивый ребенок!

– Почему ты не можешь снять заклятие с Ривена? – поинтересовался Джинкс. – Симон говорит, что ведьмам это дается легче, чем чародеям.

– Правда? А ты по-прежнему веришь всему, что говорит Симон, милый?

– Скажи, добрая Дама, злой чародей Симон и вправду может снять с меня заклятие? – спросил Ривен.

– Он не злой, – возразил Джинкс.

– Да что ты говоришь? – Дама Гламмер хлебнула супа, причмокнула губами, а затем сказала Ривену: – Думаю, не может. Симон – волшебник не очень могущественный.

Произнося эти слова, она сверкнула глазами на Джинкса – проверяла, как он к ним отнесется. Джинкс ей не поверил.

– А тут нужен очень могущественный чародей. Возможно, Костоправ, – продолжала Дама Гламмер.

Ривена это заинтересовало.

– А вот Костоправ как раз злой! – заявил Джинкс.

– Это Симон так говорит? – ласково осведомилась Дама Гламмер.

– Я видел Костоправа! Он… у него ножи в мыслях, – сказал Джинкс.

– Ну, так или иначе, – сказала ведьма, – он из тех, кто способен снять с нашего мальчика скверное заклятие. Если на это вообще кто-либо способен.

Джинкс взглянул на Эльфвину, надеясь на ее помощь. Однако Эльфвина не отводила глаз от своей тарелки.

– Костоправ убьет его! – сказал Джинкс.

– О, это вряд ли, – ответила Дама Гламмер. – Нашему мальчику он вредить не станет. Нет, думаю, не станет.

Она усмехнулась:

– А навредит, так не сильнее, чем Симон тебе.

Говорить на эту тему при других Джинксу не хотелось, однако…

– Я хочу знать, как это поправить.

– Что поправить, бурундучок?

– Заклятие. То, что… – тут он вспомнил слова Софии. – Чары магии смертной силы, которые наложил на меня Симон.

– Ну, магия смертной силы – это специальность *Костоправа,* бурундучок. А вовсе не нашего милого волшебника Симона.

– Тогда что же он со мной сделал? – напористо спросил Джинкс. – Ты сказала, что во мне скрыта великая магия Урвальда! А теперь я лишился ее – после того, как он заклял меня с помощью этих дрянных злых корней.

– О да! Великая магия Урвальда, – в глазах Дамы Гламмер вновь появился опасный блеск. – Магия, рожденная страхом. Без страха в Урвальде не выживешь. И потому ты научился приглядываться ко всему, не правда ли? Даже к тому, что творится у людей в головах. Ты знаешь, как следует обходить неприятности на цыпочках, когда нужно прятаться, а когда бежать.

– В этом же нет никакого смысла, – сказала, подняв взгляд от супа, Эльфвина.

– Я ничего не боюсь, – заявил Джинкс.

– Да неужели, бурундучок? – и старуха ткнула в него ложкой. – В Урвальде не боятся одни дураки. А тебе двенадцать лет, и ты все еще жив.

Она легонько стукнула его ложкой по носу:

– Выходит, ты не дурак.

– Ну, я еще могу делать… кое-что, – сказал Джинкс, вытирая рукавом обрызганный супом нос.

– И что же, бурундучок?

– Например, слушать деревья и вообще, – сказал Джинкс. – Разве это не великая магия Урвальда? Почему я ее-то не потерял?

– Да потому, что половина твоего существа укрыта под землей, ведь так, бурундучок? Думаю, когда кто-то наводит чары на часть чисто человеческую, корни твои их просто не замечают.

– У человека нет корней, – заявила Эльфвина.

– Корни есть у всех, – ответила Дама Гламмер.

– Я же не дерево, – возразил Джинкс. Он был совершенно уверен: ничего нечеловеческого в нем нет. Листьев, к примеру.

– Ты и сам не знаешь, сколько в тебе «подземного», бурундучок.

– Но как же тогда получилось, что я по-прежнему могу творить обычную *магическую* магию? Заклинания, например?

– А ты можешь? – усмехнулась Дама Гламмер. – Покажи-ка.

Джинкс попытался поднять ее ложку над супом. Сделать это оказалось намного труднее, чем с черпаком из Крыжовенной прогалины. Ложка вяло подергалась и осталась в супе.

– Надеюсь, ты не рассчитываешь на то, что такая магия позволит тебе уцелеть в Урвальде, бурундучок, – снова усмехнулась Дама Гламмер. – Так вот, если Симон применил магию смертной силы, тебе, как я понимаю, следует попросить помощи у ее знатока.

– Ты же сказала, что такой магией Симон не пользовался, – удивилась Эльфвина.

– Нет, она сказала не так, – возразил ей Джинкс, давно привыкший к двусмысленным речам волшебников. – Значит, по-

твоему, мне следует попросить помощи у Костоправа, так?

– К Костоправу тебе лучше и близко не подходить, – предостерегла его Дама Гламмер. – Разве Симон не говорил тебе этого?

– Да, – согласился Джинкс. – Говорил.

– Хотя, сдается мне, Костоправ мог бы порассказать тебе кое-что о Симоне.

* * *

Уже поздно ночью, после того как Джинкс с Ривеном поднялись на чердак и легли спать, Джинкс, проснувшись, услышал голоса Эльф– вины и Дамы Гламмер, все еще беседовавших за кухонным столом.

– Как это тебе удалось разжиться столь скверным заклятием, птаха? – пророкотала Дама Гламмер. – Уж не во время ли крестин? Злая фея?

– Да, – сказала Эльфвина. – Тринадцатая фея.

– Какая все-таки дура твоя мамаша!

– Прошу тебя, бабушка, не называй маму дурой.

– Думаешь, мне *нравится* называть ее дурой? Она, как-никак, моя дочь. И все-таки, она же училась на ведьму, должна бы кое-что понимать, а тут – крестины! Феи! Тьфу!

– Как по-твоему, чародей может снять его с меня – ну, как с Ривена?

Джинкс придвинулся поближе к чердачному люку, чтобы видеть Даму Гламмер. Тусклый свет догоравших в очаге поленьев погружал морщины на ее лице в глубокие тени, сообщая старухе вид еще более зловещий, чем прежде.

– Да зачем же его снимать-то?

– Оно ужасно!

– О, ты просто не научилась правильно пользоваться им, доро– гуша. Нет, я думаю, к Костоправу тебе лучше не соваться. – Ведьма мельком глянула в сторону чердачного люка. – Чародеев лучше оставить мальчишкам. А девочки пусть водятся с ведьмами.

– Я вправду хочу избавиться от него, – сказала Эльфвина. – Оно мне страшно мешает.

– Ну, может быть, что-нибудь устроить и можно, – уступила Дама Гламмер. – Я ведь не говорю, что нельзя. Но не кажется ли тебе, дорогуша, что тебе может понравиться быть ведьмой?

– Не знаю, – ответила Эльфвина. – Пока я просто хочу избавиться от моего заклятия.

– У тебя может обнаружиться настоящий талант к ведовству. Я на это рассчитываю. У твоей матери он тоже был – так нет же, загорелось ей бросить все и выскочить замуж. Ладно, птаха, не будем говорить об этом сейчас, – и она взглянула прямо в глаза Джинкса. – А то тут у стен уши отросли.

* * *

Наутро, сразу после завтрака, Джинкс решил показать Ривену, как обращаться с топором. Джинкс предпочитал сделать это здесь, где было много мертвого дерева, поскольку во время похода Ривен проявил пугающую склонность замахиваться топором на живые деревья, хорошо хоть ни разу по ним не попал.

Топор слушался Ривена плохо.

– Я к мечу привык, – объяснил он. – С мечом я обращаюсь весьма умело. Хочешь, и тебя научу?

– Нет, – ответил Джинкс. – Спасибо.

Да у него и меча-то не было. У Ривена, впрочем, тоже.

– Какое заклятие лежит на тебе? – спросил Джинкс.

– А кто сказал, что на мне лежит заклятие?

Ривен мощно замахнулся топором, однако по полену не попал.

– Дама Гламмер сказала. И та ведьма, по-моему, ее звали Дама Эспер, упоминала о нем. Ты просто не можешь про него рассказать, так?

– Тебя ведь тоже закляли.

– Да.

– И Эльфвину, насколько я понимаю, – добавил Ривен.

Джинкс мысленно поблагодарил его за смену темы. Об Эльфвине они могли разговаривать спокойно – ее поблизости не было.

– Интересно, чем ее закляли.

Джинкс пожал плечами:

– Она слишком часто говорит людям то, что о них думает.

Ривен склонил голову набок, словно взвешивая его слова, потом покачал ею:

– Не такое уж это и проклятие.

С этим Джинксу пришлось согласиться:

– Разве что для тех, с кем она разговаривает. Не для нее. А еще она слишком многое разболтала о моих делах людям с Крыжовенной прогалины.

– Так девица же, что с нее возьмешь, – сказал Ривен.

Джинкс не был уверен, что дело в этом, но, похоже, Ривен

разбирался в девицах гораздо лучше Джинкса.

– Так что же это за штука – магия смертной силы? – спросил Ривен.

– Это… ну, магия, в которой используется человеческая жизнь.

– Что-то вроде человеческого жертвоприношения?

– Вроде бы так.

– И Симон обратил ее против тебя? Он вообще кого-нибудь убивал?

– Нет, конечно, – сказал Джинкс.

– Как же тогда…

– *Не знаю я*, как! – воскликнул Джинкс. – Это всего лишь слова Дамы Гламмер. А верить ей я не обязан.

«И слова Софии, – подумал он. – София тоже так говорила».

Ривен снова воздел топор и обрушил его на полено, сумев на сей раз попасть и оставить на древесине небольшую зарубку.

– Ты потому и ушел от него? Из-за того заклятья?

– Вроде как. Я тогда сильно разозлился, – ответил Джинкс.

Да, главным образом из-за него. Но еще и потому, что хотел повидать свет.

– О, что такое сильно разозлиться, я знаю, – с чувством сообщил Ривен.

– Еще бы, ведь тебя же изгнали, верно?

– Верно, изгнали, но злился я еще до того.

Джинкс хотел спросить, правда ли, что король Руфус убил мачеху Ривена, но удержался. Он очень старался не проявлять неучтивости, хоть Эльфвины рядом не было и осудить его она не могла. Да, скорее всего, это и *было* правдой. В шутку такими словами не бросаются, правильно?

– Может, нам стоит пойти и отыскать Костоправа, как ты считаешь? – спросил Ривен.

– Он злой.

– Да, но не кажется ли тебе, что мы могли бы добиться, чтобы он… ну, сделал то, о чем говорила Дама Гламмер?

– Чтобы он заклятие с тебя снял? Так Костоправ захочет получить что-нибудь за труды, – сказал Джинкс.

– Что именно?

– Понятия не имею. Говорят, он человеческие души через соломинку выпивает.

– Ах… Ну да. Хмм… А это правда?

– Возможно. Его все боятся. А живет он в доме, сложенном из костей.

– Как же из костей можно дом сложить?

– Откуда мне знать? Но такой уж у него дом. Он высасывает

из своих врагов костный мозг, а кости их складывает стопками, крест-накрест.

– Ну, мы могли бы, по крайней мере, пойти к нему и задать пару вопросов, разве не так? От вопросов ни его, ни нас не убудет.

– Ты не слушаешь, что я говорю, нет? Урвальд, знаешь ли, шутить не любит. Здесь жуткие вещи творятся. Да к тому же и Симон велел мне держаться от Костоправа подальше.

– Тот самый Симон, который упражнялся на тебе в магии смертной силы?

– Да, но… настоящего вреда Симон мне никогда не причинял.

– А заклятие это что – не вред?

Ривен подбросил топор в воздух. Топор взлетел, вращаясь, потом пошел к земле, и Джинкс отскочил в сторону, однако Ривен ловко поймал его за топорище.

– Как ты это сделал? – спросил Джинкс.

Ривен пожал плечами:

– Ловить вещи легко. Нужно всего лишь оказаться там, куда они падают. Ты знаешь, где живет Костоправ?

– Точно не знаю, – ответил Джинкс. – Зато знаю, что Симон ходил биться с ним и едва не сгорел.

Он вспомнил, как Симон вернулся домой с ожогом, вспомнил его тогдашние, сформированные Костоправом мысли.

– Как по-твоему, эта ведьма поможет нам отыскать его дом? – спросил Ривен.

– О да, – сказал Джинкс. – Ей нравится доставлять людям неприятности.

– Она говорила, что Костоправ может объяснить тебе, как избавиться от заклятия Симона.

– Вполне возможно, – согласился Джинкс. – Да только зачем ему это?

– Ну, он же Симону не друг?

– Нет, – ответил Джинкс, сразу вспомнив встречу Симона и Костоправа на лесной тропе. – Скорее, заклятый враг.

– Так, может, он как раз поэтому и избавит тебя от заклятия. Я думаю, нам стоит пойти к нему и попросить. Согласен?

– Нет! – ответил Джинкс. – Он… ты вообще меня когда-нибудь слушаешь? Я видел его мысли. Злые розовые облака, в которых мерцали покрытые кровью ножи.

Все было без толку. Ривен вытаращился на него, как на сумасшедшего, и очень мягко спросил:

– А мои мысли ты тоже видишь?

– Не вижу. Как раз эту магию Симон у меня и отобрал.

– И ты не думаешь, что Костоправ мог бы вернуть ее тебе?

Джинкс запнулся. Не исключено, что Костоправ намного сильнее Симона.

Во всяком случае, так говорила Дама Гламмер. Да и Симон тоже – ну, почти. Как он тогда сказал? *Набраться силы так, как это делает он, может всякий.*

– Возможно, – наконец, сказал Джинкс. – Но просить его об этом очень и очень опасно. Он высосет наши души и кровь, а кости сложит в стопку.

– Так ты боишься?

Джинкс увидел полную превосходства улыбку Ривена и разозлился. И вообще, кто из них одолел Бергтольда-тролля!?

– Конечно, нет!

– И отлично! – Ривен хлопнул его по плечу. – Робкому сердцу никогда не завоевать прекрасную деву!

– Мертвому сердцу ее тоже не завоевать, – сказал Джинкс.

* * *

– Не думаю, что вам стоит идти туда, – сказала Эльфвина.

Джинкс укладывал свой заплечный мешок, увязывал одеяло.

– Да и я не думаю, однако…

Он посмотрел на Ривена, который стоял у поленницы, упражняясь с топором. Ривен уже научился раскалывать полено, – если попадал по нему.

– Ты идешь только для того, чтобы защитить его? Какой ты милый, – сказала Эльфвина.

Милый. Вот гадость-то. Но все-таки лучше, чем грубиян.

– Я должен пойти с ним, – сказал Джинкс. – Так я смогу выяснить, что во мне испортилось.

– Но ведь Костоправ – злой чародей.

– Знаю, – согласился Джинкс. – Однако он может сказать мне, что сделал со мной Симон. Если кто-нибудь это и знает, так именно Костоправ. Он в таких делах разбирается.

– Но Костоправ высасывает из людей души.

– И это знаю.

– Высасывает из человека костный мозг, а кости крест-накрест складывает.

– И это тоже.

– Выдавливает людям глаза и нанизывает их на шнурок, бусы из них делает.

– Что?

– Тебе не следует приближаться к нему, – сказала Эльфвина.

– Совсем уж близко мы подходить не станем, – пообещал

Джинкс. – Просто посмотрим, как оно там, – что-то в этом роде.

– И что вы надеетесь увидеть? – спросила Эльфвина.

– Мы надеемся выяснить, нельзя ли с ним поговорить. Вернее, договориться. Может, не знаю, прошение ему подать, что ли.

За спиной Джинкса скрипнула, отворяясь, дверь.

– Симон ваш поход не одобрил бы, бурундучок.

– Совсем близко мы подходить не будем, – повторил Джинкс.

Глаза Дамы Гламмер горели оранжевым пламенем, и Джинксу стало не по себе. Он подошел к Ривену, сказал, что пора уходить. Мальчики попрощались с Эльфвиной и Дамой Гламмер и направились по тропинке к мостику из двух бревен.

Глава семнадцатая
Костяное ущелье

Они шли на север по приметам, указанным Дамой Гламмер.

Нельзя сказать, что Джинкс совсем забыл об Ужасе. Однако Дама Гламмер, большое ей спасибо, была сама по себе ужасом достаточным, чтобы полностью занять его мысли. Теперь же Джинкс снова вспомнил о нем.

– Мне нужно послушать деревья, – сказал Джинкс. – Выяснить, где сейчас Ужас.

– Я думал, мы оставили его позади – там, – Ривен неопределенно махнул рукой в сторону востока.

– Да, но он, как и мы, способен передвигаться.

Джинкс снял башмаки, носки и сошел с тропы. Зарылся пальцами ног в почву. Прислушался. Вообще-то он надеялся, что Ужас пошел дальше к востоку.

Деревья его поправили. Ужас был прямо здесь.

Глаза Джинкса невольно вытаращились. Ривен стоял на тропе, уперев топор топорищем в носок ноги и водя большим пальцем по его острию.

Он улыбнулся Джинксу:

– Что случилось?

Джинкс не нашелся с ответом. Он отряхнул ступни от пыли, надел носки, ботинки, завязал двойными узлами шнурки.

– Ужас уже здесь, – в конце концов проговорил он.

– Ах, так… Тогда нам лучше идти дальше, верно?

Да, если не считать того, что, куда бы мы ни шли, Ужас идет с нами.

– Давай я немного понесу топор.

– Конечно, как хочешь, – и Ривен отдал топор Джинксу. Лицо Ривена оставалось открытым, дружеским.

Они пошли дальше. Джинкс попытался вспомнить, когда именно он, еще живший у Симона, впервые почувствовал страх деревьев. За несколько дней до посещения Самарры, вот когда. Возможно, как раз в то время Ривен и вошел в Урвальд.

Магия Джинкса пригодилась бы ему сейчас, как никогда. Увидев цвет и форму мыслей Ривена, он смог бы понять, какую опасность тот – или его заклятье – представляет.

– Как думаешь, твое заклятье может навредить кому-нибудь другому? – в конце концов спросил Джинкс.

– Это деревья тебе так сказали?

– Нет.

Ах, если б узнать, о чем думает Ривен!

– Ты полагаешь, что Ужас как-то связан с моим… с моей маленькой проблемой?

Он даже выговорить «с моим заклятьем» не может. Джинкс отступил немного от Ривена и осторожно кивнул.

– Ну, могу тебя заверить, что это не так, – сказал Ривен.

Заверить-то ты можешь. По крайней мере, топор теперь не в твоих руках, уже хорошо.

– Деревья боятся тебя.

– Да, но *ты-то* меня почему боишься?

– Я не боюсь! – заявил Джинкс.

Ривен взглянул на топор, который лежал на плече Джинкса, и приподнял одну бровь.

– Ладно, деревьям тревожиться не о чем. Я буду делать лишь то, что ты скажешь.

Весь день они шли на север, следуя указаниям Дамы Гламмер. Джинкс неотрывно наблюдал за Ривеном, накрепко зажав топорище в ладони.

А Ривен болтал без умолку. Рассказывал истории из жизни при дворе короля Руфуса, о королевне, красавице из красавиц, о своей мачехе, которая была очень мудра. Он понимал, что Джинкс наблюдает за ним, но сохранял обычную свою веселость.

Джинксу трудно было поверить, что Ривен – это и есть Ужас.

Ривен был дружелюбен, речист, умел правильно разговаривать с людьми, приободрять их. Наверное, это потому, что он вырос при королевском дворе и научился там обходительности. А Джинкс вырос в доме чародея и лишь совсем недавно узнал, что он – грубиян. Сказать по правде, он завидовал Ривену.

– По крайности, я не грабитель, – сказал он, не сразу сообразив, что произнес это вслух.

– Лишь потому, что тебя до этого не довели, – весело пояснил Ривен. – Пока что. Чьи это следы?

– Медведя, – ответил Джинкс.

– Медвелака или настоящего косолапого?

– Следы у них одинаковые.

– Раньше я о медвелаках и не слышал ни разу, – сказал Ривен. – Только о волколаках. А еще какие-нибудь «лаки» бывают?

– Бурундлаки, – буркнул Джинкс.

Ривен рассмеялся.

– Что я могу поделать, если она называет меня бурундуком! – сказал Джинкс.

– Да нет, я не потому засмеялся, – заверил его Ривен. – Да и слишком уж ты опасен, чтобы быть просто бурундуком. Может, ты бурундлак и есть.

– Глянь, вон там сторожка, – сказал Джинкс. – В ней и заночуем.

– Да ведь еще и темнеть не начало.

– Стемнеет быстро, оглянуться не успеешь. А тут где-то медведь бродит.

С помоста сторожки свисала веревочная лестница. Джинкс поднялся по ней первым. Ривен протянул ему топор и тоже стал подниматься, а Джинкс в это время припрятал топор на плоской крыше, подальше от глаз Ривена.

Они сидели на краю помоста, наблюдая, как лес отходит ко сну. Какие-то зверюшки шуршали в подросте, птицы, попискивая, устраивались на ночь. Джинкс спать не собирался. Он подумывал о том, чтобы подождать, пока заснет Ривен, и улизнуть.

– В лесу невозможно увидеть, как встает и заходит солнце, верно? – сказал Ривен.

– Конечно, возможно, надо только место правильно выбрать, – не согласился Джинкс.

– Нет, я о том, как оно уходит за край земли.

– Что-что оно делает?

– Здесь нет горизонта, – пояснил Ривен. – Мне только сейчас это в голову пришло.

– Ты про линию, по которой сходятся небо и земля? Я ее

видел! – правильно, когда покидал свое тело в ночь Симонова колдовства. – Вот бы добраться до нее, небо потрогать!

Ривен усмехнулся.

– Не получится. Когда ты доберешься туда, горизонт отступит и останется таким же далеким.

Джинкс решил, что Ривен смеется над ним, и обиженно отвернулся.

– Кто-то идет, – вдруг сказал Ривен. – Наверное, твой медведь.

– Нет, шаги человеческие, – ответил Джинкс. Он прищурился, вгляделся в густеющий сумрак. – Там что-то красное.

По тропе вышагивала Эльфвина.

– Эльфвина! – крикнул Ривен.

Девочка заозиралась – туда, сюда, только не вверх.

– Наверх посмотри, – сказал Джинкс.

– Я спущусь, подержу для тебя лестницу, – предложил Ривен.

– Нет, я сам, – сказал, оттолкнув его, Джинкс.

Спустившись на землю, он схватил Эльфвину за руку и торопливо потащил ее подальше от сторожки – и от ушей Ривена.

– Что это ты? – удивилась она.

– Тсс! – и Джинкс шепотом объяснил ей, что Ужас повсюду следует за ними.

– Ты думаешь – это Ривен?

– Ну, либо он, либо я, а в себе я уверен.

– *Откуда* же тебе знать, что это не ты?

– Да оттуда, что я не первый год слушаю деревья, и никогда прежде они меня не боялись!

– Может, они передумали. Я Ривена не боюсь. По-моему, он милый.

И Эльфвина, пожав плечами, пошла в сторону сторожки, которая стояла чуть в стороне от тропы. Джинкс побрел за ней.

Уже стемнело. Где-то неподалеку послышался шелест листвы, потом звук грузных шагов.

– Мы здесь, Ривен, – окликнул Джинкс. Но ответа не услышал.

Теперь уже Джинкс не понимал, где осталась сторожка. Может, слева от них? А затем… затем Джинкс перестал понимать, где находится он сам.

– Эльфвина! – позвал он.

– Здесь я.

Прямо за ним – вот где она была.

Джинкс сжал ее ладонь, и они пошли, спотыкаясь, вперед. Снова раздались шаги, гораздо ближе. Джинкс услышал, как кто-то шумно принюхивается.

– Ривен! – крикнула Эльфвина.

– Что вы там делаете?

Голос Ривена прозвучал за их спинами, примерно в сотне ярдов от них. Джинкс с Эльфвиной направились на него.

Затрещали под чьей-то ногой сухие сучья.

– Оставайся на месте, Ривен, – громко сказала Эльфвина. – Мы уже рядом.

– Я где был, там и *остался,* – ответил сверху удивленный голос Ривена.

Выходит, это не он тут бродит.

– Стой на месте, – прошептал Джинкс. – Укрывающее заклятье.

Теперь он знал – заклятье удастся ему. Сила легко поднималась от ступней, и Джинкс впервые понял, что заимствует энергию жизни у самого Урвальда. Он и Эльфвина словно вросли в землю.

– Джинкс! Прекрасная дева! – в голосе Ривена слышалось недоумение.

«Он не понимает, что кроме нас тут есть кто-то еще», – подумал Джинкс. Шаги миновали их, направляясь к Ривену. Они услышали тяжкое дыхание, почуяли запах грязного, немытого тела.

– Где вы? – крикнул Ривен.

– Сиди тихо, Ривен! – закричала в ответ Эльфвина.

И тем разрушила заклятие. Рука Джинкса потянулась к ножу на поясе. Он услышал, как по коре ближайшего дерева скребут когти. Неведомая тварь нацелилась на Ривена.

Сторожка висела вне тропы, Соглашение на нее не распространялось.

– Ривен, – завопил Джинкс, – топор на крыше сторожки!

Не важно, был Ривен Ужасом или не был, но позволить, чтобы его сожрали, Джинкс не мог. Он рванулся сквозь темень вперед, силясь что-нибудь придумать. Никакой магии, которая могла бы пригодиться сейчас, он не знал.

– Изыди, гнусный негодяй! – вдруг закричал Ривен.

Твок! – это топор врезался в дерево. Послышались всхрапы, смачные удары, звуки рукопашной.

– Ривен! – снова крикнула Эльфвина.

Сверху донеслись звуки новых ударов, рык, затем – вопль боли.

Эльфвина повернулась к Джинксу:

– Зажги огонь!

Что-то с глухим стуком ударилось о землю. Снова шум драки, теперь уже на земле. Вскрик Ривена.

Эльфвина сунула в руку Джинкса толстый сук:

– Зажги, а то ничего не видно!

Джинкс зажег. Они увидели пригнувшуюся к земле рогатую тварь, занесшую костистую лапу, чтобы ударить распростертого под ним, прижатого к земле Ривена. Джинкс проделал единственное, что смог придумать, – наслал на тварь волшебный огонь.

Она взревела, Ривен закричал. Джинкс мигом втянул огонь в себя. Жечь Ривена он не собирался.

Тварь вскочила на задние лапы и повернулась к Джинксу. Всю ее покрывала опаленная курчавая шерсть – но были еще рога и полная клыков пасть. Зверюга сделала шаг к Джинксу и Эльфвине.

Отвратительный звук, изданный врубившимся во что-то мягкое топором. Тварь взвыла и рухнула ничком, едва не придавив отпрыгнувших в стороны Джинкса и Эльфвину. За тварью объявился с топором в руках Ривен.

– Сожги его! – потребовал он.

– Нет! – воскликнула Эльфвина.

Внезапно тварь выбросила вперед лапу и сцапала девочку за лодыжку. Эльфвина закричала, лапа потянула ее к земле. Ривен, занося топор, бросился к твари. Джинкс, схватив Эльфвину за руку, рванул ее в сторону. И, внимательно осмотрев ногу упавшей Эльфвины, убедился, что та цела, – к тому же осмотр позволил ему отвлечься от чавкающих ударов топора в темноте. Девочка, дрожа, поднялась на ноги.

– Хватит, Ривен, – сказала она. – Прошу тебя. Он наверняка уже мертв.

Взяв у Джинкса факел, она подошла к лежавшему на земле чудищу.

– Это медвелак, верно? Уж не Топтыган ли?

– А рога-то откуда? – спросил Ривен. – Разве у медведей бывают рога?

– Нет… может быть, это огр? Джинкс, иди, взгляни.

– Не хочу, – сказал Джинкс. Его подташнивало. – Думаю, нам лучше уйти.

– Но мы уже вне опасности, – удивился Ривен. – Сторожка…

– Хочешь, оставайся в ней, – сказал Джинкс. – А мы уходим.

– Я без Ривена не пойду, – сказала Эльфвина.

– Ну и ладно, – сказал Ривен. – Я только вещи заберу.

Он осмотрел окровавленный топор, улыбнулся и протянул его Джинксу.

– Похоже, я с ним понемногу осваиваюсь.

* * *

Они продвигались по темной тропе. Джинкс зажег факел достаточно яркий, чтобы освещать ее обочины, и надеялся, что огонь отпугнет волколаков и медведей.

– Почему ты нагнала нас? – спросил он.

– Чтобы уговорить вас обоих не ходить к Костоправу, – ответила Эльфвина.

– Меня нелегко отговорить от задуманного, прекрасная дева, – сказал Ривен.

Джинкс не мог отделаться от мысли о чавкающих звуках еще долго после того, как убитый медвелак – или кем он там был? – остался далеко позади. Да, хоть Ривен и дружелюбен, и неизменно весел, однако отговорить его от чего бы то ни было – дело не из легких.

– Просто я подумала… – Эльфвина запнулась. – Вы же видели, какова моя бабушка. Ей нравится… забавляться с людьми. Думаю, она отправила вас к Костоправу, желая посмотреть, что он с вами сделает. А мне это особенно забавным не кажется.

– *Меня* она не отправляла, – заявил Ривен. – Я сам пошел.

– А я всего лишь хочу услышать, что он скажет о моей магии, – добавил Джинкс.

– Но что, если ему и сказать-то нечего? Бабушке моей верить нельзя. А Симон говорил, что тебе следует держаться от Костоправа подальше.

– Просто Симон знает – Костоправ может объяснить мне, что он со мной сделал.

– Это ты бабушкиных сказок наслушался! – сказала Эльфвина. – А он через соломинку высосет из вас души и сделает из ваших глаз бусы. Двое мужчин с Калликомской прогалины однажды пошли к Костоправу, чтобы продать ему масло, и никто их больше не видел. По ночам он пробирается на прогалины и крадет младенцев из колыбелей.

– А мысли его полны кровавых ножей, – добавил Ривен.

– Что? – изумилась Эльфвина.

– Джинкс умеет видеть мысли людей.

– Ты правда умеешь?

– Нет, – ответил Джинкс. Ничем этот Ривен не лучше Эльфвины, что ему ни скажи – все разболтает.

Впрочем, Джинкс тут же ощутил неловкость, вспомнив, что сам он наболтал Софии, когда поругался с Симоном.

– Раньше умел.

И он рассказал Эльфвине о том, как видел цвета человеческих мыслей.

Она остановилась посреди тропы.

– Ты хочешь сказать, что умел по-настоящему читать мысли людей? Не диво, что Симон отнял у тебя эту способность. Быть может, он спас твою жизнь.

Джинкс покачал головой – ничего-то она не поняла.

– Нет, не спас. Это было ужасно. Как будто меня убивали.

– Если ты мог читать мысли людей, им-то как раз и хотелось убить тебя. Ты же был угрозой для общества. Уж поверь, я в этом разбираюсь, – и Эльфвина вроде как задумалась, но ненадолго. – Хотя убить тебя, как мне кажется, было бы очень непросто.

– Я не читал людские мысли. Понимаешь, то, что происходит в голове человека, создает вокруг него подобие облака, и это облако – цветное.

Пошли дальше. Поднялся ветер, он сдувал пламя факела на сторону. Над головами путников потрескивали ветви.

– Как же он забрал твою силу? – спросила Эльфвина.

– Сотворил заклинание и засунул ее в бутылку.

– А ты не смог бы достать ее из бутылки? – спросил Ривен.

– Бутылку он куда-то спрятал. Да и найди я ее, что я буду с ней делать? Вытащу пробку и выпью содержимое?

– Послушай, а ты не можешь просто научиться магии заново? Твоей прежней магии, а? – спросила Эльфвина.

– Кто ее знает, – сказал Джинкс. – Понимаешь, она не похожа на то, что можно выучить. Это, скорее, еще одно чувство – шестое.

Он вспомнил о силе, открытой им совсем недавно, той, которую он черпал из Урвальда. Неудивительно, что ему не удавалось творить магию в доме Симона, – толстые каменные стены отсекали его от леса. Но здесь Джинкс ощущал колоссальное присутствие Урвальда. Он чувствовал, что способен поднять на воздух целый дом, запалить огонь, который достанет до самого неба.

И в то же время чувствовал, что не может. Потому что сила эта принадлежала Урвальду. А Джинкс вовсе не был уверен, что Урвальду понравится поднимать дома. Что же касается огня до небес, он попросту *знал* – лес такого не одобрит.

– Поведай, госпожа моя, а разве твоя бабушка не ждет, что ты вернешься? – спросил Ривен.

– Нет, я сказала ей, что возвращаюсь на Калликомскую прогалину, – ответила Эльфвина.

– По-моему, ты собиралась пожить у нее, – сказал Джинкс.

– В общем, да. Задумано было так. Но я ей об этом не сказала. Она показалась мне какой-то не очень приятной.

Что-то вдруг громко затрещало над их головами. Эльфвина и Джинкс рванули вперед, а вот Ривен бежать и не подумал. На тропу рухнул здоровенный сук.

– Ривен? – позвала Эльфвина.

Они бегом вернулись назад. Джинкс посильнее распалил факел. Сук лежал поперек тропы. Прямо перед ним стоял Ривен.

– Воистину, ты был прав, сказав мне, что не до́лжно отрубать у деревьев конечности, – сообщил он. – Теперь они мечут их в меня.

– Это ветер разгулялся, – сказала Эльфвина. – Может, нам лучше вернуться к сторожке?

– Мы слишком удалились от нее, – сказал Джинкс. – Да, скорее всего, и не найдем ее в темноте.

Они торопливо пошли вперед. Ветер набирал силу. Факел задуло, а Джинксу не хотелось тратить время на старания снова зажечь его. Деревья стонали, хлеща ветвями по воздуху.

Когда наверху затрещала еще одна ветка, Ривен припустился бежать. Тут выяснилось, что бегает он быстрее Эльфвины и Джинкса. Впереди над тропой сломалась следующая ветка, и оттуда донесся вскрик Ривена.

– Ты цел, Ривен? Джинкс, зажги огонь!

Огромная сухая ветвь перегородила собой всю тропу. Джинкс запалил факел и увидел, что Ривен сидит рядом с ней, держась за руку.

Эльфвина опустилась перед ним на колени:

– Куда тебя ударило?

– По руке. Это пустяк, госпожа моя.

– А если перелом? – не согласилась Эльфвина.

Яростный порыв ветра пронесся между деревьями, и они закачались, страшно скрипя.

Ривен, морщась, поднялся на ноги:

– Нам лучше идти дальше.

«Пока Урвальд не решил свалить на тебя целое дерево», – подумал Джинкс. И схватил Ривена за непострадавшую руку.

На лице Ривена в мерцающем свете факела проступило удивление:

– Идти я могу и без посторонней помощи, благородный Джинкс.

– Урвальд не захочет убивать меня, – объяснил ему Джинкс.

В этом он нисколько не сомневался. От мертвого Слышащего Урвальду никакой пользы не будет. Почему лес жаждал смерти Ривена, Джинкс не знал, однако ни одна из ветвей не упала даже близко к нему или к Эльфвине.

– Просто ветер поднялся сильный, только и всего, – сказал Ривен.

Факел задуло снова.

Такого ветра Джинкс за всю жизнь не упомнил. Сучья

валились вокруг… нет, только сзади них, понял вдруг Джинкс. И всякий раз на тропу. А ветер выл и гнал их вперед, ударяя в спины.

– Когда мы доберемся до ущелья, о котором говорила та добрая Дама, – сказал Ривен, – этих ужасных деревьев вокруг больше не будет.

– Ты же не собираешься спускаться в Костяное ущелье, правда? – спросила Эльфвина.

– Придется, иначе нам к дому Костоправа не подобраться, – ответил Ривен. – Да и от бури мы там укроемся.

– Может быть, ветер утихнет раньше, чем мы туда попадем, – сказал Джинкс.

Впрочем, в этом он почему-то уверен не был.

* * *

Ветер не стихал. Шли они всю ночь и ранним утром достигли крутого поворота тропы направо, за которым она принялась выписывать зигзаги.

– Серпантин, – сказал Ривен. – Здесь начинается спуск в ущелье.

Эльфвина тревожно оглянулась на лес, словно собираясь предложить им остановиться. Ветер прорвался сквозь деревья и гневным ударом толкнул их к серпантину.

Вскоре они дошли до крутого спуска. Услышали шум воды внизу. Спустились, хватаясь за торчавшие из склона корни. Сжимая их в ладонях, Джинкс слышал, как Урвальд бормочет, что враг попал в западню.

Река прорезала себе в твердом камне глубокое русло, различить под бегущей водой дно Джинксу не удалось. Вода дыбилась, образуя волны, несшиеся одна за другой, – проскочить между ними никто не успел бы.

– Вброд нам не перейти, – сказал Ривен. – Такое течение нас в пыль сотрет.

Деревьев здесь, внизу, уже не было, и ветер сюда не долетал. Джинкс глянул вверх и увидел верхушки леса, теперь едва колеблемые ветром.

– Мы могли бы вернуться, – предложила Эльфвина. – Похоже, ветер унялся.

– Как только вернемся, он разгуляется сызнова, – сказал Джинкс.

Эльфвина кивнула.

– Дама Гламмер сказала, что отсюда мы должны пойти

ущельем, – напомнил им Ривен.

– Только если захотим увидеть Костоправа, – поправила его Эльфвина.

Джинкс пребывал в нерешительности. Да, ему хотелось подобраться к Костоправу достаточно близко, чтобы поговорить с ним. Но здесь, в ущелье, он чувствовал себя беззащитным, беспомощным. И встреча с Костоправом уже не представлялась ему привлекательной.

Однако Ривен пошел вперед, и Эльфвина с Джинксом последовали за ним.

Они шли по каменной кромке, в какой-нибудь пяди над пенистой водой. Справа от них нависали над обрывом ветви сосны, половина корней которой болталась в воздухе, словно руки, умолявшие Джинкса и его спутников не ходить дальше.

Джинкс взялся за корень, однако тот говорил лишь о том, как трудно получать жизненные токи от сплошного камня. Ни Костоправ, ни затруднения Джинкса его не заботили.

Стены ущелья по обеим его сторонам поднимались все выше и круче. Джинкс никогда еще, даже в Самарре, не проходил столь большого расстояния по безлесной местности. Странное это было чувство, вроде озноба, и он все поглядывал вверх, чтобы увериться: Урвальд еще здесь, никуда не делся, просто виднеется над краями обрывов еле-еле.

– Какая красота! – проговорила Эльфвина.

– Что? – удивился Джинкс.

– Это место.

Она обвела рукой реку, камни, переливавшийся множеством красок обрыв. Джинкс ничего красивого в них не усматривал.

Он больше не ощущал жизненную силу Урвальда и понимал, что воспользоваться ею не сможет.

Они ненадолго остановились, чтобы передохнуть и поесть, Ривен отошел собрать хворост для костра. Вернувшись, он со стуком ссыпал то, что собрал, на землю. Лицо у него было странное.

– Это же кости! – ахнула Эльфвина.

Джинкс поднял одну с земли. Гладкая и холодит ладонь. Наверное, когда-то это была бедренная кость – но чья? Он запалил ее мысленным усилием. Творить магию здесь, внизу, вдали от деревьев, было намного труднее, хотя огонь внутри него никуда не делся. Когда кость оделась пламенем, он сунул ее в кучку других.

– Погаси ее, Джинкс, – попросила Эльфвина. – Это неправильно.

Он снова втянул пламя в себя.

– Может, они звериные.

Впрочем, чувства Эльфвины он понимал.

– На самом-то деле огонь нам и не нужен, – сказал Ривен.

Джинкс, пока его спутники доставали из заплечных мешков припасы, прошелся вдоль реки, разглядывая покрывавшие землю кости. Отмытые рекой, они лежали по берегу беспорядочными грудами. Ни одного черепа Джинкс не увидел. По черепам он сразу понял бы: это не люди, – если, конечно, черепа не оказались бы человечьими.

Он услышал шаги за спиной. Обернулся. Всего лишь Ривен.

– Они не людские, – сказал он. Однако уверенности в его голосе не было.

Джинкс порылся в ближайшей груде костей, надеясь найти копыто или клык – что-нибудь, что уверило бы их, что кости и вправду не людские.

– Я думаю, нам лучше вернуться, – сказал он.

– Я тоже, – согласилась подошедшая к ним Эльфвина.

– Ну, по крайности, давайте сходим, посмотрим, – не согласился Ривен. – Или давайте я один схожу.

Эльфвина с Джинксом переглянулись. Если Ривен не пойдет назад, не пойдут и они.

Есть никому не хотелось. Они убрали припасы в заплечные мешки и пошли вдоль реки.

– Впереди река разделяется на два рукава, – сообщил Ривен. – Добрая дама говорила, что там мы его и найдем.

Скоро они увидели высокую серую стену каменного острова, разделявшего ущелье надвое, наподобие буквы У. Слева от него река бурлила, справа текла поспокойнее. А на острове возвышался замок.

– Наверное, это и есть дом Костоправа, – сказала Эльфвина.

– Угу, – согласился Джинкс. – Хотя мне говорили, что его дом построен из костей.

– Может, ты не так расслышал, – сказал Ривен. – Камней, костей…

У Джинкса похолодело в животе. Хорошо бы Ривен или Эльфвина снова предложили повернуть назад.

– Смотрите, там что-то вроде моста, – сказала Эльфвина. – Наверное, по нему на остров и перебираются.

Джинкс взглянул туда, куда она указывала. Над правым рукавом реки висело нечто, больше похожее на веревочную лестницу, чем на мост. Начиналась переправа от берега и поднималась к верхушке острова. А посередке провисала.

– Не так уж он страшно и выглядит, подняться можно, – сказал Ривен.

– По-моему, выглядит он ужасно, – отозвалась Эльфвина. – А если свалишься с него на камни?

Берегом правого рукава они приблизились к мостику. Две длинные веревки по обеим его сторонам служили перилами, через каждые несколько шагов от них отходили короткие концы, крепившие их к мосту. Настил моста держался на другой паре веревок, а сделан он был из…

– Не может быть – и это тоже кости? – спросила Эльфвина.

– Возможно, это иллюзия, – ответил Джинкс. – Да, наверное, так и есть. Мы же в Урвальде. Дерево здесь найти куда легче, чем кости.

– Хмм. Может быть, тебе и легче, мой мальчик. Зависит от того, где искать.

Голос, произнесший эти слова, донесся из-за спины Джинкса.

Он обернулся и увидел Костоправа.

Глава восемнадцатая
Костяное гнездо

Костоправ улыбался. Улыбка у него была теплая, в синих глазах так и светилась доброта.

– Так-так. Подумать только! Гости – я люблю принимать у себя гостей. Прошу вас, поднимитесь наверх.

– Мы… мы предпочли бы остаться здесь, – сказала Эльфвина. – Спасибо.

– Кто ты, юная леди?

– Эльфвина с Калликомской прогалины, – ответила Эльфвина, вид у нее был самый жалкий.

– А твои друзья… ага! – Костоправ лучезарно улыбнулся Джинксу. – Тебя я узнаю. Симонов парнишка. Постой-постой, сейчас вспомню… Джинкс! Ну, в таком случае, нам и обсуждать больше нечего – вы просто *обязаны* подняться наверх.

Джинкс в отчаянии взглянул на Эльфвину, на Ривена. Ясно было, что ласковые речи Костоправа девочку нимало не обманули. Хотя Джинкса обмануть и могли, – если бы он не помнил о тех окровавленных кинжалах. Ривен же и вовсе, казалось, был очарован Костоправом.

– Возможно, вы не расслышали, – сказал Костоправ и в голосе его звякнули ножи. – Я сказал, что вы должны подняться наверх.

Одной рукой он вцепился в плечо Джинкса, другой – в плечо Ривена. Джинкс попытался освободиться, но пальцы волшебника лишь крепче и больнее сжали его плечо. Ривен вообще сопротивляться не стал. Ха! Почему он так рвался сюда, зная, что друзья его не оставят?

– Тебе, юная леди, лучше пойти первой, – сказал Костоправ. – А то еще сбежать попытаешься, и тогда с твоими друзьями может случиться нечто весьма прискорбное.

– Беги, Эльфвина! – сказал Джинкс.

– Тебе так не терпится умереть совсем молодым? – поинтересовался Костоправ. – Давай, лезь наверх, Эльфвина.

Эльфвина вышла вперед, ухватилась за веревки и шагнула на кости.

– Осторожнее, тут скользко, – сказала она, делая второй шаг.

Костоправ толкнул Джинкса с такой силой, что тот почти бегом выскочил на мост, тряхнув его так, что Эльфвина покачнулась, оскользнулась и едва не полетела вниз. Впрочем, она ничего не сказала, просто продолжила подъем. Джинкс двинулся за ней.

Если кости и были иллюзией, то очень хорошей. В широких просветах между ними можно было увидеть – была бы охота смотреть – тошнотворно раскачивавшиеся реку и камни. Джинкс с трудом сглотнул слюну и велел себе смотреть только вверх, на каменный замок. Ладони его так неистово вцепились в веревки, что он чувствовал, как пеньковые волокна впиваются ему в кожу. И гадал, не треснет ли под его ногой одна из костей.

Вскоре он услышал, как следом за ним начали подниматься Ривен с Костоправом. Мостик раскачивался все сильнее. Да сможет ли он выдержать вес четырех людей?

Джинкс слишком сильно навалился на одну из веревочных перил и сразу же повис над пустотой, и желудок его полетел куда-то вниз – жуткое ощущение. Ривен успел поймать Джинкса и рывком втащить назад.

– Полегче, – сказал он. – Ты лучше не за веревки держись, а за кости.

– Будь осторожен, – добавил Костоправ. – Если свалишься, от тебя только мокрое место останется.

Джинкс внял совету Ривена и, хватаясь за кости, дальше уже лез по мосту, как по лестнице. Высоты он, строго говоря, не боялся – с чего бы? Он и видел-то ее впервые в жизни.

Наконец продвигавшаяся впереди Эльфвина добралась до самого верха. Спустя недолгое время и Джинкс тоже. Он сполз с

моста на то, что вроде бы должно было быть твердым камнем. Однако земля раскачивалась под Джинксом, точно люлька. Он стоял на четвереньках. И подняться, выпрямиться не смог бы, даже если бы захотел, потому что запамятовал, в какую сторону следует подниматься.

– Вот беда-то! Я вижу, Джинкс, высота сильно ударяет тебе в голову. И боюсь, пребывание в моей маленькой обители удовольствия тебе не доставит.

– Что с тобой, Джинкс? – голос Эльфвины прозвучал, как долетающее издали эхо.

– Всего лишь головокружение, – сказал Ривен.

Всего лишь? Так худо ему не бывало с того дня, когда Симон отнял его магию.

– Встать сможешь? Только не торопись, – посоветовал Ривен.

Джинкс позволил Ривену помочь ему и испытал немалое облегчение, когда понял, что может стоять, не испытывая позывов на рвоту. Земля перестала раскачиваться, и Джинкс различил беспокойство в обращенных к нему взглядах Эльфвины и Ривена. Костоправ, должно быть, находился где-то у него за спиной. Как и страшный мост.

Над ним грозно нависал замок. Сложен он был из того же серого камня, что и сам остров, огражденный со всех сторон отвесными обрывами. Небо раскинулось за замком голубовато-розовыми уступами – такого широкого заката Джинкс еще не видел. Никакой растительности, помимо лишайника, на острове не было.

Огромная деревянная дверь замка заскрипела, отворяясь сама собой.

– Добро пожаловать в Костяное гнездо, – сказал Костоправ. – Не соблаговолите ли войти внутрь?

* * *

Костоправ привел их в огромную каменную залу со сводчатым потолком, изгибавшимся футах в тридцати * над их головами. В центре залы потрескивали горевшие в очаге поленья, чуть в стороне от них стоял накрытый на четверых стол.

Костоправ направился к хозяйскому месту во главе стола.

– Прошу садиться.

Все сели. Джинксом овладела растерянность. Их просто-напросто взяли в плен – и не слишком ласково. Да и ужина он никак уж не ожидал. Еда, судя по запаху, была настоящей. Жареная индейка, подрумяненный картофель, запеченная

медовая тыква.

– Это иллюзия или настоящая еда? – шепотом спросила Эльфвина.

– Не возьмусь сказать, – прошептал в ответ Джинкс. Он гадал, насколько эта еда безопасна. Тошнота, донимавшая его, исчезла, и есть хотелось страшно.

– Ты должна попробовать медовую тыкву, Эльфвина, – сказал, протягивая ей тарелку, Костоправ. – Это мое фирменное блюдо.

Эльфвина приняла тарелку – так, словно та могла, того и гляди, взорваться, – и с тревогой уставилась в нее.

– Ну-с, я все еще не знаю твоего имени, молодой человек, – обратился к Ривену Костоправ.

Ривен встал и поклонился:

– Ривен. К вашим услугам, благородный Костоправ.

– Какие чарующие манеры! Сядь, прошу тебя. Отведай индейки.

Он настоял, чтобы каждый положил себе на тарелку всего понемногу. Ривен, похоже, никаких подозрений по части еды не питал. Джинкс смотрел, как Костоправ насаживает на нож кусочек индейки и отправляет его в рот. Ривен, благовоспитанно ожидавший, когда хозяин приступит к трапезе, набрал на ложку немного тыквы.

– Превосходный у вас стол, сударь, – похвалил он.

Поскольку Ривен от еды Костоправа не помер, Джинкс решил, что и ему она ничем не грозит.

Вкус у нее был отнюдь не иллюзорный. Настоящий вкус. Джинкс соскучился по стряпне Симона, но все-таки вынужден был признать, что Костоправ готовит вкуснее. Индейка показалась ему немного непривычной – Джинкс много лет не ел мяса, – однако он быстро вошел во вкус.

– Непременно попробуйте вино. В тот год славный был урожай.

Джинкс посмотрел на стоявший у его тарелки кубок, наполовину заполненный темным вином. Кубок был серовато-белым, с каемкой из чеканного золота. Стоял он на трех ножках. Джинкс поднял его, осмотрел снизу. Скругленное дно покрывали тончайшие перекрещенные трещинки. Джинкс вернул кубок на прежнее место, не отпив из него. Окинул взглядом стол. Остальные три кубка были такими же.

Ривен взял свой, отпил из него:

– Вино и вправду изысканное, сударь.

Когда с едой было покончено, Костоправ подвел своих гостей к очагу. И взмахом руки передвинул сюда кресла, в которых они сидели за столом.

– Итак, – он обвел их острым, как нож, взглядом. – Мне не терпится узнать, что привело сюда столь очаровательных гостей.

Джинкс посмотрел на Эльфвину. Оба посмотрели на Ривена.

– Джинкс? Возможно, стоит начать с тебя, – сказал Костоправ.

Взор чародея вонзился в него, словно кинжал. Джинкс попытался отвести взгляд, но не смог. Он глядел в глубокие синие глаза Костоправа, Костоправ глядел в его глаза. Взгляд Костоправа не позволял Джинксу даже пошевелиться, пригвоздив его, точно мечом, к креслу. Как глуп он был, придя сюда, полагая, что может попросить Костоправа о помощи!

– Скажи-ка мне, Джинкс, как тебе удалось сбежать от Симона?

– Я не сбегал от Симона, – ответил Джинкс. – Просто ушел.

– Вот как? Просто ушел? И ты ожидаешь, что я поверю, будто Симон позволил тебе просто взять да и уйти?

От его взгляда у Джинкса заболела голова.

– Меня не заботит, во что ты веришь.

– Вот как! Вижу, ты перенял манеры Симона, – и Костоправ, наконец, отвернулся от него. Джинкс закрыл глаза, потер их пальцами.

– Ну, а теперь скажи, что привело сюда тебя, Ривен.

Ривен не ответил.

– Хм. Ты намного, намного воспитаннее, чем твой друг Джинкс. Так почему же ты молчишь, когда тебе задают вопрос? Что привело тебя сюда?

Джинксу показалось, что Ривена терзает боль.

– Так. Интересно, – и Костоправ обратился к Эльфвине. – А почему здесь оказалась ты, Эльфвина?

– Я пошла за мальчиками, чтобы уговорить их вернуться назад.

– Ха! И это интересно. Но почему же тебе хотелось, чтобы они вернулись назад?

– Я думала, что вы можете обидеть их.

– Вот как. Умная девочка. А почему им захотелось пойти сюда?

– Джинкс хотел узнать, что сделал с ним Симон. А Ривен думал, что вы можете избавить его от лежащего на нем заклятия.

– Ага. И что это за заклятие?

– Не знаю.

– Интересно. Весьма интересно, – Костоправ улыбнулся. – Но, возможно, у тебя имеются какие-нибудь догадки.

Эльфвина молчала.

– Так. Ты отвечаешь лишь на вопросы, верно?

– Да, – жалобным голосом согласилась Эльфвина.

– Каково же, по твоим догадкам, заклятие Ривена?

– Оно состоит в том, что Ривен не может о нем говорить.

– Ну, это-то очевидно, – не без некоторого раздражения сказал Костоправ. И опять обратился к Ривену:

– Можешь ли ты сказать, кто ты?

Ривен молчал.

– Великолепно! Кто наложил на тебя заклятие?

Ответа не последовало.

– О, вижу, это был настоящий мастер! – Костоправ потер ладонью о ладонь. – Будем считать, что мне бросили вызов. Откуда ты пришел?

– От двора короля Руфуса в Бахвалесе.

– Ага, на этот вопрос ты отвечать можешь. Из чего нам следует заключить, что пришел ты не оттуда. Куда направляешься?

Нет ответа.

– Куда он направляется, Эльфвина?

– Не знаю, – ответила Эльфвина.

– Прелестно, – сказал Костоправ. – Три по-настоящему гнусных заклятия. Юный Ривен не может сказать, кто он, ты обязана правдиво отвечать на любой вопрос, а нашего друга Джинкса лишили жизни.

– Что? – изумился Ривен.

– Меня не лишали жизни! – выпалил Джинкс.

– Начать с того, что он еще жив, – прибавила Эльфвина.

– О да, он *жив,* – согласился Костоправ. – Да только жизни в нем нет.

Джинкс вспомнил шарик света, который Симон поместил в зеленого стекла бутылку, пока он, Джинкс, плавал под потолком и любовался звездным горизонтом.

– Не угодно ли фруктов?

Костоправ щелкнул пальцами, протянул руку, и на его ладонь опустилась чаша с фруктами.

– Э-э, нет, спасибо, – сказал Ривен. Джинкс и Эльфвина отрицательно покачали головами.

Костоправ взял яблоко, надкусил его, откинулся в своем кресле назад, уложил лодыжку одной ноги на колено другой и окинул взглядом Ривена, а затем Эльфвину.

– Итак, вы желаете, чтобы с вас были сняты заклятья. Но понимаете ли вы, что это обойдется вам недешево?

– Минутку, – сказал Джинкс. – Как же я мог лишиться жизни? О чем ты говоришь? И как ты это узнал?

– Увидел в твоих глазах, – ответил Костоправ. – Жизнь ушла из тебя. Полагаю, ее забрал Симон.

– Да, но разве для этого ему не пришлось бы убить меня?

– Это довольно грубое описание случившегося, но в определенный момент процедуры изъятия жизни – да. Ему пришлось тебя убить.

– Симон не сделал бы этого!

Костоправ улыбнулся.

– Юный Симон? Мой добрый друг Симон? О небеса! Не думаю, Джинкс, что ты знаешь Симона так хорошо, как знаю я.

Джинкс постарался успокоиться, подумать. Костоправа он боялся так, как никогда не боялся Симона. Но невозможно же отрицать, что Симон наложил на него заклятье. А тот светящийся шарик, который Симон упрятал в бутылку, – что это? Его жизнь?

– Творя чары, он использовал бутылку, – сказал Джинкс.

– Да что ты? Удивительно, как он с этим справился. – Костоправ улыбнулся. – Это ужасное, ужасное дело. И теперь ты кажешься себе не совсем целым, так?

Джинкс подумал об утраченной им магии, о пустом белом пространстве в мозгу, которое по-прежнему порой мешало ему. Да уж, целым он себя вовсе не чувствует.

– Симон – дурной человек, Джинкс, – судя по голосу Костоправа, сообщать Джинксу эту новость ему было неприятно. – Сила слишком многое значит для него. Ради новых приемов магии, ради нового знания он готов на все. И ради силы тоже.

Правда ли это? Джинкс вспомнил, как Симон не спал ночами, работая над новыми заклинаниями, как выгнал Софию, чтобы околдовать его, Джинкса. Значит, *убить* его Симон все же мог.

– Полагаю, теперь, когда он забрал твою жизнь, Симон думает, что можно и отпустить тебя погулять, – сказал Костоправ. – На самом-то деле он ошибается. Прежде я полагал, что он намерен обучить тебя начаткам магии, обратить в приспешника, который будет выполнять его приказы. Но, возможно, он не нашел в тебе потребных для этого дарований.

Джинкс стиснул зубы, чтобы удержаться и не сказать, что дарований у него больше чем достаточно. Не исключено, впрочем, что их нет и вовсе. Хотя Симон, похоже, держался другого мнения.

– По-моему, он вел себя как злой волшебник, – заявил Ривен.

Костоправ проглотил прожеванный кусок яблока.

– Что же, он такой и есть, тут сомневаться не в чем. Он отыскал дорогу в Самарру, чтобы поучиться в тамошнем университете. Магия объявлена в Самарре вне закона, во всяком случае, так мне говорили, – но в ее библиотеках хранятся магические знания, которые недоступны нам здесь. Симон провел в Самарре не один год и научился тому, чего никто из нас,

остальных, не знает.

– В том, чтобы учиться, ничего дурного нет, – сказала Эльфвина.

– Несомненно. Однако он держит полученные знания при себе. А знание должно принадлежать всем.

Теперь Джинкс вспомнил, каким скрытным был Симон, как он не позволял ему заглядывать в некоторые книги, а первое время и в мастерскую не пускал.

– Если бы путь в Самарру был открыт, каждый желающий мог бы отправиться туда и поучиться, – сказал Костоправ.

– Что это за Самарра такая? – спросил Ривен.

– А вот пусть нам Джинкс об этом расскажет, – ответил, блеснув глазами, Костоправ.

– Э-э… ну… это страна, в которой нет деревьев, – промямлил Джинкс. Он не сводил глаз с Костоправа, но, собственно говоря, никакого вреда в том, чтобы описать Самарру, не видел. – Дома там стоят вплотную друг к другу, а люди носят яркую одежду. И еще там очень жарко.

– Ага – значит, ты и вправду побывал в Самарре, – сказал Костоправ.

– Если там нет деревьев, они, наверное, были бы не прочь завязать торговлю с Урвальдом, – сказал Ривен.

– Как это? Зачем? – удивился Джинкс.

– Чтобы дерево получать, – пояснил Ривен.

– Не думаю, чтобы деревья Урвальда смогли расти в Самарре.

– Я не про живые деревья, – сказал Ривен. – Я про древесину.

Придумал тоже! Это же все равно что людей продавать на мясо.

– Стало быть, с товарищами по магии Симон секретами Самарры не поделился, а тебе их доверил, – сказал Костоправ. – Скажи, как ты оказался в его власти?

От того, что он расскажет об этом, тоже, наверное, вреда никому не будет, верно?

– Ну, я заблудился в лесу, – сказал Джинкс.

– Так-так, – Костоправ бросил в пламя огрызок яблока, и тот зашипел. – В жизни это бывает – заблудился в лесу.

Джинксу начинало казаться, что, может, ему и не стоило распространяться о Самарре. Все-таки он выдавал секреты Симона. Да, наверное, зря он это сделал. Хотя, если Симон и вправду, ну… убил его, Джинкс больше ничем ему не обязан. Он вообще не знал, кому может верить. И чувствовал себя преотвратно.

Он посмотрел на Ривена и Эльфвину – интересно, что они думают? Эльфвина могла бы и раньше сказать ему, что ее

заклятие требует говорить только правду. Значит, и ей доверять нельзя. Впрочем, поймав ее взгляд, он понял, что Эльфвина сожалеет об этом.

– Ты ведь знаешь о магии жизненной силы, я правильно понимаю? Той, что использует саму жизнь, преобразуя ее в магию, – сказал Костоправ. – Большинству чародеев приходится опираться только на собственную жизнь. Но когда в руки чародея попадает чья-то еще, – о, тогда его сила удваивается, а то и удесятеряется.

Костоправ задумчиво уставился в огонь.

– В особенности если владелец жизни все еще жив.

– А почему? – спросила Эльфвина.

– Потому, разумеется, что плененная жизнь продолжает расти. Ведь печень по-прежнему порождает силу.

– Печень? – удивился Ривен.

– Печень того, кому принадлежала жизнь, – пояснила Эльфвина.

– Да, – Костоправ по-прежнему смотрел в огонь. – И естественно, сила Симона уменьшится, если наш Джинкс… перестанет быть живым.

После этих слов все погрузились в тягостное молчание.

– А что такое магия смертной силы? – спросил, наконец, Джинкс. Он постарался задать этот вопрос небрежным тоном. Не нужно, чтобы Костоправ понял, как он испуган.

– Разве Симон тебе о ней ничего не рассказывал?

– Он сказал только, что никогда к ней не прибегает, – ответил Джинкс.

– Так и сказал? *Симон?* – Костоправ улыбнулся. – Ну-ну.

– Так что же это? – повторил свой вопрос Джинкс.

– Магия, которая использует силу смерти.

– А в смерти силы больше, чем в жизни? – спросила Эльфвина.

– Зависит от обстоятельств, – ответил Костоправ, но в подробности вдаваться не стал.

– Урвальд обладает жизненной силой, – сказал Джинкс. Вообще-то он просто подумал это, не собираясь произносить что-либо вслух.

Костоправ фыркнул.

– О, безусловно. Но не каждый чародей способен ее использовать.

Тут уж Джинкс промолчал. Он хорошо помнил, как сила деревьев поднималась от его ступней.

– Магия Урвальда полностью отлична от магии чародеев, – продолжал Костоправ. – Смешивать их не следует. Ну хорошо. Вы

хотите избавиться от ваших заклятий. Но мы еще не договорились о плате.

– А вы и вправду можете это сделать? – спросила Эльфвина.

– Я чародей, юная леди.

Джинкс расстегнул верхние пуговицы рубашки, залез в потайной карман и выгреб все его содержимое.

– У меня есть пять серебряных полушек, – сказал он.

– Ты же понимаешь, *тебе* я ничем помочь не могу, – сказал Костоправ. – Ты лишился жизни.

– Да, но… разве нет способа вернуть ее? – спросил Джинкс, страшившийся ответа на этот вопрос.

– Строго говоря, нет, – ответил Костоправ. – Она у Симона. Сейчас, вот в этот самый миг, она еще существует – и ты еще жив.

«Та моя половина, что над землей», – подумал Джинкс, вспомнив слова Дамы Гламмер.

На память ему пришли годы, проведенные с Симоном, время, когда он считал, что тот очень даже добр к нему – на свой необычный лад. А что если Симон просто ждал, когда Джинкс подрастет и жизнь его станет достойной того, чтобы завладеть ею?

– А скажи, пока человек растет, жизненная сила его увеличивается? – спросил он.

– Разумеется.

– Выходит, злой чародей Симон может убить Джинкса на расстоянии, просто уничтожив отнятую у него жизнь? – поинтересовался Ривен.

– Да, – подтвердил Костоправ. И помолчал, ожидая, когда все это усвоят. – Однако это не в его интересах. Плененная жизнь – огромная сила.

Джинксу очень не нравился этот разговор о жизни, которой у него больше нет.

– Ладно, – сказал он, – я заплачу за то, чтобы ты снял заклятия *с них*. – Он был бы рад отдать что угодно, лишь бы выбраться из замка Костоправа. Джинкс протянул к нему руку с монетами.

– Пять серебряных полушек… постой-ка, а это что такое? – Костоправ снял с ладони Джинкса крошечную золотую птичку. – Золото? Откуда оно взялось у неумелого ученика чародея? Ты что же, украл его?

– Ничего я не крал! Симон сам дал мне его.

– Дал, стало быть… – Костоправ держал птичку большим и указательным пальцами, отблески пламени играли на ней. – А вот это уже совсем интересно.

Он поднес птичку к лицу, совсем близко, и улыбнулся ей:

– Приветствую, Симон.

Глава девятнадцатая
Неподатливая дверь

Джинкс смотрел на Костоправа во все глаза. Тот широко улыбнулся и снова обратился к птичке-талисману:

– Как глуп я был, полагая, что ты отправишь мальчика в Урвальд, оставив его без всякого присмотра, Симон. Ведь это совсем на тебя не похоже. Однако ты все время следил за ним, не правда ли? Ну, так он здесь, в Костяном гнезде. И пока еще жив. Возможно, и тебе захочется заглянуть сюда с визитом.

Костоправ сунул птичку в карман своей мантии и еще раз улыбнулся Джинксу, Эльфвине и Ривену.

– Пойдемте, я покажу вам ваши покои.

В комнате, которая досталась Джинксу, висели пурпурные бархатные портьеры. Джинкс потрогал их – ткань оказалась настоящей, но грубой и узловатой на ощупь. Стало быть, не бархат. Это походило на пустую трату магии. Симон этого не одобрил бы. Симон… Даже при мысли о нем у Джинкса в животе возникала какая-то тяжесть.

Дама Гламмер была права. У Костоправа *нашлось,* что порассказать о Симоне. И ничто из услышанного Джинксу не

понравилось.

Он подергал окно. Оно не открылось. Джинкс попытался мысленно поднять раму, однако сила Урвальда здесь была недоступна, а отыскать ее в себе ему не удалось. Симон вечно бранил его за неспособность собрать достаточное количество силы! Симон… Тьфу!

Джинкс поискал другой источник силы и сразу же его обнаружил – похоже, неисчерпаемый. Где-то в замке крылись огромные запасы силы.

Однако воспользоваться ею Джинкс не решился. Источник наверняка принадлежал Костоправу, и если черпануть оттуда силу, он может это почувствовать.

В дверь постучали. Джинкс открыл ее. В комнату вошли Эльфвина и Ривен.

– Как-то странно все, правда? – проговорила Эльфвина, когда дверь закрылась.

– Ты могла бы и сказать нам, что твое заклятие заставляет тебя всегда говорить правду, – укорил девочку Джинкс.

– Ну, я стеснялась, – ответила Эльфвина. – Ты ведь тоже не сказал, что этот твой злой волшебник убил тебя.

– Я не знал!

– Больно было?

Обсуждать это Джинксу не хотелось.

– Я попытался открыть окно и не смог, – сказал он, уходя от вопроса Эльфвины. – Силы нет.

Ривен подошел к окну, подергал его – и тоже не преуспел.

– Ты хочешь сказать, что никакой магии творить здесь не можешь?

– Не совсем так, – ответил Джинкс. – Запас силы здесь есть, и очень большой, но я не могу воспользоваться ею без ведома Костоправа.

– Уверена, это он устроил бурю, – сказала Эльфвина.

– Не думаю, что чародей способен вызвать бурю, – возразил ей Джинкс. Ни в одной из прочитанных им книг не говорилось, что чародеи умеют управлять погодой, да и Симон об этом ни разу не упоминал… впрочем, Симону доверять было нельзя.

– Нам лучше уйти из замка, – сказала Эльфвина.

– Верно, – согласился Джинкс.

– Как это? – удивился Ривен. – Ведь чародей…

– Он злой, – перебил Джинкс. – Нужно выбираться отсюда.

– Но я надеялся, что он сможет… – Ривен умолк, не способный даже упомянуть о своем заклятии.

– Он не станет, – сказала Эльфвина. – Не знаю, зачем мы ему понадобились, но уж не для того, чтобы избавить нас от заклятий.

– Так ведь Джинкс предложил ему плату, – упорствовал Ривен.

– Посмотри на его замок, Ривен, – сказала Эльфвина. – На бархатные портьеры. Костоправ не нуждается в серебре Джинкса!

– На самом деле, портьеры – иллюзия, – сказал Джинкс. – Но ты права.

– По-моему, золотой амулет Джинкса Костоправу понравился, – стоял на своем Ривен. – А он стоит немало, уверен.

Эльфвина нахмурилась:

– А кстати, что это было?

– «Авиот» – так он называется, – вздохнул Джинкс. – Симон велел мне никогда не выходить без него из дома.

– Почему?

– Ну, *я думал,* что это оберег, – ответил Джинкс. – Но, похоже, он был нужен лишь для того, чтобы шпионить за мной.

– Может быть, Симон следил, чтобы с тобой не случилась беда, – сказала Эльфвина.

– Он же *убил* меня, – напомнил ей Джинкс.

– А ты не думаешь, что он явится сюда за тобой? – спросил Ривен.

– С какой стати? – горестно ответил Джинкс.

– Ну, если благородный Костоправ сказал правду, тогда злой колдун Симон обладает великой силой – твоей силой. – Ривен насупился. – Может, все-таки останемся здесь, посмотрим, не надумает ли Костоправ…

– Укрепить нами мост? – поинтересовался Джинкс. – Он неспроста зовется «Костоправом», Ривен. И мост у него из костей. Он страшен, неужели ты этого не заметил?

– Тут ты прав. Заметил. Однако…

– Да, а кубок, из которого ты пил вино, сделан из черепа.

Услышав это, Ривен и Эльфвина побледнели.

– Ты уверен? – спросил Ривен.

– Все кубки, стоявшие на столе, – это бывшие черепа.

– Но они не походили на черепа, – возразила Эльфвина.

Джинкс объяснил им, как из черепов делают кубки.

– Полагаю, ты узнал об этом от Симона, этого не-злого волшебника, – проговорила Эльфвина.

– Разумеется, – ответил Джинкс. – Ну, так что – уходим?

– Я только вещи возьму, – сказала Эльфвина.

Ривен поразмыслил, потом сказал:

– Ладно. Я надеялся, что он сможет…

– Снять с тебя заклятие, – закончил за него Джинкс. – Больше похоже на то, что он из тебя кости вынет.

– Да, наверное, ты прав, – признал Ривен.

Они надели на плечи вещевые мешки. Под лямки своего Ривен просунул топор.

– Свет внизу не горит, – сообщила, вернувшись, Эльфвина. – Думаю, он отправился спать.

Джинкс прокрался к лестнице, заглянул вниз, в огромную залу. В очаге дотлевали уголья, серые витки дыма вставали над ними. Джинкс кивнул друзьям, и все трое на цыпочках спустились по лестнице.

Залу заполняли темные тени. Ни звука – лишь где-то далеко мерно капала вода. Они подошли к дубовой двери.

Ривен взялся обеими руками за засов.

– Заперто, – прошептал он.

Джинкс попытался мысленно поднять засов, однако тот и не шелохнулся.

– Поищем заднюю дверь, – сказал он.

И пошел по зале назад.

– Джинкс! – шепнула за его спиной Эльфвина.

Он обернулся. Ривен так и стоял у двери, положив ладони на засов. Джинкс махнул ему рукой – пойдем. Ривен яростно замотал головой. Эльфвина вернулась к нему, Джинкс тоже.

– Ну, что ты стоишь, скажи на милость? – прошептал Джинкс. – Пошли!

– Не могу, – ответил Ривен. – Руки к двери прилипли.

– Ты потяни посильнее, – посоветовала Эльфвина и сжала запястье Ривена. И потянула.

– Ой! Отпусти! – попросил Ривен. Разговаривали они все еще шепотом.

– Не могу! – прошептала Эльфвина.

Чепуха какая-то. Джинкс взял Эльфвину за руку, чтобы оторвать ее от Ривена. Хорошо еще, что одной рукой взял, другая осталась свободной. Зато уж та, которой он прикоснулся к Эльфвине прилипла намертво.

– По-моему, ты говорил, что заколдовывать людей чародеи не могут, – сказала Эльфвина.

– Он заколдовал не нас, а дверь. Я только не понимаю, как же он…

Трудно удерживать чары, не глядя на то, что ты зачаровал. Конечно, это зависит от их сложности и от мощи чародея. Иллюзию на портьерах, к примеру, поддерживать намного легче, чем чары, наложенные на что-нибудь вроде двери. Джинкс знал, что Костоправ располагает мощным источником силы, находящимся где-то поблизости. И все же очень похоже, что…

– Он здесь и наблюдает за нами, – сказал Джинкс.

– Ах! Совершенно верно, – согласился, выступая из теней,

Костоправ.

Злой негодяй! Знал, что они попытаются бежать, и заманил их в ловушку. Джинкс протянул свободную руку к топору на спине Ривена. Но, как только вытащил его из лямок, топор вырвался из руки, взвился вверх и ударил в потолок. Джинкс выругался.

– Ай-яй-яй! Такие слова, да еще и в присутствии дамы, – укорил его Костоправ.

– Отпусти нас! – потребовал Джинкс.

Костоправ взмахом руки призвал кресло и опустился в него.

– Ты знаешь, манеры ведь очень важны. Тебе не стоило перенимать их у Симона. Без хороших манер кто же тебя слушать-то будет?

– По-моему, склонность приклеивать людей к вашей двери не свидетельствует о хороших манерах, – голос Эльфвины прозвучал приглушенно: она почти уткнулась носом в куртку Ривена.

– Вы сами себя к ней приклеили, – возразил, откидываясь на спинку кресла, Костоправ – судя по его виду, он приготовился к долгому приятному разговору. – Не могу понять, зачем вы это сделали, – может быть, вы мне объясните?

Ривен отчаянно старался почесать нос – терся им о дверь.

– Да, это интересный вопрос, не так ли? – продолжал Костоправ. – Скажи мне, Эльфвина, что вы трое здесь делали?

– Мы хотели уйти, – ответила девочка.

– А почему?

– Потому что боимся вас.

– Да, о да, как это скучно! – сказал Костоправ. – Люди вечно боятся меня. И все равно приходят сюда. Тебе это не кажется странным?

– Кажется, – согласилась Эльфвина.

– А потом обнаруживают, что уйти от меня трудновато, – сообщил Костоправ.

– Злой волшебник Симон знает, где мы! – заявил Ривен.

– Надеюсь, – согласился Костоправ. – Когда он объявится, здесь станет куда веселее.

Он извлек из кармана золотую птичку и сказал ей:

– Когда придешь выручать своего ручного воришку, Симон, не забудь прихватить то, что украл у меня. Иначе я его тебе не верну.

– Я не воришка, – сказал Джинкс. – И уж тем более не ручной.

– Да ладно? И никто не велел тебе пойти сюда и… нет, я не могу в это поверить, Джинкс.

И он опять обратился к птичке:

– А знаешь что, Симон, – принеси-ка мне то, что ты отнял у

этого мальчика.

Костоправ снова взглянул на Джинкса:

– Насколько я понимаю, Симон захочет вернуть тебя.

– Да, – сказал Джинкс, но лишь потому, что решил: если он хочет остаться в живых, лучше ответить так. – Что мы должны сделать, чтобы ты нас отклеил?

– Ага, вот это дельный вопрос.

Костоправ улыбнулся.

– Думаю… – он сложил пальцы домиком, еще больше отклонился назад и взглянул на потолок, на топор, наполовину ушедший в балку. – Думаю, мне хотелось бы, чтобы ты поработал у меня, Джинкс. Слугой. Пока я не подыщу для тебя другого применения.

– Хорошо, – сказал Джинкс.

– О боги, как подозрительно быстро ты согласился, молодой человек. Боюсь, я не более доверчив, чем ты. Как бы это мне удостовериться в твоей благонадежности? Особенно после того, как ты только что набросился на меня с топором.

– Я на тебя не набрасывался. Я хотел разрубить дверь, – сказал Джинкс.

– А, ну тогда хорошо, что ты не сделал этого. Я ведь нанял упыря, чтобы он обходил ночами мой остров.

У Джинкса, прилепленного к руке Эльфвины, начинало неметь тело.

– Да, пожалуй, тебе стоит послужить у меня, – продолжал Костоправ. – Ведь ты же хочешь, чтобы я снял заклятия с твоих друзей. Я прав?

– Да, – ответил Джинкс.

– И не хочешь, чтобы с ними стряслась какая-нибудь *беда*. Я прав и в этом?

Джинкс скрипнул зубами.

– Прав.

– Превосходно, – сказал Костоправ. – Стало быть, завтра и начнешь. И вот тебе первое задание: внушить Симону, что, если он не желает, чтобы к моменту его появления здесь от тебя остались одни только косточки, ему лучше поторопиться.

Он взмахнул ладонью – и все трое отклеились.

Джинкс тряхнул совсем затекшей рукой, и в кожу ее словно впилось множество иголочек.

Ривен почесал нос, размял руки и ноги, а потом бросился на Костоправа, готовый стереть его в порошок. Однако, успев сделать всего два шага, замер на одной ноге, окаменев, точно статуя, и начал валиться на пол. Джинкс подхватил его, опустил на пол, думая при этом, что, пожалуй, Ривен все же не состоял в

сговоре с Костоправом.

– Он заморозил твою одежду, – сказал Джинкс. – Как только отведет от тебя взгляд, ты станешь свободным.

– И даже раньше, – сказал Костоправ. Он снова махнул ладонью, и размороженный Ривен смог встать на колени. Вид у него был сконфуженный. – Не делай так больше, Ривен. Терпеть не могу калечить людей настолько значительных, что на них налагают заклятия, подобные твоему.

Глава двадцатая
Тайна Костоправа

На следующий день Джинкс и его друзья отправились осматривать владения Костоправа. Он сам разрешил им заняться этим. Собственно говоря, приказал – со всей возможной любезностью и множеством улыбок. Джинкс счел такое его поведение подозрительным.

– Только будьте осторожны, – предупредил Костоправ. – Я очень огорчусь, если вы свалитесь с обрыва.

Они вышли из замка в серый туман и опасливо двинулись вперед. Туман был густой – дальше двадцати футов[19] ничего не разглядишь.

Добравшись до места, от которого, по их представлениям, должен был уходить костяной мост, они никакого моста не обнаружили.

– Может, он стал невидимым, – предположил Ривен. Он подошел к двум каменным столбам, к которым в прошлый вечер были привязаны веревки моста. Пошарил ногой по краю обрыва.

– Не делай этого! – попросил Джинкс.

– Чего?

– Не стой так близко к краю.

Ривен рассмеялся.

– Да все в порядке, не волнуйся. Вот, видишь?

Он поднял одну ногу над краем обрыва и махнул ею в воздухе.

Джинкс закрыл глаза, его замутило.

– Перестань, Ривен, это нехорошо, – потребовала Эльфвина. – Он мог сделать мост невидимым, а, Джинкс?

– Откуда я знаю? – ответ был неучтивым, однако Джинкс безотчетно обозлился на Эльфвину за ее заступничество. – Раз Ривен говорит, что моста нет, значит, Костоправ, скорее всего, убрал его.

– Давайте поищем другой спуск, – предложил Ривен.

И пошел вдоль обрыва – слишком близко к краю. Джинкс, напротив, старался держаться как можно дальше, а Эльфвина шла между мальчиками.

Остров был размером примерно в акр [20], а рос на нем только лишайник да единственная узловатая сосна, глубоко запустившая корни в скальные трещины, – чем уж она там кормилась, Джинкс и вообразить не мог. Спуска нигде не было. Внизу глухо шумела вода.

– Тут везде одинаково высоко? – спросила Эльфвина.

– Подойди, взгляни, – предложил Ривен.

Эльфвина осторожно приблизилась к краю обрыва, и Джинкс, ненавидя себя за страх перед тем, чего ни Ривен, ни она не боялись, тоже придвинулся к нему, но лишь настолько, чтобы чуточку заглянуть за край. Ущелье сплошь заполнили облака. Ничего в них не различалось, кроме черных очертаний деревьев, росших там и сям на высоких берегах. Земли же видно не было.

Вообще-то трусом Джинкс не был. И сейчас страх владел не мозгом его, а телом, которое криком кричало, требуя, чтобы он отошел подальше от края обрыва.

Они обогнули весь остров и начали обход по второму разу. А дойдя до самой далекой от жилища чародея точки, остановились, чтобы поговорить.

– Как по-твоему, Симон сможет вытащить нас отсюда? – спросила Эльфвина.

– Не думаю, что он хотя бы попытается, – ответил Джинкс.

– Так ведь ты ему, наверное, небезразличен. Он дал тебе ту птичку, чтобы…

– Чтобы шпионить за мной!

– …чтобы наверняка знать, что тебе ничто не грозит.

– Почему ты все время заступаешься за него? Ты же *сама* называла его злым волшебником. И знаешь, что он со мной

сделал!

– Я знаю лишь, что сказал об этом Костоправ, – уточнила Эльфвина.

– Симон шпионил за мной! Отнял мою жизнь!

Эльфвина вглядывалась в туман.

– Или это Костоправу хочется, чтобы ты так думал.

– Послушай, мне *известно*, что он сделал, – возразил Джинкс. – Он сотворил злое заклятие, забрал мою жизнь, и теперь я не вижу облачков, которыми окружены головы людей.

«И разумеется, – думал Джинкс, – этот дар ушел вместе с жизнью». Если он, Джинкс, развил его, чтобы ее оберегать, как сказала Дама Гламмер. Какой смысл оберегать жизнь, которой ты лишился?

Ривен откашлялся:

– А что именно она делала, эта волшебная птичка?

– У Симона есть такое окно, – Джинкс посмотрел на Эльфвину и вспомнил, какой не похожей на себя она выглядела в Дальновидном Окне. Тогда она сторону Симона не принимала. Но, правда, она и произносила лишь те слова, какие он для нее придумывал. – Бóльшую часть времени оно показывает то, что само захочет, но, думаю, Симон заколдовал птичку так, что Дальновидное Окно следит за ней и так позволяет ему наблюдать за мной.

«Интересно, – подумал он, – а это заклятие позволяло Симону не только видеть меня, но и слышать?»

– Однако где ты находишься, он не знает, верно? – спросил Ривен. – Сейчас он видит только карман Костоправа, да и то изнутри.

– Я думаю, окно показывает ему Костяное гнездо, – сказал Джинкс.

– Ты хочешь сказать – снаружи? – уточнила Эльфвина.

– Да.

Вот уж, наверное, разозлился Симон, узнав, где сейчас Джинкс. *Не приближайся к Костоправу.*

– Ну, тогда он скоро появится здесь, – сказал Ривен. – Как только заглянет в свое волшебное окно.

– Сомневаюсь, – Джинксу вдруг пришла в голову новая мысль: – Кроме того, ему сейчас нездоровится.

– А что с ним? – спросила Эльфвина.

– Кто-то проткнул его мечом.

– И ты покинул его? Не остался, чтобы ухаживать за ним? – этот поступок Джинкса, похоже, потряс Эльфвину до глубины души.

– Он же убил меня! – возмутился Джинкс.

– Да, но в то время ты этого не знал!

– И вообще, за ним жена ухаживает.

– Не знал, что у злых чародеев бывают жены, – сказал Ривен.

– У некоторых бывают. Так или иначе, он, скорее всего, и вовсе забудет, что надо заглядывать в Дальновидное Окно. Он часто обо мне забывает.

– Наверняка скоро заглянет, – сказал Ривен.

– Да зачем ему? – возразил Джинкс. – Когда я был маленьким, он просто уходил на несколько дней, бросая меня одного. А теперь, может, и вовсе забыл о моем существовании.

– Ладно, а что будет, если Симон не появится? – спросил Ривен.

– Костоправ поубивает нас, – ответила Эльфвина. – Ну, во всяком случае, меня. Тебя он трогать не станет, потому что ты, судя по всему, особа важная. И Джинкса, может быть, не убьет, поскольку надеется использовать его против Симона.

– Ну да, использовать-то он меня может, но только убив, – сказал Джинкс. – Сам же так и сказал. Если я умру, Симон лишится значительной части своей силы.

– Интересно, как они познакомились, – сказала Эльфвина.

– Думаю, все злые волшебники – приятели, – сказал Ривен. – А кстати, сколько их на свете?

– Не так уж и много, – собственно говоря, Джинкс всего лишь двоих и знал.

– Как-то не похоже, что Симон с Костоправом большие друзья, – не согласилась Эльфвина. – Но, должно быть, когда-то раньше они дружили, как ты думаешь? Он же сказал, что Симон украл у него что-то, а чтобы украсть что-нибудь у Костоправа, нужно попасть в его дом.

– Мы вот попали, а дружить с ним что-то не дружим, – возразил ей Джинкс.

Они немного постояли в молчании, глядя в туман.

– В общем, нам пора подумать о нашем спасении, – сказал, наконец, Ривен. – И первым делом нужно отыскать мост.

– А не можем мы выяснить, откуда он черпает силу? – спросила Эльфвина.

– Скорее всего, не можем, – ответил Джинкс. – Источник его силы спрятан где-то здесь, на острове, а где именно – это не так уж и важно. Сила у него огромная, и больше нам знать ничего не нужно. Он способен приклеить нас к дверям, а то и в жаб превратить, если ему захочется.

– Не понимаю, почему ты-то не можешь воспользоваться источником его силы, – сказала Эльфвина.

– Потому что он узнает об этом.

– Как?

– Понятия не имею, просто узнает. Симон всегда мог сказать, откуда я черпаю силу. Чародеи умеют чувствовать это.

– А ты, выходит, не способен найти источник его силы, так? – не уступала Эльфвина.

– Так, потому что я не чародей. Такой ответ тебя устроит?

– Не надо злиться, – сказала Эльфвина. – Я просто подумала: если бы ты нашел источник силы, то смог бы, наверное, использовать ее против Костоправа.

– Против? Послушай, это же *Костоправ.* Могучий, жестокий волшебник. Если я хотя бы попробую воспользоваться его силой, он узнает об этом и, скорее всего, убьет меня или еще что. Ты не понимаешь, что такое магия.

Эльфвина обиженно отвернулась.

– Э-э, может, пойдем в замок? – спросил Ривен. Там, где они стояли, было неприятно сыро и холодно. И они пошли к замку.

– Ну как, выяснили, что спуск отсутствует, верно? – сказал Костоправ. – Великолепно. Теперь пойдем со мной, Джинкс. Пора побеседовать с Симоном.

* * *

Джинкс ни в каких беседах участвовать не желал. Ему не хотелось разговаривать с Симоном и не хотелось, чтобы Симон «спасал» его. Он собирался сбежать от Костоправа без помощи Симона, а не оказаться снова в его власти. И потому он просто смотрел на золотую птичку, лежавшую на ладони Костоправа.

– У меня твой мальчик, Симон, он хочет тебе что-то сказать.

Джинкс попытался вырваться, однако пальцы Костоправа впились в его руку, точно железные когти.

– Скажи ему, чтобы пришел сюда, если хочет увидеть тебя живым, – потребовал Костоправ.

Джинкс молчал. Костоправ ткнул его большим пальцем чуть выше локтя. Руку Джинкса пронзила резкая боль. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать.

– Говори, – приказал Костоправ.

Джинкс не произнес ни слова. Костоправ ткнул снова, сильнее.

– У меня все хорошо, – сквозь сжатые зубы сказал Джинкс.

* * *

Прошло две недели, а Симон так и не появился. Костоправ больше не пытался заставить Джинкса разговаривать с ним. А вот обещание обратить Джинкса в слугу сдержал.

Джинкс процеживал сквозь сито драконью кровь – занятие, которое он ненавидел. Сгустки крови приходилось вытаскивать из сита пальцами. И пахли они стертой с лица земли деревней.

Эльфвина помогала Костоправу готовить зелье. Она всегда ему помогала.

– Ну вот, дорогая, вставь склянку в зажим, – давал указания Костоправ. – Держи ее над пламенем и медленно покачивай. Великолепно! Чародейка из тебя получилась бы куда как лучше, чем из Джинкса.

Джинкс налил в сито еще крови и теперь смотрел, как она просачивается в подставленный сосуд. Костоправ был по преимуществу добр с Эльфвиной, вежлив с Ривеном и высокомерен с ним, Джинксом. Джинкс выполнял работу, какую от него ожидали, и мечтал только, чтобы бóльшая ее часть не требовала пребывания в одной с Костоправом комнате.

В особенности, когда к тому подлизывалась Эльфвина.

– Разве девочка может стать чародеем? – спросила она.

Костоправ лучезарно улыбнулся ей.

– О да. В давние времена жили весьма могучие чародейки.

– А сейчас их нет?

– Сейчас вообще нет по-настоящему могучих волшебников, – ответил Костоправ. – Таких, как прежде. Они исчезли после того, как мы лишились самарранской магии. – Он сжал кулак. – Нам следовало силой захватить библиотеки. Перенести все их книги в Урвальд… Сними склянку с огня, дорогая. Поболтай ее немного, аккуратно… только не расплещи!.. пусть остынет. Поторопись с кровью дракона, Джинкс.

– Я же не могу заставить ее течь быстрее, – сказал Джинкс.

– А ты сито прочисть!

Джинкс стряхнул кровь с сита и понес его к раковине, чтобы прополоскать.

– Ну вот, весь пол забрызгал, – недовольно проворчал Костоправ.

– А какая она – самарранская магия? – спросила Эльфвина.

– Не имею счастья знать, – ответил Костоправ. – Однако она так же отличается от чародейской, как чародейская – от магии Урвальда.

– Наше зелье уже готово? – поинтересовалась Эльфвина.

– Нет, дорогая, надо еще добавить половинку крыла летучей мыши. Они на верхней полке.

Эльфвина направилась было к стремянке, но Костоправ

сказал:

– Их достанет Джинкс, дорогая.

Джинкс вытер об одежду испачканные кровью ладони, подошел к стремянке.

– Всем нам, видишь ли, известно о существовании Самарры, – сказал, обращаясь к нему, Костоправ. – Однако пути туда закрылись столетие назад, после того как магия была объявлена там вне закона. И когда ты сказал, что побывал в Самарре, Джинкс, я счел это весьма интересным. Как ты туда попал?

– Да я и не знаю, – ответил Джинкс. Он подтащил стремянку к полкам. – Вроде как заблудился в лесу и вдруг смотрю – я уже там.

– Хм. Где же именно ты был перед тем, как заблудиться, – только точно?

– Не помню. Бродил по лесу.

– Какие-нибудь заклинания ты, заблудившись, произносил?

Знание – сила. Но это как раз и была самарранская магия – в точности та, которой не ведал Костоправ.

– Нет, просто так получилось, – ответил Джинкс.

– А как ты оттуда выбрался?

– Пришел Симон и вывел меня.

– Симон часто бывает в Самарре?

– Не знаю, – Джинкс потянулся к глиняному сосуду с биркой «Крылья нетопыря». В лаборатории Костоправа царили чистота и образцовый порядок, не то что в мастерской Симона.

– Но ведь ты же должен был замечать, дома он или отсутствует, – Костоправ взял у Джинкса сосуд. – Ну вот, Эльфвина, дорогая моя, – разотри половину крыла в ступке.

Джинкс пожал плечами:

– Я за Симоном особо не приглядывал. Мел полы, да и только.

– Займись-ка опять драконьей кровью, пока она не свернулась. Знаешь, если бы мне представилась такая же, как тебе, возможность проникнуть в тайны Симона, я обращал бы на него побольше внимания. И Эльфвина, не сомневаюсь, тоже.

– А что бы вы сделали, если бы попали в Самарру? – спросила она у Костоправа.

– Что бы я сделал? Получив доступ к библиотекам Самарры? Разумеется, научился всей магии, какой удалось бы. Знание – сила.

Джинкс остолбенел и уронил сосуд с кровью дракона на пол.

Костоправ обернулся и небрежно съездил его по уху. Он это часто проделывал. Джинкс, прижав к горящему уху ладонь, стоял, глядя на лужу крови и стараясь придать лицу туповатое

выражение.

– Право же, Джинкс, – сказал Костоправ. – Иногда мне бывает трудно поверить, что Симон взял тебя в ученики. Хоть ты и заблудился в лесу – жизнь, доставшаяся задаром.

О Симоне Джинксу говорить не хотелось. Мысль о предательстве чародея все еще жгла ему душу. К тому же Симон так и не появился, и это означало, что на Джинкса ему наплевать, – а это, в свой черед, означало, что Костоправ, скорее всего, сказал правду об отнятой жизни Джинкса, и о том, что Симон – дурной человек, и обо всем остальном.

– Я не был его учеником, – ответил Джинкс. – Просто слугой.

– Кем бы ты ни был, ты – часть его силы, и немалая, – сказал Костоправ. – И он наверняка понимает, что, если ты умрешь, твоя плененная им жизнь ничего стоить не будет. Почему же он до сих пор не появился?

– Не знаю, – ответил Джинкс, изо всех сил стараясь не показать, насколько он зол на Симона. Он уж и забыл, что нужен Симону живым, – и что это единственная причина, по которой Симон может захотеть спасти его.

– Ты собираешься вытирать с пола драконью кровь или нет? Хоть что-то ты без напоминания сделать можешь?

Джинкс, обозлившись, одним усилием мысли поднял кровь с пола и вернул ее в сосуд. Он еще не успел понять, какую дал промашку, а уж Костоправ сграбастал его за ворот, оторвал от пола и впечатал спиной в каменную стену.

– Для мальчика, который даже не был учеником чародея, ты сотворил подъемное заклинание очень неплохо. Да еще и моей силой воспользовался, так?

Джинкс не ответил – от удара у него перехватило дух, а тут еще Костоправ так перекрутил его ворот, что дышать стало нечем. В глазах у Джинкса все потемнело и расплылось.

– Никогда так больше не делай, – сказал Костоправ и скрутил ворот еще сильнее. – Моя сила – это *моя* сила.

Он отпустил Джинкса, и тот сполз по стене на пол. Костоправ угрожающе навис над ним. Джинкс с трудом поднялся на ноги и прижал кулаки к груди, собираясь защищаться.

– А зачем чародеям сила? – быстро спросила Эльфвина.

Костоправ, отвернувшись от Джинкса, ласково улыбнулся ей.

– Прежде всего она-то, дорогая моя, и делает нас чародеями. Большинство людей тратит жизнь на борьбу с обстоятельствами. Чародеи же обстоятельствами управляют. А то и сами их создают.

Он заглянул в ступку с истолченным Эльфвиной крылом летучей мыши.

– Великолепно. Теперь зелье должно часок настояться, а мне

самое время вздремнуть.

– Я пойду, приготовлю для вас поссет[21], – сказала Эльфвина.

– Спасибо, дорогая. Приберись здесь, Джинкс.

Они вышли. Джинкс, все еще отдуваясь, оттолкнулся от стены. С силой лягнул ее. И зашиб пятку. Костоправа он ненавидел, да и к Эльфвине особо теплых чувств не питал.

Он подошел к окну, огляделся. Ривена видно не было, но, скорее всего, тот бродил по острову, изучая его. Их планы рушились. Ривен так и не нашел ни моста, ни спуска.

Джинкс подобрал тряпку, оттер с пола оставшиеся брызги крови. Потом вернул на полку сосуд с крыльями летучей мыши, выровняв его в строю других сосудов. Если бы он не подровнял их, Костоправ это непременно заметил бы. Чародей свято верил в порядок и точность. Дневной сон его продолжался ровно тридцать минут. «Без правильного распорядка дня ничего не достигнешь», – любил повторять он.

Дверь заскрипела, в лабораторию вошла Эльфвина.

Она поспешила к Джинксу и попыталась осмотреть его шею:

– Как ты? Мне очень жаль, что он причинил тебе боль.

Джинкс пренебрежительно повел плечами:

– Вот и сказала бы ему об этом, вместо того чтобы к нему подлизываться.

– Мне нужно, чтобы он думал, будто я на его стороне, –

сказала Эльфвина.

– Он мог убить меня!

– Ну, я отвлекла его от тебя, разве нет?

– «Я вам вкусненький поссет приготовлю»! – пропел Джинкс.

– Да успокойся ты. Я приучаю его пить перед сном горячий напиток на случай, если мне придется его отравить.

Джинкс вытаращил глаза:

– Ты же этого не сделаешь.

– Сделаю, если пойму, что он собирается убить нас. Послушай, ты вправду использовал сегодня источник его силы?

– Да, – ответил Джинкс.

– Ты же говорил, что не сможешь.

– Нет, – я говорил, что, если попробую, он об этом узнает.

– Ну, тогда вряд ли тебе стоило это делать.

– Конечно, но я вроде как вышел из себя. И ты бы вышла, если б тебя все время колотили.

– Но что же он *такое* – его источник силы?

– Не знаю. Что-то спрятанное здесь, под полом, – Джинкс вдруг ощутил его с новой остротой. И содрогнулся. – От него холодом тянет.

– Он прямо под нами? – Эльфвина указала пальцем в пол.

– Немного левее. Да ведь мы уже облазили весь дом изнутри и снаружи. Пути туда нет.

– Путь есть. Отсюда, – Эльфвина встала на четвереньки. – Я заметила это, когда ты разлил кровь дракона. Посмотри вот тут, под раковиной.

Джинкс опустился рядом с ней на колени. Щели между каменными плитами были забиты пылью. Но вокруг одной плиты они остались чистыми и черными – похоже, ее не так давно поднимали.

– Думаешь, здесь лаз?

– Да. Что же еще! Ты не мог бы поднять эту плиту в воздух?

– Нам незачем видеть источник силы, – сказал Джинкс. – Я и так совершенно уверен – он там, внизу.

– Разве тебе не хочется посмотреть, как он выглядит?

– Нам не хватит времени, у нас всего-то минут двадцать.

– Да нет, больше, он же только что лег. Давай, подними ее. Пожалуйста.

Джинкса тоже донимало любопытство. Силы, на которую он мог опереться, здесь хватало – холодной, скверной силы. Костоправ, надо надеяться, уже спит и не почувствует, как кто-то пользуется ею, – Джинксу не хотелось, чтобы его снова душили.

Он легко поднял каменную плиту, отвел ее в сторону. Под ней обнаружилась темная яма, из которой сразу потянуло

погребом и плесенью.

– Смотри, тут железная лесенка вниз идет, – сказала Эльфвина. – Полезли.

– Постой, – Джинкс взял с рабочего стола две свечи, зажег их. – Держи.

Эльфвина спустилась в лаз первой. Джинкс встревоженно наблюдал за нею. Похоже, там глубоко.

– Я на дне. Тут что-то вроде коридора, – сказала Эльфвина.

– У нас мало времени, – сказал Джинкс и тоже спустился в лаз.

Проход был пробит в сплошном камне.

– Думаю, мы внутри острова, – сказала Эльфвина.

– Нам надо поспешить, – отозвался Джинкс.

Они двинулись по проходу, свечи их походили на лужицы света в кромешной тьме. Запах смерти и склепа витал в воздухе. Джинкс ощущал все нараставшую силу.

Проход уперся в закрытую дверь.

– У тебя есть заклинание, которое помогло бы нам пройти в нее? – спросила Эльфвина.

Джинкс попытался внушить себе *знание* того, что дверь открывается. Однако дверь не открылась. Они были совсем-совсем близко к источнику силы.

– О, погоди-ка, – сказала Эльфвина и подняла свечу повыше. – Тут какие-то полки на стене и… что это? Бутылки?

В свете свечей поблескивали сотни бутылок.

– Вот он – источник силы, – сказал Джинкс.

Впрочем, уверен в этом он не был. От бутылок действительно веяло силой. Но и от двери тоже – и куда более мощной.

Эльфвина взяла одну из бутылок в руки.

– Похоже, там внутри человечек. Мужчина. Нет, женщина. Какой кошмар!

Она завела свечу за бутылку, чтобы свет проходил сквозь зеленое стекло. И Джинкс увидел за ним висевшую на бечевке крошечную фигурку. На вид совершенно мертвую.

– Что это? – спросила Эльфвина.

– Думаю, в бутылках хранятся жизни, – ответил Джинкс. Ему было до ужаса жалко этих людей.

– Они *не выглядят* живыми, – сказала Эльфвина.

Джинкс подумал, что и он, быть может, болтается в бутылке, спрятанной где-то в доме Симона, – и что, если он, тот, который в бутылке, сознает, где находится?

– Они выглядят как мертвые, – продолжала Эльфвина.

– Нам пора выбираться отсюда, пока не проснулся Костоправ, – сказал Джинкс.

– И оставить их всех здесь? – она подняла свечу, осветив длинную, аккуратную череду бутылок, в каждой из которых неподвижно висела тусклая человеческая фигурка.

– Да. Пошли.

Ему не хотелось больше смотреть на эти скорбные бутылки. Не хотелось даже знать о них.

– Тебе уже приходилось видеть что-то подобное?

– Да, – ответил Джинкс. – То есть нет.

– Симон вот так же поступил с твоей жизнью, когда забрал ее?

– Я не знаю.

– То есть ты в бутылку не попал?

– Только частично. Бутылка там была. И он поместил в нее какую-то часть меня.

– Как же ты ему позволил? Я бы ни за что…

– Я ему не позволял! – огрызнулся Джинкс. – Слушай, за этой дверью тоже скрыта какая-то сила.

– Выходит, Симон и вправду ничем не лучше Костоправа.

Спорить с ней Джинкс не стал. Он не знал, поступил ли с ним Симон именно так. Но в любом случае поступок его выглядел очень недобрым. И Джинксу совсем-совсем не хотелось о нем говорить. Лучше бы никогда.

– Силы там никак не меньше, чем в бутылках, – сказал он. И подергал ручку двери.

– Ты думаешь, там еще бутылки хранятся?

– Нет, это совсем другая сила.

Разница была абсолютной – как между ночью и днем, между живым деревом и холодным камнем.

– Как же нам туда попасть?

– Никак. Пора возвращаться, – он был уверен, что со времени, когда Костоправ лег спать, уже прошло полчаса. – Поставь бутылку на место.

– А ты не хочешь взглянуть на нее при свете дня?

– Нет, не хочу.

Джинкс взял у нее бутылку и вернул на полку. От вида жутко неподвижных фигурок за стеклом его прохватила дрожь.

– Знаешь, что я думаю? – спросила Эльфвина.

– Да откуда мне… нет, не знаю. Мы можем… давай уже убираться отсюда, – Джинкс взял ее за руку и подтолкнул по проходу в сторону люка.

– Я думаю… не толкайся! Думаю, что это жизни умерших людей.

Они подошли к лестнице.

– Поторапливайся, – сказал Джинкс.

Эльфвина задула свечу, сунула ее в карман и начала подниматься к свету. Джинкс последовал за ней. Он думал, что сейчас увидит Костоправа, стоящего, поджидая их, над дырой в полу. Но в лаборатории все еще было пусто.

Джинкс ухватился за каменную плиту, потянул ее что было мочи к лазу. Слишком тяжелая.

– Помоги мне.

– А поднять ее волшебством ты не можешь?

– Нет, потому что теперь я знаю, что это за сила.

Столько маленьких, подвешенных жизней.

Из коридора донеслись шаги. Джинкс и Эльфвина налегли на плиту, и та, со скрежетом проехавшись по полу, легла на место. На двери лаборатории щелкнул засов. Они вскочили на ноги. Когда дверь отворилась, Эльфвина уже стояла у рабочего стола, держа в руках ступку с истолченным крылом нетопыря, а Джинкс – у раковины, с мокрой тряпкой в руке.

– По-твоему, это уборка? – спросил Костоправ. – Ты так ничего и не сделал, Джинкс.

– Он мне помогал, – сказала Эльфвина.

– Правда? – удивился Костоправ.

– Да, – честно ответила Эльфвина.

* * *

– Не понимаю, – сказал Ривен. – Они что, очень большие, эти бутылки?

Все трое стояли в верхнем покое самой высокой башни замка, глядя сквозь арочное окно в темноту. Деревьев Джинкс не различал и даже не чувствовал – слишком далеко было отсюда до леса.

Ривен с Эльфвиной держались как-то слишком уж близко друг к дружке, – Джинксу казалось, что им хочется, чтобы его здесь не было.

Оказывается, понять, о чем думают люди, даже не видя их мысли, не всегда бывает трудно.

– Нет, самые обычные, – ответила Эльфвина. – Просто люди в них крохотные.

– Куколки, – сказал Ривен.

– Какие там куколки! – возразил Джинкс.

– Настоящие люди, только мертвые, – пояснила Эльфвина.

– Откуда ты знаешь?

– Настоящие люди не похожи на кукол, – сказал Джинкс. – Послушай, Костоправ что-то сделал с ними, понимаешь? Потому

они такими и стали. Он уменьшил их и рассовал по бутылкам.

– И убил их?

– О да, определенно. Потому они и мертвы.

– Но ты сказал, их там сотни, – Ривен недоуменно посматривал то на Джинкса, то на Эльфвину.

– Думаю, около двухсот, – сказала она.

Эта мысль, окончательно оформившись, пронзила Джинкса, точно ножом. Костоправ убил сотни людей. И он, Джинкс, видел их, – по крайней мере, некоторых.

В бутылках.

– Но как это прибавляет ему силы? – спросил Ривен. Теперь они оба выжидающе уставились на Джинкса.

– Точно сказать не могу, – ответил тот. – Это… ну раз магия смертной силы питается смертью, значит, он держит их смерти в бутылках. Чтобы пользоваться ею.

«Надеюсь, они не поймут, что я всего лишь строю догадки», – думал Джинкс. Ведь Симон никогда ему о магии смертной силы не рассказывал, и ни одной книги о ней он не прочел.

– Хмм… А за той дверью что?

– Мы не сумели ее открыть, – ответил Джинкс.

– Но госпожа сказала, что за ней скрыта какая-то огромная сила.

– Вот у госпожи и спрашивай, – раздраженно ответил Джинкс.

– Эту дверь необходимо открыть, – сказала Эльфвина. – Если мы выясним, какой еще силой владеет Костоправ, то, может быть, нам удастся как-то уничтожить ее.

– Ты за ручку как следует дергал? – спросил Ривен.

– Нет, знаешь ли, без тебя мы никак не догадались.

– Джинкс, не груби, – попросила Эльфвина. – Дверь была заперта.

– Магия, – согласился Ривен. Похоже, он, как обычно, считал, что это слово все объясняет.

* * *

Прошла еще неделя. Джинкс только что получил от Костоправа по уху за то, что поместил сушеную печень эльфа в сосуд, предназначенный для сушеной печени русалки. Да еще и дураком был назван. И все это при Эльфвине, которой, впрочем, хватило такта притвориться, что она ничего не видела и не слышала. Джинкс понимал, что Эльфвина проявила тактичность, однако настроение у него было дурное, и потому он предпочел счесть это безразличием.

Он в гневе выскочил из замка и теперь одиноко стоял под небом на голом камне острова. Здешнее небо внушало ему отвращение. Огромное, а до деревьев так далеко. Джинкс посмотрел на лес, выходивший к отвесной противоположной стене ущелья. Он очень скучал по непрестанному живому ропоту Урвальда.

Здесь, на острове, дерево было только одно – сиротливая сосна. Джинкс подошел к ней, прислонился к стволу. Прикосновение грубой коры к лицу немного утешило его, хоть он давно уже понял, что говорить эта сосна не умеет. Не у кого было научиться.

Но Джинкс все равно попытался передать дереву свои сердитые мысли. И чувствовал его жизненную силу, такую слабую в сравнении с единым пульсирующим потоком жизни Урвальда.

Он пошел вдоль обрывистой кромки острова, приближаясь к ней настолько, насколько мог это сделать без головокружения. Двадцать футов до края. Пятнадцать – ноги начинают слабеть. Десять[22] – ему стало казаться, что он уже летит вниз, сорвавшись с обрыва. И Джинкс в несколько огромных шагов отступил назад.

Деревья по обоим берегам реки росли высокие, отчего бóльшую часть дня на острове лежала тень. Однако сейчас, около полудня, его заливал яркий свет. Глядя вниз по течению реки, Джинкс думал, что почти видит горизонт.

– Привет! – из-за края обрыва показалась голова Ривена.

– Не делай так!

– Извини, – Ривен, опершись на руки, легко вспрыгнул на край. Постоял немного, оглядываясь по сторонам, потом вплотную подошел к Джинксу, наклонился и очень тихо сказал:

– У меня получилось. Я нашел спуск.

– Здорово, – сказал Джинкс. Ему даже думать не хотелось о том, как этот спуск выглядит.

– Если начать вон оттуда, там и держаться есть за что, и куда ноги ставить. Пройти можно, только остров приходится огибать. А к реке спускаешься уже с другой его стороны. То есть если по дороге не свалишься.

– А ты свалился?

– Да, под самый конец, всего футов десять[23] пролетел. А обратно залез без хлопот.

– Зачем же было возвращаться, раз тебе удалось спуститься?

Ривен оскорбился.

– Из-за тебя и госпожи, конечно. Ведь вы остались здесь. Думаю, госпожа Эльфвина со спуском справится, – он обернулся, чтобы взглянуть на край обрыва. – А вот ты, боюсь, упадешь. Ах,

если бы только мне удалось отыскать мост!

Джинкс мог бы сказать ему, что со спуском он справится даже получше Эльфвины. Проблема была не в спуске, а в том, что он не мог заставить себя приблизиться к краю обрыва.

– Я просто обязан продолжить поиски, – сказал Ривен. – Главное – никогда не сдаваться!

* * *

Услышав рассказ Ривена о найденном им пути вниз по обрыву, Эльфвина сказала:

– Джинкс там пройти не сумеет.

– Куда уж Джинксу! – скривился Джинкс. – Джинкс вообще ничего не умеет.

Он лежал навзничь на своей кровати, свесив с нее голову и оглядывая перевернувшуюся вверх ногами комнату.

– Вот если бы мост удалось отыскать, – сказал Ривен. – Я бы установил его ночью…

– По ночам там упырь шатается, – напомнила ему Эльфвина.

– Ну, от него я как-нибудь увернулся бы. А чем они, кстати, страшны, упыри-то?

– Они кровь из человека высасывают, через глаза, – ответил Джинкс.

– Ишь ты, – сказал Ривен. – А я думал, они вроде привидений.

– Нет, они совсем другие, – сказал Джинкс.

– Ага, – произнес Ривен и прикрыл ладонями глаза. – Ладно.

– Ты думаешь, что Симон умер? – вдруг спросила Эльфвина у Джинкса.

Сердце Джинкса екнуло.

– Когда я уходил, он умирать не собирался. Да и София за ним ухаживала.

– Раны иногда воспаляются, – сказала Эльфвина.

– Это я знаю, – такая мысль уже приходила Джинксу в голову. – Скорее всего, он занят тем, что ругается с Софией, а обо мне и думать забыл. Ну и ладно, плевать я на него хотел.

– Правда? – спросила Эльфвина. – Я к тому, что ты этого чародея знаешь, а я нет, но все же он заботился о тебе, когда ты был маленьким, и все такое.

– Ждал, когда я подрасту и меня можно будет убить, – фыркнул Джинкс.

– Это *Костоправ* так говорит. Скажи, он обращался с тобой так же, как Костоправ?

– Не совсем, но это ничего не значит.

И Джинкс снова вспомнил о стоящих в темноте рядах бутылок с подвешенными в них мертвыми жизнями. Однако Эльфвина не унималась.

– Ты позволяешь Костоправу думать за тебя. А это глупо, потому что он вовсе не на твоей стороне.

– Незачем нам бежать от одного злого волшебника лишь для того, чтобы попасть в руки другого, – сказал Ривен. – Я уверен, что благородный Костоправ…

– Какой еще благородный! – рассердилась Эльфвина. – Видел бы ты висящих в бутылках человечков. А очень скоро и мы там окажемся.

– Я знаю, что он злой, – согласился Ривен. – «Благородный» – это просто фигура речи. Но к тебе, госпожа моя, он, похоже, питает приязнь.

– Еще большую приязнь питает он к силе, которую получит, подвесив меня в бутылке.

– Но ведь не исключено, что, когда он убьет нас, мы все же останемся живыми. Джинкс, наверное, тоже висит где-то в бутылке – и однако же жив.

Джинкс сел и пошатнулся от головокружения: слишком долго висел вниз головой. Он спросил:

– Ты помнишь, из чего был сделан мост, Ривен?

– Ну да. Из костей. Я отлично понимаю, что он злой.

– Я думаю, это были бедренные кости, – сказала Эльфвина. – Все остальные недостаточно длинные.

– Сотни костей, – продолжал Джинкс. – Жизни в бутылках, бедренные кости в полотне моста… Хотел бы я знать, куда он подевал все остальное.

– На мост могли пойти и звериные кости, – не уступал Ривен.

– Ты все стараешься думать о нем получше, – сказал Джинкс. – А он – зло в чистом виде и собирается нас убить.

– Я знаю, – ответил Ривен.

– Кубки-то уж точно были сделаны из человеческих черепов, – сказала Эльфвина. – Такую форму имеют только они.

Поняв, что пить его гости из этих кубков не будут, Костоправ заменил их серебряными. К гостеприимству чародеи подходят очень серьезно.

– И все же вы должны признать, до сих пор он был с нами добр, – сказал Ривен.

– Ничего я не должен, – ответил Джинкс.

– С Джинксом он обращается безобразно, – сказала Эльфвина.

– Да, это верно, – согласился Ривен.

– Ведь ты же сам искал и нашел спуск! Значит, ты хочешь сбежать!

– Да, – признал Ривен. – Хочу. Конечно, хочу.

– Так в чем же дело? – спросил Джинкс.

– Дело в его заклятии, – пояснила Эльфвина. – Он надеется, что Костоправ снимет с него заклятие.

– Ну да. Заклятие, которое означает, что он – важная шишка, – Джинкс пребывал сегодня в сварливом расположении духа.

– Ты думаешь так потому, что я жил при дворе короля Руфуса, – сказал Ривен. – Однако мы с мачехой всегда ели, сидя у самого нижнего стола, а приглашения на королевские приемы получали очень редко.

– А где твой отец? – спросила Эльфвина.

– У меня есть… была… только мачеха.

– Значит, твой отец умер? – снова спросила Эльфвина.

Ривен не ответил.

– Почему – если тебе не претит такой вопрос, – почему король убил твою мачеху?

По лицу Ривена видно было, что вопрос ему претит; тем не менее он, глубоко вздохнув, ответил:

– Потому что ему не нравились ее речи.

– Она рассказывала людям, кто ты на самом деле?

Ривен молчал.

– Выходит, на ней твоего заклятия не было. Или же она сумела его обойти, – сказала Эльфвина.

– Она была очень мудрой госпожой. И сердце имела доброе.

Голос его задрожал, и этого Джинкс вынести уже не смог.

– Перестань ты его донимать, Эльфвина, – сказал он.

Девочка повернулась к нему:

– Ты все еще не придумал, как пройти в ту дверь, верно?

– В какую? – Впрочем, Джинкс прекрасно понимал – в какую.

– В ту, за которой скрыта остальная сила Костоправа. Тебе известно заклинание, которое отпирает замки?

– Нет, – ответил Джинкс. – Существует одно заклятие… ну, в общем, дверное. Например, дверь в доме Симона знает, кого можно впускать, и потому разбирается, когда ей запираться, а когда отпираться.

– А ты не можешь внушить двери мысль, что тебя впустить можно? – поинтересовалась Эльфвина.

– Не могу, – сказал Джинкс.

– Почему? – спросил Ривен.

– Потому что, – ответил Джинкс. – Я не великий и ужасный маг и волшебник, такой ответ сойдет?

– Я думал, ты владеешь магией, – сказал Ривен.

– Владею – и что с того? Кто-то же должен владеть ею хуже

всех прочих.

На самом деле проходить в ту дверь он просто не хотел. Уже и бутылки-то были… ну, в общем, жутью какой-то. А за дверью крылось, скорее всего, что-то похуже.

Если говорить честно, он боялся узнать, что там, за дверью.

– Мы добьемся только того, что Костоправ пожелает убить нас, – сказал Джинкс.

– Да он и так желает, – возразила Эльфвина. – А я просто хочу понять, на что похожа вторая его сила.

– Кроме того, это может помочь нам сбежать, – сказал Ривен.

– Как? – спросил Джинкс.

– Ну, пока ты не заглянешь туда, мы этого не узнаем.

– Ты что, не слышишь меня? Я же тебе только что объяснил, я не могу…

– А как насчет книг Костоправа? – вдруг спросила Эльфвина. – Поспорить готова, в одной из них сказано, каким заклинанием открывается дверь. Ты читать умеешь?

– На шести языках, – ответил Джинкс и почувствовал, что пару очков он отыграл.

– Правда? На шести? – поразилась Эльфвина.

– Угу.

– Впечатляет, – сказал Ривен.

На душе у Джинкса стало немного легче.

– Книги Костоправа написаны на разных языках, – сообщила Эльфвина. – Я уже просмотрела одну, урвийскую, но в ней про дверные заклинания ничего не сказано. Правда, всякие интересные зелья описаны.

– Так ты тоже умеешь читать? – спросил Джинкс.

– Конечно. На Калликомской прогалине все умеют. Тем мы и славимся.

– Я думал, вы коровами славитесь.

– Коровами и грамотностью, – сказала Эльфвина.

И Джинкс понял, что ему все же придется поискать заклинание для двери. «Правда, сотворить его, – подумал Джинкс, – я все равно не сумею». Опереться на силу Урвальда ему здесь не удастся, а без этой силы чародей из него получается никудышный.

Глава двадцать первая
Среди костей

Они обедали. Все блюда были приготовлены с помощью магии. Припасы – продукты и дрова – доставлялись к подножью обрыва и без присмотра лежали там до утра, пока Костоправ не поднимал их заклинанием на остров.

– Ну-с, как прошли сегодня твои исследования? – обратился Костоправ к Ривену. – Что-нибудь интересное нашел?

– Нет, сударь, – ответил Ривен.

– Но все погреба и башни облазил, так?

– Лишь для того, чтобы доставить вам удовольствие, сударь, – сказал Ривен. – Да. А вы, благородный Костоправ, смогли найти способ снять с меня заклятье?

– Пока не нашел, – ответил Костоправ. – Но работаю над этим.

– И о моем не забудьте, – вставила Эльфвина.

– Разумеется, моя дорогая, и над твоим я тоже работаю. – Он намазал булочку маслом и повернулся к Джинксу. – Я полагал, что к этому времени Симон уже должен был появиться. Не вытирай посуду хлебом. Где он?

Джинкс положил хлеб.

– Не знаю.

Костоправ обратился к Эльфвине:

– Где Симон?

– И я не знаю, – ответила она. – А что за снадобье мы составляли сегодня?

– Минуточку, дорогая. Не уводи разговор в сторону. Почему до сих пор нет Симона?

– Ему неможется, – ответила Эльфвина.

– Неможется? – Костоправ склонился над столом. – Что с ним такое?

– Кто-то пронзил его мечом.

– Ха. Давно пора! – Однако никакой радости лицо Костоправа не выразило. – Где это случилось?

– В Самарре.

Сам же Джинкс ей все и рассказал и теперь клял себя за это. Эльфвине вообще ничего говорить не следует.

– И что, рана серьезная? Он умирает?

– Да… нет. Я не знаю.

Костоправ посмотрел на Джинкса:

– Ну?

– Что «ну»? – спросил Джинкс.

И внутренне поежился, поняв, что ведет себя слишком дерзко. Однако раздавать оплеухи за обеденным столом Костоправ был, по-видимому, не склонен. Он снова обратился к Эльфвине:

– В таком случае… не исключено, что он умрет?

Непонятно почему, но выглядел Костоправ по-настоящему обеспокоенным.

– Полагаю, что да, – ответила Эльфвина.

– И этот глупый мальчишка бросил его, оставил без ухода? – Костоправ сердито повысил голос.

– За ним ухаживала его жена, – сказала Эльфвина.

– Жена? Разве у Симона есть жена?

– Есть, – подтвердила Эльфвина.

– Нелепость. У чародеев жен не бывает.

– Почему же? – спросила Эльфвина, скорее всего не из любопытства, а из желания остановить град сыпавшихся на нее вопросов.

– По множеству причин, моя дорогая. И полагаю, одна из них состоит в том, что из жен и детей получаются прекрасные заложники. На то, что у Симона есть дети, надеяться, я полагаю, не приходится?

– Этого я не знаю, – ответила Эльфвина.

– Детей нет, – сказал Джинкс. Пожалуй, *эта* откровенность

опасной не будет. Кто знает, как поступил бы Костоправ с детьми Симона, если б они существовали? Но почему все-таки рана Симона так взволновала Костоправа?

Чародей достал из кармана птичку. С мгновение вглядывался в нее, а потом сказал:

– У тебя есть три дня, Симон. Приходи сюда в последний день августа и принеси то, что украл у меня. Если появишься позже, то Джинкса, боюсь, уже не увидишь.

* * *

На кровати Джинкса поджидала небольшая стопка книг. Должно быть, их принесла Эльфвина.

Книг у Костоправа было гораздо меньше, чем у Симона. Возможно, потому что Костоправ не бывал в Самарре. Джинкс начал перелистывать их. Все они были написаны на известных ему языках, но не на самарране.

Дверное заклинание обнаружилось в третьей. Джинкс внимательно прочел его три раза подряд. В дверь постучала Эльфвина.

– Входи, – сказал Джинкс.

– Нашел что-нибудь?

– Да, – сказал Джинкс. Он повернул книгу так, чтобы девочка увидела заклинание. Эльфвина нахмурилась. – Что это за язык?

– Староурвийский.

– На урвийский совсем не похож.

– Это мертвый язык. Я такого заклинания никогда раньше не видел, но думаю, это то самое, которое использует Симон. Нужно представиться двери, сказать, что ты теперь главный, а после назвать тех, перед кем она должна открываться.

И он перевел для девочки заклинание на современный урвийский.

– Ты можешь велеть двери открыться перед нами?

– Если мне удастся правильно произнести заклинание, – ответил Джинкс. И это было большое ЕСЛИ. Он и простое-то открывающее дверь заклинание так и не освоил: то, о котором Симон сказал, что оно – обычное подъемное заклинание, только направленное вбок.

– О, тебе все удастся. Мы возьмем с собой Ривена.

Прекрасно. Будет кому еще полюбоваться на провал Джинкса.

– Ты говорил, что за той дверью скрыта половина силы Костоправа, – продолжала Эльфвина.

– Половина – это самое малое.

Сила эта ощущалась как переменчивая и опасная.

– Пойдем туда нынче ночью, – сказала Эльфвина. – После того как заснет Костоправ. Ой, я просто жду не дождусь!

А вот Джинкс подождал бы подольше. С превеликим удовольствием.

* * *

Когда все трое прокрались в лабораторию Костоправа, прихватив с собой свечи, и сдвинули с лаза каменную плиту, было уже далеко за полночь.

– Тише! – прошептал Джинкс, услышав, как плита заскрежетала по полу. Ему казалось, что каждое движение создает слишком много шума. Ступни спускавшихся в подземелье Эльфвины и Ривена грохотали по железным перекладинам, и те звенели как колокола. Джинкс с зажатой под мышкой книгой спускался последним.

Они подошли по проходу к обитой железом двери.

– Это и есть бутылки? – Ривен снял одну с полки, задумчиво вгляделся в покачивавшуюся внутри фигурку. – И с тобой тоже такое случилось, Джинкс?

Джинкс не ответил, однако удержаться от взгляда на бутылки не смог. Столько погубленных жизней! Не может быть, чтобы Симон так с ним поступил. Не может.

Он еще раз перечитал страницу староурвийской книги.

– Если хотите войти в дверь, вам лучше стоять поближе ко мне, – сказал он.

Ривен вернул бутылку на место, – даже при этом наделав слишком много шума, – подошел и встал рядом с Джинксом. Эльфвина встала с другой стороны. Готовый к неудаче, Джинкс заглянул в книгу. И прочитал вслух староурвийские слова.

Не произошло ничего.

Ривен с лязгом подергал ручку двери.

– Не сработало.

– А погромче шуметь ты не умеешь? – сердито спросил Джинкс.

– Да он спит – крепче не бывает. Я проверил, – ответил Ривен.

– Попробуй еще разок, Джинкс, – попросила Эльфвина.

Джинкс открыл было рот, чтобы сказать, какой смысл пробовать, если он знает, что не сможет? И вдруг в голове его прозвучал голос Симона: «*Конечно, не можешь. Потому как думаешь, что не можешь*». Ну правильно. Стало быть, сможет. Так?

– Заклинание не работает, – сказал он. – Мне нужно больше силы.

– Сила вокруг нас, – напомнила ему Эльфвина. – Ты сам это говорил.

Да, говорил. Смертная сила, упрятанная в бутылки, – и корчащаяся, куда более живая сила за дверью. Джинкс попробовал дотянуться до нее, но понял: это все равно что ловить рыбу голыми руками. Она все равно увернется.

А кроме того, Джинкс чуял, что дверь и заколдована была с помощью силы, которая хранилась в бутылках. И он вобрал ее в себя. В такой близи она наполнила его гнетущим, смертельным ужасом. Он почувствовал себя наполовину живым, наполовину мертвым, сила как будто подталкивала его, объясняя, как ею пользоваться.

И Джинкс снова произнес слова на староурвийском. Замок щелкнул, дверь приотворилась на ширину двух пальцев. Эльфвина и Ривен удивленно забормотали что-то. Джинкс толкнул дверь – та громко заскрипела. Он шагнул вперед.

– Ух ты! – промолвил рядом с ним Ривен.

– Ой, – прошептала Эльфвина.

Перед ними открылся другой проход. И вдоль его стен от пола до потолка выстроились человеческие черепа.

Настоящие. Джинкс видел, как Ривен протянул к одному руку, чтобы коснуться его и проверить. О да, настоящие. Джинкс просто знал это. Сотни черепов, отливавших в свечном свете зеленью.

Джинкс пошел по коридору, провожаемый взглядами пустых глазниц.

– По-вашему, это он их всех убил? – спросил Ривен.

– Да, – ответила Эльфвина. – Думаю, они принадлежали людям, которые в бутылках.

Черепа сменили кости – сначала позвоночники, потом реберные клетки. Джинкс остановился, глядя на них.

– Не может проход быть таким длинным, – заявил Ривен. – Этак мы из острова выскочим.

– По-моему, он понемногу спускается вниз, – сказала Эльфвина.

О, так они долго идти будут, целую вечность.

В конце концов проход привел их к просторному сводчатому покою. В самой середине его стоял стол. А на столе – две бутылки.

Одна сразу приковала к себе внимание Джинкса. Она, собственно, и была-то не бутылкой, – во всяком случае, он таких еще не видел, – а имеющим форму бутылки сплетением

призрачных светящихся лент голубоватого дыма, извивавшихся и круживших, круживших…

Вторая походила на те, из наружного коридора: обычная бутылка зеленого стекла.

Эльфвина с Ривеном замешкались на пороге, но Джинкс подошел к столу, нагнулся и заглянул в зеленую бутылку. Как он и ожидал, внутри нее оказался человечек.

Только *этот* сидел на донышке, обхватив руками колени. А когда Джинкс приблизился, человечек поднял голову и открыл глаза.

Джинкс медленно, осторожно снял бутылку со стола. Поднять ее оказалось трудно – словно какая-то сила привязывала эту бутылку ко второй, жутковато дымчатой, – Джинксу пришлось, поднатужившись, потянуть первую на себя.

Бутылочный человечек встал, посмотрел на Джинкса, но, кажется, не увидел его.

Эльфвина и Ривен подошли поближе и тоже вгляделись в бутылку, которую Джинкс так и держал в руке.

– А этот живой, – сказал Ривен.

– И мантия на нем совсем как у чародея, – заметила Эльфвина.

– Ну да, – согласился Джинкс. – Это же Симон.

Спутники его, услышав это, склонились пониже, поднесли к бутылке свечи, чтобы осветить человечка внутри. Жар их, похоже, Симона не потревожил. Наверное, он и не догадывался, что его разглядывают.

– Я думал, чародеи все старые, – сказал Ривен.

– Он жив, – сказала Эльфвина. – Как по-твоему, все дело в том, что он жив, а те, в других бутылках, мертвы?

– Я не знаю, – ответил, не спуская с Симона глаз, Джинкс. Как же это случилось с ним и когда?

– По-моему, так и есть, – заявила Эльфвина.

– Вот почему, готов поклясться, он за тобой и не пришел, – сказал Ривен. – Он в бутылке сидит.

– Я не уверена, что это так, – возразила Эльфвина. – Может быть, здесь только его жизнь. И с ним просто случилось то же, что с Джинксом.

– Тогда выходит, и ты так выглядишь? – спросил Ривен. – Сидишь в бутылке, как он, а не висишь, как те люди?

– Откуда мне это знать? – ответил Джинкс.

– А может, он здесь по сговору с Костоправом, – продолжал Ривен.

– Или потому, что приходил за Джинксом, и сразился с Костоправом, и потерпел поражение, – прибавила Эльфвина.

– Это похоже на картинку в одной из книг Симона, – сказал Джинкс, – написанной на языке, которого я не знаю…

– А значит, есть язык, которого ты не знаешь? – заинтересовался Ривен.

– …на ней изображен человек, сидящий в бутылке. Не висящий, как те люди. Живой, как этот.

– Такие книги только у злых волшебников бывают, – заявил Ривен.

Эльфвина кивком указала на бутылку:

– Ты ведь заберешь ее отсюда? Не оставлять же его здесь.

– Костоправ обнаружит пропажу, – возразил Ривен.

– Может, до нашего бегства и не успеет, – ответила Эльфвина. – Нет, оставлять его здесь нельзя.

– А может, Джинкс и не хочет ее забирать, – сказал Ривен. – В конце концов, Симон сам держит *его* в бутылке.

– Так то же Симон, – сказал Джинкс. – И держит он меня не в таком месте, как это.

Не в таком? Он же не знает, а вдруг и под домом Симона есть подземелье, забитое черепами, костьми и жизнями в бутылках?

И тут перед мысленным взором Джинкса предстал Симон – посреди кухни, окруженный кошками и ароматами стряпни. Никакого сходства с этим жутким склепом.

А еще он вспомнил слова Симона: *«Набраться силы так, как это делает он, может всякий. Нужно лишь захотеть творить то, что творит он».* Чем оно было – то, что Симон творить не хотел? С Джинксом он уж точно сотворил что-то – и с бутылкой связанное, и дурное.

Но каким-то образом – интересно, когда? – Костоправ отнял у Симона жизнь, и запер ее здесь, в подземелье, и использовал как источник силы, необходимой, чтобы творить злое волшебство – превращать людей в костяные мосты, а черепа их – в кубки, высасывать из них души и складывать крест-накрест кости. Делать то, что, как вдруг совершенно ясно *понял* Джинкс, Симон ни за что не стал бы. Дама Гламмер может хихикать, сколько ей угодно, Костоправ – отпускать лукавые намеки, однако Симона Джинкс *знал.*

– Ты же не думаешь, что он оставил бы тебя здесь? – спросил Ривен. – Если бы нашел в таком виде?

– Дело *не в том,* как поступил бы Симон, – сказала Эльфвина. – Дело в том, как поступит Джинкс.

И она была права. Что бы ни сотворил Симон с ним и с его жизнью, Джинкс не собирался оставлять его здесь, среди костей. Он сунул бутылку в карман.

– Очень хорошо, – одобрил Ривен. – По крайней мере ты

сможешь за ним присматривать.

А как быть со второй бутылкой? Ведь и она тоже содержала силу. Джинкс протянул к ней руку.

И бутылка выпалила в него синими искрами, колючими и трескливыми.

Джинкс отдернул руку, искры погасли. Призрачные ленты продолжали виться вокруг нее, ныряя в бутылку и выныривая обратно. Джинкс снова протянул руку. Новые искры, еще более шумные, осыпали его. Джинкс потянулся дальше, сквозь искры. Однако Эльф– вина ухватила его за руку.

– Джинкс, по-моему, ты не должен трогать ее, – сказала девочка.

– Я всего лишь хочу посмотреть, что в ней, – ответил Джинкс и внезапно почувствовал, что попросту *должен* заглянуть в эту бутылку. Он протянул к ней другую руку, однако ее перехватил Ривен.

– Эльфвина права, – сказал он. – Оставь ее в покое.

– Но от нее так и пышет силой, – возразил Джинкс.

– Опасной, готов поклясться, – стоял на своем Ривен.

– Не нравятся мне эти искры, – сказала Эльфвина.

Джинкс все же попытался прикоснуться к бутылке, но Эльфвина и Ривен ему не позволили.

Покидая подземелье, Джинкс чувствовал, как сила, которая связывала бутылку Симона с той, что осталась на столе, слабеет, слабеет… И наконец их связь прервалась совсем.

* * *

29 августа. Послезавтра наступит последний день отпущенного Симону срока – день, когда Костоправ, по его словам, найдет для Джинкса другое применение. Джинкс старался не думать – какое.

– Убьет он нас всех, нисколько в этом не сомневаюсь, – сказала Эльфвина.

– У него нет серьезных причин убивать тебя или Ривена, – возразил Джинкс.

– Думаешь, чтобы кого-то убить, ему требуются серьезные причины?

Нет, *так* Джинкс не думал.

Они собрались в его комнате. Бутылка с Симоном стояла на прикроватном столике, а сам он кругами ходил по ее дну.

Эльфвина зачарованно наблюдала за ним.

– Смотрю на него, и у меня мурашки по коже бегают, –

сказала она. – У тебя нет?

– Бегают, – признался Джинкс.

– Он все время так ходит?

– Иногда останавливается или садится. Потом опять начинает.

– Тебе, наверное, трудно засыпать по ночам.

– Нет, я на него носок надеваю и сую под кровать.

– Как по-твоему, что произойдет, если ты откроешь бутылку?

– По-моему, это очень дурная идея.

– Я тоже так думаю, – согласилась Эльфвина. – Ее закрыли магией, значит, и открывать нужно с помощью магии. Да еще и не любой, а только одной, правильной.

Джинкс задумался о чарах, которые наложил на него Симон. Что действительно лишало Джинкса сна, так это мысли о себе, засунутом в спрятанную неведомо где бутылку и бегающем в ней по кругу, как Симон. И мысли эти внушали ему желание спустить бутылку с Симоном с обрыва и посмотреть, как она разобьется о камни.

Ну и приближение последнего назначенного Костоправом срока тоже крепкому сну не способствовало.

– Нам еще повезло, что Костоправ не спускался пока вниз, проверить, на месте ли бутылка, – сказала Эльфвина.

– Может, Костоправ нечасто ее проверяет, – сказал Ривен. Он сидел на столике, и на губах его играла улыбочка человека, знающего какую-то тайну. Джинкс очень старался не раздражаться по этому поводу.

– Пожалуй, я могу внушить двери, что теперь я – самый главный, и тогда дверь его не пропустит, – сказал он.

– Тебе не кажется, что с этим он справится без большого труда? – спросила Эльфвина.

– Да, наверное. И к тому же поймет, что мы спускались в подземелье.

– Так или иначе, у нас осталось всего два дня, – заметил все с той же противной улыбочкой Ривен.

– Завтра и послезавтра. На самом деле, один. Сами понимаете, он может убить нас утром тридцать первого. – Эльфвина вздохнула. – Правда, судя по его речам, он все еще ожидает Симона. Как по-твоему, Джинкс, Симон появится?

– Да что-то не похоже, верно? – ответил Джинкс. – Послушайте, ребята, вам лучше спуститься по обрыву, оставить меня одного.

– Я уверена, ты тоже сможешь, – сказала Эльфвина без какой-либо уверенности в голосе. – Ну, хотя бы попробуй, Джинкс.

Улыбка Ривена расползлась от уха до уха:

– Вообще-то, госпожа моя, ему и пробовать не нужно.

Он вытащил из кармана маленькую серебряную шкатулку и широким жестом опустил ее на кровать.

Эльфвина приподняла крышку шкатулки.

– Ой!

Джинкс, склонившись к шкатулке, увидел, что она выстлана черным бархатом, на котором покоится аккуратно сложенная крошечная модель Костяного Моста, сделанная, судя по всему, из связанных ниткой мышиных косточек.

Эльфвина сжала одну косточку большим и указательным пальцами, приподняла за нее модель.

Едва оказавшись вне шкатулки, модель начала разрастаться, и Ривен, быстро протянув руку, вернул ее назад.

– Если дашь мосту разрастись, обратно его не засунешь, – сказал он.

– Где ты это нашел? – спросила Эльфвина.

– В потайном ящичке у задней стенки кухонного буфета, – ответил Ривен. – На ночь опять туда положу, вдруг Костоправ заглянуть в него надумает. Но сами теперь видите, похоже, мост сделан из костей какой-то мелкой зверушки.

– Нет, – сказал Джинкс.

– Нет? – приподнял брови Ривен.

– Уменьшить что-то большое, чтобы спрятать его, можно, – пояснил Джинкс. – Но никаким волшебством нельзя сделать большим что-то малое. Это невозможно. Если попробуешь, оно просто рассыплется. Впрочем, недостатка в больших костях он, как мы видели, не испытывает.

– Выходит, теперь мы можем выбраться отсюда, – сказала Эльфвина. – Привяжем мост к столбикам… ой! Наверное, его и внизу привязывать нужно.

– Это пустяки, – сказал Ривен. – Привяжу наверху, спущусь по обрыву и закреплю мост внизу. Там тоже есть два столбика.

– Тогда все, что нам требуется, – это на время убрать с нашей дороги Костоправа, – задумчиво произнесла Эльфвина.

– Так он каждый день спать ложится, – сказал Ривен.

– На полчаса, – напомнила Эльфвина. – За такое время мост не установишь.

– И бутылки не соберешь, – добавил Джинкс.

Друзья уставились на него.

– Я думаю, если мы возьмем с собой бутылки, – сказал он, – Костоправ не сможет больше использовать их силу. По крайней мере, если мы успеем уйти от него достаточно далеко.

– Это хорошо. Тогда он и новую бурю на нас не нашлет, – обрадовался Ривен.

– По-моему, бури он насылать не способен, – сказал Джинкс. – Но по крайней мере какой-то части силы мы его лишим.

– А кроме того, там же *люди* в бутылках, – сказала Эльфвина. – Пусть даже и мертвые.

– Да, – согласился Джинкс. Он вспомнил ощущение силы, которой повеяло из открытого в первый раз лаза. В ней было нечто… нельзя сказать, что живое, но настоящее, и оно не заслуживало того, чтобы сидеть в темноте под запором и служить Костоправу.

– Хорошо, – сказал Ривен. – Когда Костоправ приляжет вздремнуть, я привяжу мост наверху обрыва, спущусь и закреплю его внизу, а вы тем временем соберете бутылки.

– Тридцати минут на это не хватит, – возразил Джинкс.

Все трое задумались.

– Ты можешь спуститься до того, как он ляжет спать, – сказал, наконец, Джинкс. – Внимания он на твое отсутствие не обратит, ты же все время остров обшариваешь. А когда ляжет, я возьму шкатулку с мостом, привяжу его к двум верхним столбикам и сброшу с края обрыва вниз…

Тут ему пришлось замолчать – тошнота подступила к горлу.

– Возможно, будет лучше, если мост закрепит наверху госпожа.

– А ты в это время соберешь бутылки, Джинкс, – подхватила Эльфвина.

– И все равно нам потребуется больше, чем полчаса, – посетовал Джинкс.

– Это ничего, – сказала Эльфвина. – Я же напою его перед сном поссетом.

– Ты что, отравить его собираешься? – несмотря на все черепа и на оплеухи, которыми награждал его Костоправ, от этой мысли Джинксу стало не по себе.

– Нет, я собираюсь сварить сонное зелье.

– А ты знаешь, как его варить?

– Точно не знаю. Но я нашла в одной из книг Костоправа рецепт. И уверена, ты поможешь мне в нем разобраться.

– Только сделать это придется ночью, – сказал Джинкс.

Времени у них оставалось в обрез.

* * *

Ночью занялись зельем. Когда они прокрались вниз, в замке царило безмолвие.

Ривен остался стоять на страже, укрывшись в тенях огромной залы. При первых признаках появления Костоправа он должен был кашлянуть, предупредить Эльфвину и Джинкса, и тогда они… Что сделают? Этого они и сами толком не знали. Покинуть лабораторию Костоправа можно было лишь через дверь.

– Мы могли бы спрятаться в подземелье – где бутылки, – предложила Эльфвина.

Однако ей и самой эта мысль не нравилась. Джинксу тоже.

Эльфвина, заглянув в книгу, сказала:

– Начнем с крови дракона – объемом с куриное яйцо. Ее надо смешать с глазами русалок – ой, мне это совсем не нравится!

– Глаза русалки поступают в продажу после ее смерти от естественных причин, – сказал Джинкс, поднимаясь по стремянке, чтобы снять с полки сосуд. – Или… ну, в общем, после смерти.

Умирать от естественных причин в Урвальде было как-то не принято.

– И кровь дракона тоже? – спросила Эльфвина.

– Они не умирают. Просто на брюхе дракона делают маленький надрез и…

– Кто делает?

– Не знаю. Думаю, сами драконы.

– Они что же, собственной кровью торгуют?

– А почему бы и нет? Это же их кровь.

Джинкс снимал с полки сосуды, один за другим: тертый коготь грифона, крылья нетопырей, шерсть медвелака, сушеные листья ночецветного вьюнка.

Эльфвина уже начала согревать кровь дракона в реторте[24], держа ее над горящей свечой. Свободной рукой она растирала в ступке глаза русалок вместе с листьями вьюнка. Джинкс наблюдал за ней, прислонившись к рабочему столу. Ему казалось неправильным, что она справляется с такими делами гораздо лучше, чем он, проведший половину своей жизни в доме чародея. Впрочем, наблюдать за ее аккуратной, искусной работой было одно удовольствие.

– Ты к Ривену прислушиваешься? – спросила Эльфвина.

– Ага, – ответил Джинкс, совсем об этом забывший.

– Хорошо, – сказала Эльфвина. – Я тоже.

Блям!

Что-то ударило в окно, и ударило сильно. Джинкс крутнулся на месте и увидел бело-зеленую, словно из резины сделанную тварь, которая приникла снаружи к стеклу, раскинув по нему костлявые лапы.

Тварь смотрела на них выпученными желтыми глазами. Рот ее походил на торчавшую из морды трубу, бледные, почти белые

губы то выдвигались вперед, то втягивались, как будто им не терпелось высосать чью-нибудь кровь через глазницы. Внезапно тварь испустила долгий, стонущий вой.

– Это еще что? – спросил, появившись в дверном проеме, Ривен.

– Упырь, – ответил Джинкс.

– Пойдемте-ка в кухню, – сказал Ривен. – Костоправ наверняка услышит его.

Эльфвина задула свечу, они торопливо перебежали залу, а в кухне залезли под стол и стали ждать, прислушиваясь. Упырь взвыл снова. Так воет бурными ночами ветер. Собственно, Джинкс сообразил, что уже слышал этот вой и как раз ветру его и приписывал. Они ждали, когда из залы до них донесутся шаги Костоправа.

Время ползло.

– Он не придет, – в конце концов сказала Эльфвина.

– Пойду, посмотрю, – решился Ривен.

Он покинул кухню – так тихо, что шагов его Джинкс почти не расслышал. Проползли еще несколько минут. Наконец Ривен вернулся и сообщил:

– Храпит.

Джинкс с Эльфвиной возвратились в лабораторию, Ривен вновь занял свой пост.

Пока они работали, упырь прилетал к окну еще дважды. Таращился на них желтыми глазищами, голодно шевелил губами, а Джинкс в это время гадал, насколько прочно оконное стекло.

– Пожалуйста, подержи это, взбалтывая, над свечой, – попросила Эльфвина, протянув ему зажим со склянкой.

Джинкс начал потряхивать ею над пламенем – не сильно, ровно настолько, чтобы перемешивалась жидкость.

– Проще было бы отравить его, – пробормотал он.

– Сам же говорил, что так поступить мы не можем.

– Не можем, конечно, – согласился Джинкс.

– Потому что станем тогда ничем не лучше его, – добавила, уже протирая рабочий стол, Эльфвина.

– Я знаю. Просто сказал, что отравить его было бы проще, вот и все.

– Ну, это все равно не получилось бы, потому что он иногда спрашивает у меня, не отравлено ли питье.

– Что?

– Когда я приношу ему поссет, он время от времени спрашивает, нет ли там яда.

– Вот как, – Джинкс подумал немного и спросил: – Но тогда тебе придется, если он спросит, и о сонном зелье ему сказать,

ведь так?

– Нет, потому что сонное зелье – не яд, – ответила Эльфвина. – А про само сонное зелье он никогда не спрашивает. По-моему, оно готово.

Джинкс снял склянку с пламени. Из нее пахнуло гниющим илом.

– По-твоему он станет пить то, что так воняет?

– Станет. Поссет перебьет и запах, и вкус – я его специально покрепче завариваю.

Она вручила Джинксу пузырек, в который он аккуратно перелил содержимое склянки.

Упырь снова влепился в окно, однако они уже привыкли к нему. И даже не подскочили на месте.

* * *

В лаборатории Джинкс был один. Он принес сюда заплечные мешки – свой, Эльфвины и Ривена, – а заодно и пустой дерюжный мешок из кухни. Пора было собирать бутылки. Ривен уже спустился с обрыва. Эльфвина напоила Костоправа зельем и вышла с Костяным Мостом в кармане из замка.

Чтобы снять каменную плиту с лаза, Джинксу пришлось вобрать в себя силу стоявших внизу бутылок. А он этого терпеть не мог.

Он достал из кармана Симона, поставил его бутылку на пол у лаза, – а то еще выпадет при спуске или подъеме. Бросил в лаз мешки и спустился вниз. В холодном безмолвии прохода ему стало казаться, что во всем мире только он один и остался.

В желтом пламени свечи люди, подвешенные в бутылках, были похожи за искривленным стеклом на собственные тени. Перекладывая бутылки одну за другой в мешки, Джинкс старался на них не смотреть. Он чувствовал, как мертвенная сила проникает в него. Может быть, даже пытается его использовать.

Бутылки позвякивали одна о другую. Джинкс работал, стараясь делать это как можно быстрее и тише. Он знал, что, благодаря зелью Эльфвины, время у него есть, но заставить себя поверить в это не мог.

Наконец была уложена последняя бутылка. Джинкс поднял свой мешок, повесил его на спину. Продел руки в лямки мешка Ривена и пристроил себе на грудь. Потом взял в левую руку мешок Эльфвины, а в правую дерюжный – *дзынь.* Сделал один шаг. *Дзынь, дзынь.* Еще один, очень осторожно. Бутылки позвякивали, дребезжали. Джинкс остановился, опустил два

мешка на пол.

Он взглянул на бивший из лаза луч света. Дело было не только в шуме – как он полезет по лестнице с таким грузом?

И тут из лаборатории донеслись чьи-то шаги.

Джинкс замер. Лаз открыт, не заметить его невозможно. А рядом с ним стоит бутылка, в которой Симон.

Шаги приблизились к лазу, чья-то тень заслонила свет. И этот кто-то начал спускаться по лестнице.

– Ты чего так долго? – спросила Эльфвина.

– От мешков слишком много шума, – ответил Джинкс.

– Так подними их наверх.

– Как? Я не могу использовать силу, она меня злом наполняет. Кончится тем, что я стану таким же, как он.

– Ты таким не станешь. Тем более от простого подъемного заклинания. Да и оно понадобится лишь до тех пор, пока мы не спустимся с острова.

Джинксу эта мысль не нравилась, но, судя по всему, обойтись без заклинания было нельзя. Он впитал в себя силу бутылок – и кости его наполнил холод. Нет, понял он, «зло» – неверное слово для описания этой силы. Походило больше на то, что она была… повреждена. Искорежена. Он поднял мешки над полом.

– А теперь заставь их проплыть сквозь лаз, – сказала Эльфвина.

– Я знаю, что делать, – огрызнулся Джинкс. – Можешь мне не указывать.

Теперь мешки ничего не весили и, плывя над полом прохода, шума почти не создавали. Дойдя до луча света, Джинкс послал их наверх, и они скрылись из глаз, – до сих пор он никогда не творил волшебство, не глядя. Для этого ему потребовалось набрать еще больше холодной мертвенно-живой силы.

Эльфвина шла за ним со свечой. Они поднялись по лестнице. Наверху их ожидали, вися в трех футах[25] над полом, четыре мешка. Джинкс подобрал оставленную у лаза бутылку с Симоном и шепотом сказал:

– Костоправа пока не видно.

– Конечно. Зелье свалило его с ног на несколько часов.

Джинкс подтолкнул мешки по воздуху. Время от времени одна из бутылок звякала, ударяясь о другую, и каждый раз Джинкс замирал, прислушиваясь. Эльфвина верила в сонное зелье куда больше, чем он.

Дверь замка заскрипела – слишком громко. Пройдя в нее, Джинкс увидел аккуратно привязанный к каменным столбикам Костяной Мост. Привязанный Эльфвиной, никогда прежде этого не делавшей. До сих пор его закреплял Костоправ, знавший, надо

полагать, правильные узлы.

– Все будет хорошо, Джинкс. Не бойся.

– Я не боюсь.

– Ты дрожишь.

– Ничего я не дрожу!

Они стояли у верхней точки моста, за спинами их висели в воздухе четыре мешка. Бутылка Симона была крепко зажата в кулаке Джинкса.

– Я не высоты боюсь, – объяснил Джинкс. – Это мне обрыв на нервы действует.

– Я пойду первой, – сказала Эльфвина. И протянула руки к двум мешкам.

– Нет, мешки возьму я, – сказал Джинкс.

– Ты с четырьмя не справишься.

– Еще как справлюсь. Они же ничего не весят.

– Ну, по крайней мере, Симона мне отдай.

Она взяла из руки Джинкса зеленую бутылку, повернулась спиной к реке, ухватилась за веревки и начала спускаться по Костяному Мосту. Тот закачался, отчего Джинкса сразу же стало подташнивать.

Пора было последовать за ней. Джинкс снова повесил один мешок на спину, а другой на грудь. Те, что остались в воздухе, тихо подплыли к нему. Лямку заплечного он пристроил на плечо, дерюжный забросил за спину.

Эльфвина уже проделала четверть пути, упираясь ступнями в кости, висевшие в пустоте. Джинкса совсем замутило, и он отвел от нее взгляд. *Ничего. Я справлюсь.* Он положил ладонь на один из каменных столбиков.

Дверь за`мка заскрипела, отворяясь.

И в тот же миг Джинкс ощутил тяжесть мешков – они больше не плавали в воздухе. Джинкс обернулся. По ступеням замка спускался Костоправ.

– Так-так, – сказал он, приближаясь к Джинксу. – Уходите, не попрощавшись?

Джинкс раскинул руки, чтобы не подпустить Костоправа к мосту. Сам он стоял слишком близко к краю, да еще и спиной к нему. Он слышал, как постукивают кости, по которым спускалась Эльфвина, но об опасности не думал.

– С дороги, щенок! – Костоправ схватил Джинкса за плечи и отбросил в сторону.

Джинкс упал на спину и услышал, как под ним захрустело стекло. Прозрачная дымка выскользнула из мешка на спине и потекла, колыхаясь, по воздуху. Костоправ шагнул к мосту. Джинкс с трудом поднялся на ноги и почти упал на Костоправа,

схватив его за руку. Тот повернулся, ударил Джинкса в лицо. Но Джинкс его руку не выпустил. Он рывком оттащил злого чародея от моста. Оба повалились на землю.

Пальцы Джинкса впивались в руку Костоправа что было сил, а тот продолжал наносить ему удар за ударом. А затем Джинкс почувствовал, что не может пошевелиться, – что одежда его заморожена. Но все равно не отпускал Костоправа. И наконец, тот вцепился в его ладони и сжал их так, что Джинкс почувствовал, как затрещали его кости. Вскрикнув от боли, он отпустил руку чародея.

– Джинкс! Что случилось? – услышал он долетевший снизу голос Эльфвины.

– Эльфвина! Беги! – завопил Джинкс.

Костоправ вскочил на ноги, повернулся к мосту. Одежда Джинкса осталась замороженной, хоть чародей и не смотрел на него. Кости внизу застучали не так, как прежде, – Эльфвина поднималась к краю обрыва. Неужели она до сих пор не увидела Костоправа? Не понимает, что сама идет ему в руки?

Джинкс чувствовал, как Костоправ вытягивает из бутылок силу, потребную для того, что он собирался сделать с Эльфвиной, – возможно, убить ее. Засунуть жизнь девочки в бутылку и забрать ее кости.

«Не позволяй ему сделать это», – сказала Джинксу упрятанная в бутылки мертвенно-живая сила. Она тянулась к нему, как и прежде. Джинкс ухватился за то, что в ней было живого, и отнял эту часть силы у Костоправа.

Ее стало меньше – из-за разбитых бутылок. Джинкс разморозил свою одежду, – сила сама показала ему, как это сделать, – встал, схватил оброненный мешок с бутылками и замахнулся, метя в голову Костоправа.

Костоправ увернулся, поднял руку и снова потянул к себе живую силу бутылок. Но Джинкс изо всей мочи удерживал ее.

– Ты не сможешь забрать мою силу! – закричал Костоправ.

– Еще как смогу!

Впрочем, Джинкс чувствовал, что сила понемногу покидает его, возвращаясь к Костоправу. Живая часть ее старалась остаться с Джинксом, однако она была слишком крепко привязана к мертвой, а мертвая принадлежала чародею. И сила ускользала от Джинкса, – проклятье, ему не хватало необходимых знаний, чтобы удержать ее! Такого опыта, как у Костоправа, он не имел, не знал даже, что подобная борьба за силу вообще возможна. Он тянул и тянул силу к себе, но это походило на попытки удержаться на намыленном канате. Еще минута – и Костоправ полностью овладеет силой и ударит ею по Джинксу, а потом

займется Эльфвиной…

– Костоправ! – Эльфвина поднялась на обрыв и пошла на чародея, подняв правую руку со сжатым кулачком. В левой она держала бутылку с Симоном.

Внимание Костоправа на секунду отвлеклось, и этого хватило, чтобы волшебная сила вернулась к Джинксу. Джинкс лихорадочно пытался придумать, как ее применить – *быстрее, у тебя достаточно силы на…* на что? Этого он не знал и потому просто поджег одежду Костоправа.

Впрочем, не только одежду. Казалось, загорелся сам воздух, и весь остров охватило ревущее оранжевое пламя. Самого же Джинкса обжег ужас – ведь огонь спалит и одинокую, узловатую сосну, так и не научившуюся говорить. Нет, убить дерево он не может. Не говоря уж об Эльфвине. Джинкс погасил пламя. Все продолжалось меньше секунды. И Джинкс мгновенно ощутил скользящий рывок – Костоправ отнял у него холодную силу.

Мантия чародея почернела, обратилась в пахнущее гарью тряпье, борода и волосы на голове дымились. За его спиной замерла опаленная Эльфвина.

Джинкс увидел в глазах чародея свою смерть. Костоправ шагнул к нему, поднимая руки, чтобы сотворить заклинание. Джинкс попятился.

– Не думаю, что Симон придет за тобой, – сказал Костоправ. – А сам ты, лишенный жизни, никакой ценности для меня не представляешь.

– Я полы хорошо мету, – ответил Джинкс.

– Знаешь, ты мне надоел.

Костоправ сделал еще один шаг вперед. Джинкс – шаг назад.

У него оставались два мешка с бутылками: один на груди, другой в руке. В наспинном позвякивало разбитое стекло. Надо бы бросить тот, что в руке, в Костоправа. Сейчас же. Большого проку от этого не будет, но бросить надо, потому что Костоправ, того и гляди, убьет его.

Он попытался впитать в себя закупоренную в бутылках силу, но не смог. Костоправ уже крепко держал ее в руках. Единственное, что осталось Джинксу – пасть в бою. Он покрепче сжал мешок и сделал, чтобы как следует замахнуться, еще один шаг назад, большой…

Большой шаг в пустоту.

Глава двадцать вторая
Вид сверху

Джинкс стремительно летел вниз. Ветер свистел в его ушах, он слышал чей-то крик – может быть, Эльфвины, может быть, свой собственный. Потом ему показалось, что он получил страшный удар – по всему телу сразу.

Больно было лишь секунду, и вот он уже взвился в воздух, ничуть не испуганный. Ха, а высоты-то он и не боится! Только обрыва – вот этого – и на то у него имеется основательная причина. Вокруг него текли вверх струйки дыма, одна за одной, – чьи-то жизни, вырвавшиеся на волю из разбитых бутылок.

Костяной Мост загромыхал, – это Эльфвина торопливо спускалась по нему, преследуемая куда более медлительным Костоправом. «Почему он не обездвижит ее?» – подивился Джинкс. Поднимавшиеся в небо мертвые жизни ответили:

– Он не может. Мы же получили свободу.

Сила Костоправа покидала его – вместе с этими жизнями. У него осталась лишь та, что крылась в Симоне, в бутылке, которую держала в руке Эльфвина.

Ривен бежал к мосту – видимо, он уже успел забрести куда-то

дальше, изучал окрестности. Похоже, с того мгновения, когда Костоправ вышел из замка, прошло не больше минуты.

Эльфвина запнулась и сорвалась с моста, заскользила по нему вниз. И, отчаянно пытаясь снова ухватиться за кости, уронила бутылку.

Бутылка полетела к земле.

Эльфвина проскользила несколько футов и едва не слетела с моста, но все же успела ухватиться за какую-то кость и остановиться. Она взглянула вверх – Костоправ по-прежнему следовал за нею. Девочка отыскала ногой опору и продолжила спуск. Джинкс подлетел к Костоправу, преградил ему путь, надеясь остановить чародея. Но тот прошел сквозь него, словно одолевая сопротивление глубокой воды. И Джинкса охватило какое-то муторное, зыбкое ощущение.

Бутылка с Симоном внутри все еще падала. Джинкс подлетел к ней, попытался схватить – и вроде бы схватил. Однако бутылка, медленно переворачиваясь, пролетела сквозь его руку.

Не сбавлявший ходу Ривен успел оказаться прямо под ней, поймал ее и, даже не осмотрев, сунул в карман. Эльфвина, наконец, соскочила с моста на землю, и Ривен поспешил к ней.

Джинкс смотрел, как Ривен с Эльфвиной бегут, расплескивая воду, к его телу, – это ведь его тело валяется там, верно? Смотреть на него было неприятнее, чем в тот раз, когда его убивал Симон. Как-то странно оно изогнуто…

Эльфвина плакала, лицо Ривена побелело. Джинксу стало жалко обоих. Ему захотелось сказать друзьям: не терзайтесь, я здесь, над вами, все хорошо, – он и попытался, но обнаружил, что не способен издать ни звука. Тогда он взлетел повыше и увидел за островом Костоправа, несущуюся меж берегов реку. Две человеческие фигуры бежали вдоль берега к острову. Вернее, бежала одна – другая перемещалась гигантскими скачками.

Джинкс полетел назад, предупредить Эльфвину и Ривена, что к ним приближается кто-то еще. Ривен как раз снял с его тела ладони. Костоправ спускался по Костяному Мосту – медленно, задом, аккуратно переставляя ноги, чтобы те не соскальзывали с костей. Пора бы Эльфвине и Ривену убраться отсюда. Да и ему, Джинксу, тоже – но как? Он ведь теперь сам по себе, а тело его – само по себе.

– Бегите! – крикнул Джинкс. Вернее сказать, попытался крикнуть, но не смог издать ни звука.

Ривен распрямился, уперся ладонями в колени, и на них остались два багровых отпечатка. Он поднял взгляд вверх, на Костоправа, и глаза его были холодны, как алмазы.

– Я убью тебя, гнусный мерзавец! – совершенно спокойно

произнес он и, встав с земли, направился к мосту.

Неужели он собирается подняться к Костоправу и сразиться с ним в воздухе? Это наверняка закончится плохо. Джинкс стремглав спикировал вниз, раскинул руки, чтобы остановить Ривена. Однако Ривен прошел сквозь него. И снова у Джинкса возникло зыбкое ощущение – как будто он был водой, что шла волнами, завивалась за спиной вошедшего в нее Ривена.

– Ривен, стой! – закричала Эльфвина.

Джинкс попытался остановить и девочку, хоть знал уже, что сможет лишь немного замедлить ее движения. Эльфвина сделала шаг – и вдруг замерла точно внутри него. Джинкс трепетал и бурлил вокруг нее, не способный собраться, сосредоточиться. Все, что происходило после, воспринималось как смазанные, подернутые рябью образы, а голоса звучали, точно под водой.

Ривен снял со спины прикрепленный ремнями топор, раскрутил его над головой и перерубил веревки, которыми крепился Костяной Мост. Тот заколыхался в воздухе, словно жутковатая лента, и с размаху врезался в обрыв. Костоправ получил хороший удар, но кость, за которую в этот миг держался, из рук не выпустил.

На другом берегу показались, крича, два человека.

– Джинкс! – один из них был Симон. Он бросился вброд через мелкий рукав реки к лежавшему на камнях телу Джинкса.

Маслобойка Дамы Гламмер совершила могучий прыжок и приземлилась рядом с Эльфвиной, сама же Дама сквозь взбаламученные волны, в которые превратился Джинкс, протянула руки к внучке. Прижав Эльфвину к себе, Дама Гламмер скакнула туда, где у тела Джинкса стоял на коленях Симон.

Теперь Джинкс снова обрел способность видеть и слышать все ясно. Он подплыл к людям, окружившим тело, и, наконец, разглядел его. Зрелище оказалось не из приятных.

Лицо у Симона было цвета пергамента, – наверное, боль от раны продолжает мучить его, подумал Джинкс.

– Боюсь, здесь уже ничего сделать нельзя, – сказала Дама Гламмер.

Симон обернулся к ней:

– Заткнись! Если бы ты не послала его сюда…

– Манеры, Симон, манеры, – это был голос Костоправа. – Разве я не объяснял тебе множество раз, насколько важны хорошие манеры?

Он висел, вцепившись в бедренную кость, на мосту, в тридцати футах[26] над их головами. Мост свисал вдоль стены обрыва, как веревочная лестница.

– Заткнись и ты, – ответил Симон. – Тобой я займусь попозже.

– Не понимаю, чем ты расстроен, – сказал Костоправ. – У тебя же осталась бутылка с его жизнью, не так ли? Хотя, должен сказать, я никогда не думал, что ты сумеешь справиться с таким сложным заклятием, Симон.

– Нишкни!

На Костоправа Симон не смотрел, он не сводил глаз с Джинкса, которого это немного смущало, поскольку тело его выглядело не лучшим образом. Джинкс предпочитал смотреть на кого угодно, только не на себя – на Даму Гламмер, стоявшую в своей маслобойке, на Костоправа, висевшего на мосту, на Эльфвину, которая вглядывалась в лицо Симона так, словно пыталась понять, такой же ли он злой, как Костоправ, на Ривена, который стоял с топором в руках прямо за спиной Симона…

Джинкс опять попытался закричать, увидев, как Ривен заносит топор над головой. Но никто его не услышал – кроме Дамы Гламмер, тут же оторвавшей взгляд от тела.

Джинкс, бросившись вперед, попытался оттолкнуть Симона, но оказался внутри чародея и перед глазами все опять замутилось. Сквозь затылок Симона он видел, как неторопливо опускается поблескивающее лезвие топора, и ощущал совершенную беспомощность.

Палка Дамы Гламмер хлестнула по рукам Ривена. Топор пролетел по воздуху несколько ярдов и рухнул наземь.

Симон, круто поворотясь, заморозил одежду Ривена. Затем встал, шагнул, освободив Джинкса, к Ривену и ухватил его за ворот:

– Кто ты?

– Он не может этого сказать, – ответила за Ривена Эльфвина.

– Конечно, могу. Я Ривен. Убери руку, злой чародей.

– О небеса, даже если он *злой,* он всего только Симон, – сказала Дама Гламмер. – И рубить его топором ты не вправе.

– Ты *злой,* Симон? – спросила Эльфвина.

– Нет, конечно, – резко ответил Симон. – Скажи, девочка, это не одеяла там лежат?

– Одеяла.

– Принеси их.

Взгляд Эльфвины так и остался недоверчивым, но одеяла она принесла.

– Ты собираешься похоронить в них Джинкса?

– Разумеется, нет! Сложи каждое вдвое и расстели по земле.

– Зачем? – спросила Эльфвина.

– Ты когда-нибудь делаешь то, что тебе говорят?

– Случается, – сказала Эльфвина. – А ты не собираешься разморозить Ривена?

– Нет, потому что он может снова попытаться убить меня.

Дама Гламмер слушала их разговор с большим удовольствием.

– Возможно, если ты попробуешь объяснить птенчику, что происходит, ему расхочется превращать тебя в филе.

Симон бросил на нее неприязненный взгляд.

– Послушай, мальчик…

– Ривен, – сквозь стиснутые зубы поправил его Ривен.

– Хорошо, Ривен. Я пришел не для того, чтобы навредить кому-то. И не собираюсь никому вредить, при условии, что на меня не будут кидаться с топорами. Устроит тебя это?

– Ты убил Джинкса, – сказал Ривен.

– Вот уж чего я не делал.

– Доверьтесь Симону, утятки, – сказала Дама Гламмер и пощекотала Ривена под подбородком, пользуясь тем, что он не мог увернуться. – Не на долгий срок, разумеется. Сейчас, в сей момент, он ничего дурного не замышляет.

Тут только Симон заметил бутылку, торчавшую из замороженного кармана Ривена, вытащил ее, на миг вгляделся в себя, крошечного, и сунул бутылку в свой карман. И направился к топору. А Джинкс увидел, что к Ривену вернулась свобода движений.

– Поторопись, расстели одеяла, – сказал Симон. – Сделай из них тюфяк.

– Ты когда-нибудь произносишь слово «пожалуйста»? – поинтересовалась Эльфвина.

«Нет, – сообразил вдруг Джинкс, – не произносит. Но не потому, что он злой, а просто потому что грубый».

Симон сунул топор под мышку, опустился на колени и помог Эльфвине сложить из одеял что-то вроде тюфяка длиной в рост Джинкса. Ривен тоже взялся помогать им, что, впрочем, не мешало ему метать в Симона гневные взгляды. Дама Гламмер, не покидая своей маслобойки, осталась наблюдать за ними.

– Теперь нужно подсунуть тюфяк под Джинкса, постаравшись как можно меньше потревожить его, – сказал Симон.

– О, ты заставил их затвердеть, – заметила Эльфвина. – Это то же заклинание, что и для одежды?

– Да, – ответил Симон. – Так вот, я приподниму… Джинкса, а вы как можно быстрее подтяните под него одеяла, но только не прикасайтесь к нему.

Джинкс подлетел поближе, чтобы лучше видеть. Симон сосредоточился, нахмурившись. Он собирался творить магию над живым человеком, ведь так? А она самая трудная.

«Хотя, – подумал Джинкс, взглянув на себя, – разве это –

живой человек?»

В первый миг не произошло ничего. Джинкс чувствовал, что Симон пытается притянуть силу, которой здесь не было. Потом он достал из кармана бутылку с самим собою внутри. Покривился, увидев свою плененную жизнь, – *сила и сосредоточенность,* вспомнил Джинкс. Симон берет в подспорье свою упрятанную в бутылку жизненную силу. *А ты бы так смог?*

И внезапно Джинкс понял, что научился чувствовать, какую силу использует чародей.

Симон пытался расшевелить ее, сидящую в бутылке, однако она была вялой, неподатливой, и потому Джинкс ссудил ему свою, пусть и малую. Часть этой силы была порождена его собственной… ну, в общем, смертью. Часть исходила от освободившихся мертвых жизней, – некоторые из них еще оставались поблизости, медленно возносясь в небеса. Джинкс позаимствовал ее, как когда-то заимствовал силу Урвальда, только эта была чуть более скользкой, увертливой.

Симон, похоже, испугался. Он уставился точно туда, где плавал в воздухе Джинкс, и на секунду тому показалось, что чародей способен видеть его. Но тут Симон тряхнул головой, собрал воедино полученную от Джинкса силу и направил ее на тело, лежавшее на камнях.

По телу пробежала легкая дрожь, как по ткани, плавающей на поверхности воды, затем оно поднялось на несколько дюймов в воздух. Эльфвина подсунула под него тюфяк, на который тело мягко опустилось.

Теперь Симон поднял в воздух тюфяк вместе с телом. Потом распрямился, вынул из-под мышки топор.

– Похоже, тут образовался силовой вакуум[27], Костоправ, – сказал он.

– Правда? Я не заметил.

– Что-то уничтожило почти всю силу, какая у тебя была. Не хочешь сказать мне – что?

– Чушь. Просто я нашел способ скрывать и оберегать мою силу, – сказал Костоправ. – Будь ты искусным магом, тебе это тоже удавалось бы.

– Да что ты! – отозвался Симон. – А откуда здесь столько битого стекла? Похоже на бутылочное.

Рука его опустилась в карман, сжала там бутылку. Он повернулся к Эльфвине.

– Возьми… Джинкса и уходи по ущелью. Я тебя нагоню.

– Ты собираешься оставить Костоправа так и болтаться в воздухе? – сердито спросила Эльфвина. – Он же Джинкса убил!

– Что я собираюсь сделать, тебя не касается. Забирай

Джинкса и будь с ним до крайности осторожна. А ты помоги ей, мальчик. Ступайте.

Ривен скривился, но коротко кивнул. Они с Эльфвиной положили с двух сторон ладони на тюфяк и двинулись вброд через реку; тюфяк легко заскользил по воздуху между ними. Дама Гламмер оттолкнулась палкой от земли и единым махом перескочила на другой берег.

А сам Джинкс остался плавать в воздухе между стоявшим на земле Симоном и висевшим, вцепившись в поврежденный мост, Костоправом. Неужели Симон и вправду убьет его?

Симон достал из кармана мелок и принялся рисовать на камнях символы. А покончив с этим, вынул из кармана немного сухих листьев и разбросал их по земле.

– Ты что же, тоже жизненной силой мальчика пользуешься? – спросил, разглядывая рисунки Костоправ. Судя по тону, происходившее вызывало у него лишь очень умеренный интерес.

– Помалкивай.

Симон пошел по каменистому берегу в обход острова. Джинкс последовал за ним, питая чародея силами еще остававшихся в воздухе жизней и своей смерти.

Через каждые пятьдесят шагов Симон останавливался, снова вычерчивал символы и рассыпал листья. Бутылку с собственной жизненной силой он все это время крепко сжимал в кулаке. Джинкс ощущал мощь, исходившую от рисунков и листьев, и подозревал, что чародей тоже чувствует силу, которую отдает ему его ученик, – Симон несколько раз бросал взгляд в его сторону, однако так ничего и не увидел.

Когда они, обогнув остров, возвратились к мосту, Костоправ по-прежнему стоял на одной костяной перекладине, обхватив руками другую. При их появлении он освободил одну руку, ткнул ею в воздух. Нахмурился, выставил перед собой ладонь, толкнул пустоту. Джинкс увидел, что ладонь и пальцы Костоправа расплющились, словно прижавшись к стеклу.

– Думаешь, это меня удержит? – спросил Костоправ.

Симон гневно смотрел на него.

– Ты делал с ним что-нибудь? Помимо того, что столкнул с обрыва? Что-нибудь с его жизнью – такое, о чем мне следует знать? Лучше скажи сейчас.

– Иначе – что?

«Да уж, – подумал Джинкс, – когда чародей болтается в воздухе на сломанной веревочной лестнице, да еще и окружен незримой стеной, но при этом способен дерзко спросить „Иначе – что?“ – это, хочешь не хочешь, а производит впечатление».

– Иначе я оставлю тебя здесь помирать с голоду, – ответил

Симон.

– Задумано неплохо, Симон, – похвалил Костоправ. – Но ты просто-напросто не можешь позволить себе это.

– Смотри не просчитайся.

– Ты вспомни, что у тебя в бутылке. На мальчишку тебе больше рассчитывать нечего, верно? Я только потому спрашиваю, что провел с ним некоторое время. Чародеем он был бесталанным, ведь так?

– Просто скажи, делал ты с ним что-нибудь или не делал?

«Если учесть, каким он меня только что видел, – подумал Джинкс, – вопрос этот выглядит несколько странно».

– Боюсь, тебе придется выяснить это самостоятельно, – ответил Костоправ.

– Попробую, – сказал Симон. – Так или иначе, а я еще вернусь.

– И девицу с собой приводи, – согласился Костоправ. – Она всегда будет здесь желанной гостьей.

* * *

Над Урвальдом Джинкс никогда еще не летал.

Он увидел лес как бесконечное зеленое пространство похожих на облака древесных крон, расходящееся во всех направлениях к горизонту. Взлетел повыше, – горизонт отдалился, – однако ни одного места, лишенного деревьев, такого, где могли бы жить короли, все равно не нашел.

Джинкс ощущал упоительную свободу.

Он пронесся над рекой и увидел, как Костоправ медленно и трудно поднимается по стене обрыва. Джинкс полетел назад, на поиски своих друзей. Они шли по тропе, печальные и безмолвные, и Джинкс заскучал и снова вознесся над Урвальдом.

Когда наступила ночь, древесный простор оделся тенью и потемнел, очерченный лишь серебром звездного света. Словно какие-то узы связывали Джинкса с деревьями, и он вдруг осознал, что может слышать через них всю укрытую далеко внизу паутину корней.

Ужас так и остался здесь. Конечно, следовал за Ривеном – с его разговорами о рубке леса и продаже древесины в Самарру. Однако проникал он сюда и извне, сквозь невидимые отсюда границы Урвальда. Кто-то валил деревья на самом краю леса. И Джинкс понял, что в сознании Урвальда это тоже связано с Ривеном, – что ему дана власть расширить вырубку и распространять ее до тех пор, пока от Урвальда ничего не

останется.

Деревья скорбели об этом, как скорбели они и о Джинксе. *Слышащий мертв* – эта весть, передаваемая шепотом ветвей, спускалась к корням.

«Но ведь я не мертв, – думал Джинкс. – *Я все еще здесь».*

Разве не должен он был, умерев, попасть… ну, куда-то в другое место? Увидеть похищенную эльфами мать, убитого волколаками отца?

Куда после смерти отправляются люди? Вроде бы никто, кроме него, над вершинами Урвальда не летает. С другой стороны, пытаясь оглядеть себя, он ничего не видит. Или от него остались только глаза? Но тогда здесь должны плавать и чьи-то еще глаза.

Последняя из плененных Костоправом жизней давно улетела. Джинкс не знал, куда они направились, да, собственно говоря, и следовать за ними никакого желания не имел.

Он улетал все дальше и дальше, надеясь найти кого-нибудь из умерших. С такой высоты напасти Урвальда не разглядишь. Где-то среди деревьев таились тролли, огры, волколаки, но где –

отсюда не скажешь. Отсюда и прогалины-то толком не видны.

Всё и вся здесь было Урвальдом. И Джинкс не чувствовал одиночества, потому что был связан с каждой его частицей.

Но вдруг эта связь прервалась, потому что на Джинкса накатила паника – он напрочь перестал понимать, где находится. Не знал даже, летел ли он от своего тела на восток или на запад, на север или на юг – и долго ли, и как далеко забрался.

Может, это было совсем уже и не важно, однако чувства Джинкса говорили ему иное. Он хотел знать, где его тело, куда оно направляется и где ему самому надлежит быть.

Восход солнца застал его врасплох. Небо полиловело, потом стало золотисто-розовым. Над горизонтом проглянула полоска алого серебра, вскоре выросшая в огненный шар, и птицы засвиристели и радостно раскричались, празднуя его появление. Джинкс никогда еще такого не видел и понял теперь, почему Ривен скучал по восходам.

Солнце избавило его от паники, он успокоился и снова стал слышать деревья. Используя нить их мыслей как путеводную, он отыскал тропу, по которой шли, сопровождая его тело, четыре человека.

* * *

К полудню они, проведя на ногах всю ночь, достигли дома Симона. Эльфвина и Ривен остановились на краю прогалины – увиденное привело их в смятение. Джинкс понимал, о чем они думают. Слишком уж походил каменный дом Симона на замок Костоправа. Друзья его посмотрели друг на друга и оглянулись на лес. Но все же вошли вслед за Симоном, Дамой Гламмер (она оставила маслобойку у двери) и телом Джинкса в дом.

– Съешьте что-нибудь, – велел Симон. – Вы все. Поищи какую-нибудь еду, Дама.

– А нельзя ли нам помочь тебе… – начала Эльфвина.

– Нет! Делай, что тебе говорят, – и Симон подтолкнул тело Джинкса в направлении южного крыла.

Эльфвина потянулась было за ним, но Симон обернулся и одарил ее таким взглядом, что Джинкс подивился, как это она не обратилась прямо на месте в жабу. Симон вошел в южное крыло и захлопнул за собой дверь.

Для Джинкса дверь препятствием не была, – он просто проплыл сквозь нее. Посмотрел, как Симон с помощью нескольких быстрых заклинаний прибрался в мастерской, как подмел пол – внезапно поднявшимся ветерком, который скатал

всю пыль в шарик и выбросил в окно.

Симон опустил тело на пол в самом центре мастерской. Снял с полки книгу в красном кожаном переплете. Растолок в ступке травы. Среди них Джинкс узнал те самые, смердевшие предательством корешки. Затем чародей достал из сосуда кусок мела и стал чертить символы, окружая ими тело Джинкса. Некоторые он перерисовывал по два, а то и по три раза. Ясно было, что Симон никогда не делал того, что собирался сделать, и не был по-настоящему уверен, что у него это получится.

Все это заняло немалое время. Джинкс заскучал. Он подплыл к окну, вылетел сквозь него на свет летнего дня. Вознесся над вершинами деревьев и снова увидел зелень, уходившую во все стороны к горизонту.

Ему было спокойно здесь… вот только Ужас тревожил его. И рубка леса, которая будет продолжаться, пока все не исчезнет. Не останется больше деревьев, – а значит, и живущих под их сенью людей и тварей.

Джинкс вернулся на прогалину и снова влетел сквозь окно в мастерскую.

Туда вошла кошка, обнюхала тело Джинкса.

Симон сгреб ее за загривок.

– Джинкс тебе не пара, – сказал он и выбросил кошку в коридор.

Глава двадцать третья
Противусолонь [28]

Поднявшись по лестнице, что вела в его спальню, до тринадцатой – считая снизу – ступеньки, Симон опустился на колени, коснулся ее и произнес незнакомое Джинксу слово. Послышался щелчок, затем стрекот отпирающегося замка, и ступенька поднялась в воздух. Симон опустил руку в полость под нею и достал оттуда зеленого стекла бутылку, которую Джинкс едва успел узнать – чародей тут же сунул ее в карман.

«Выходит, он попирал мою жизнь ногами», – гневно подумал Джинкс. Симон же опустил в хранилище бутылку с собственной жизнью и запер его.

И пошел в кухню.

– Значит, так. Мне понадобится ваша помощь – всех вместе.

– Ты собираешься вернуть в Джинкса его жизнь? – спросила Эльфвина.

– Ту, что спрятал в бутылку, – добавил Ривен.

– Ну, разве они не умнички? – восхитилась Дама Гламмер. – Великие небеса, так ты, Симон, держишь жизнь бурундучка в бутылке? Темная магия, вот что это такое!

– Ничего подобного, – ответил Симон. – Это магия чародеев.

– Ну, а я о чем? – сказала Дама Гламмер. – Темная магия. Чародейские штучки.

– Я никакого волшебства творить не умею, – сказал Ривен.

– Сотворишь, если я прикажу, – ответил Симон. – Вымойте руки и приходите ко мне.

Он развернулся и ушел в южное крыло, оставив дверь открытой.

Эльфвина и Ривен замерли на пороге мастерской, глядя на тело Джинкса. Окруженное множеством меловых знаков, оно приобрело несколько таинственный вид.

Дама Гламмер, пройдя мимо них, обогнула рисунки и встала у одной из жаровен.

– Заходите, птенчики.

– Да под ноги смотрите! – рявкнул Симон, едва они сделали по первому шагу.

– Знаешь, Симон, если ты будешь орать на птенчиков, им не захочется помогать тебе, – сказала, ухмыляясь, Дама Гламмер. Джинкс видел, что все происходящее представляется ей неимоверно забавным.

– Тоже верно. Встаньте у жаровен, птенчики. *Не наступайте на символы!* – Таким напряженным и сварливым Джинкс Симона еще не видел – похоже, он здорово нервничал из-за предстоящего чародейства. Что, вообще говоря, не радовало.

Джинкс нырнул в окно и еще раз взлетел над Урвальдом. Он вовсе не был уверен, что хочет ожить. Здесь он свободен и может вечно любоваться восходами и закатами.

Но с другой стороны, он был единственным, кто знал о грозящей Урвальду опасности. И если он так и будет порхать над лесом, то, скорее всего, ничего ей противопоставить не сможет.

А есть еще Эльфвина и Ривен, которые, похоже, ужасно горюют из-за того, что он… ну, в общем, умер, – и есть еще Симон.

И Джинкс проскочил сквозь каменную стену обратно в мастерскую.

Симон как раз протягивал Эльфвине горящий факел. Девочка взяла его и осторожно подступила к указанной Симоном жаровне. Сунула в нее факел, жаровня окуталась дымом. Тем временем Симон подозвал к себе Ривена и – с чуть большей учтивостью – Даму Гламмер и им тоже выдал по факелу. Потом и сам взял факел и разжег четвертую жаровню.

– Теперь встаньте вокруг Джинкса – нет, не так близко! Мне нужен круг, а не равнобедренный треугольник, – Симон подошел к своим помощникам, и стал толчками расставлять их по

местам. – Вот так, лицом к нему.

И наконец, сочтя расстановку удовлетворительной, сам занял место в кругу у тела Джинкса.

– Ну, чего вы ждете? Пошевеливайтесь!

– Это ты нам говоришь? – спросил Ривен.

– А кому же еще? Джинксу?

– Вообще-то, мог бы и Джинксу, – ответила Эльфвина, подступая вместе с другими на шаг к телу.

– Теперь идите по кругу! Нет-нет, противусолонь!

– Противусолонь, птенчики, означает против движения солнца, – сказала, легонько подтолкнув Ривена, Дама Гламмер. – Это нужно, чтобы дать заклинанию обратный ход.

– Я знаю, что такое противусолонь, – пробормотала Эльфвина.

Сверху казалось, что тянущиеся за факелами языки пламени образуют кольцо над головами четверки людей. Джинкс смотрел, как оно медленно вращается вокруг тела, которое выглядело в падавших на него желто-оранжевых отблесках почти живым.

Симон монотонно запел что-то на неведомом Джинксу языке.

– Мы тоже должны тебе подпевать? – спросил Ривен.

– Молчи. Нет, – ответил Симон и запел снова.

Поднимавшийся от факелов и жаровен дым вился вокруг Джинкса подобно жизням, вырвавшимся из бутылок Костоправа. Сознание Джинкса путалось, как если бы происходившее внизу было не реальностью, а сновидением. Кольцо огня и ритмичный напев вырвали его из действительности и перенесли куда-то в такое место, где он уже не понимал, почему висит под потолком, а не соединяется с собой, лежащим на полу.

Симон остановился, преклонил колени. Ривен наткнулся на него.

– Встаньте на колени, все. Возложите ладони на тело.

Теперь все четверо стояли на коленях вокруг Джинкса, и шесть ладоней лежали на нем – не хватало только ладоней Симона.

Чародей глянул вверх, в точности туда, где плавал Джинкс, не уверенный, впрочем, что он и вправду здесь плавает.

– Если все получится, Джинкс, ты, скорее всего, почувствуешь себя так, словно только что упал с верхушки огромного дерева. Прости!..

Он достал из кармана зеленую бутылку, склонился над телом, откупорил ее и сразу поднес к губам Джинкса.

И тот почувствовал, что плавно скользит, приближаясь к своему телу. Он мог и не делать этого. Выбор у него был. Он мог улететь и парить над Урвальдом. Джинкс приостановился, завис

прямо над телом, а затем принял решение.

Последний участок пути оказался особенно трудным. Джинкс инстинктивно сопротивлялся происходившему.

– Не шевелись, мальчик! – Симон положил ладони ему на плечи.

А потом шевелиться Джинксу уже и не хотелось – нисколечко. Все его тело превратилось во вселенную, тянувшуюся к бесконечно удаленному горизонту, за которым кончалась боль. Ничего, кроме боли, он не ощущал. Насколько мог судить Джинкс, он остался в мастерской наедине с болью, а может, и мастерской-то никакой не было. Боль заново соединяла и сращивала его кости, распределяла по прежним местам мышцы, заставляла костный мозг производить огромные количества крови – взамен потерянной, – Симон когда-то рассказывал ему об органах, скрытых в человеческом теле, но теперь Джинкс ощущал каждый из них с превеликой силой.

– Принесите ему что-нибудь попить, – наконец пробился сквозь боль голос Симона, и эхо его рассыпалось бесконечными повторениями, звеня внутри черепа Джинкса: *«что-нибудь попить нибудь попить что-нибудь по-пи-пи-пи…»*

Ему хотелось снова покинуть пропитанное болью тело. Зря он сюда вернулся.

– Все хорошо, – сказал Симон. – Все хорошо, Джинкс.

Это звучало как мольба, не заверение.

– Да, – с немалым трудом выдавил, наконец, Джинкс. Все хорошо. Боль ушла, оставив по себе лишь жуткое воспоминание, от которого, решил он, обязательно надо будет избавиться.

– Ну вот, давай сюда питье, поднеси к… да нет, не обливай же его, дурочка! Сходи за другим.

– Извините, – прозвучал голос Эльфвины. – Но вы совершенно уверены, что, сказав хоть разок «пожалуйста», прямо на месте и умрете?

– Пожалуйста. Не шевелись, Джинкс. Полежи, пока твои кости не срастутся полностью.

– Думаю, уже срослись, – ответил Джинкс.

Он почувствовал, как чьи-то корявые пальцы сдавливают и тыкают его то там, то сям. Бесцеремонность их злила Джинкса, но сил противиться у него не было.

– Да, бурундучок починился, – подтвердила Дама Гламмер. – Видите? Косточки как новенькие.

Ее ладонь скользнула под спину Джинкса:

– Даже хребет.

Мыслей ее Джинкс не видел. Как не видел и прежде. Но даже с закрытыми глазами он чувствовал, насколько изумлен Ривен,

видел большой оранжевый шар его удивления. Эльфвина же излучала облегчение и мерцающее ярко-синее счастье от того, что Джинкс вернулся, – и такими же чувствами сиял Симон.

Джинкс слышал, как Эльфвина плачет. И это нисколько не соответствовало тому, что она чувствовала. Какие они все-таки странные создания – люди.

– Уйдите отсюда, пусть он отдохнет, – сказал Симон.

Послышались шаги, все ушли – кроме Симона. Джинкс медленно открыл глаза. Симон смотрел на него, но, увидев, что глаза Джинкса открываются, фыркнул «пф!», поднялся на ноги и начал прибираться в мастерской. Раньше он никогда этого не делал. Ждал, пока приберет Джинкс.

Джинкс провожал его взглядом. Ни радости, ни облегчения лицо чародея не выражало, оно говорило только одно: хлопот с этим мальчишкой не оберешься, – и отсюда следовало, что выражения лиц и слова, которые избирают люди, не всегда похожи на происходящее в их головах. У Симона из-под угрюмости пробивалось теплое голубое облако, которое, расширяясь, охватывало и Джинкса, и тот впервые сообразил, что оно существовало всегда.

– Однако этого мало, – выговорил Джинкс.

Симон, вытряхивавший в окно пепел, обернулся:

– Чего именно?

– Голубого облака.

Рябь розоватой тревоги пробежала по облаку, но до лица Симона не добралась.

– А не позволишь ли ты и мне поучаствовать в том разговоре, который совершается только у тебя в голове?

– Ты не имел права отбирать у меня мою магию, – сказал Джинкс. – Или жизнь. Можно мне еще попить? Пожалуйста, – добавил он, надеясь подать Симону хороший пример.

Симон встал рядом с ним на колени, дал ему воды.

– Спасибо, – сказал Джинкс. – Почему ты не пришел раньше?

– В смысле, чтобы спасти тебя? Ты отправился именно в то место, к которому я просил тебя не приближаться…

– Нет, не просил.

– Еще как просил. Я же говорил тебе: держись подальше от Костоправа. Ты когда-нибудь слушал, что я говорю?

– Да. Все время, – ответил Джинкс. На него наваливалась усталость. – Но ты же следил за мной через Дальновидное Окно, для того и дал мне ту золотую птичку. Почему же не пришел быстрее? Или ты не следил?

Симон отвел взгляд в сторону.

– Я был занят.

– Ты забыл. Ты *всегда* обо мне забываешь.

– Глупости. Я просто позволяю тебе взрослеть.

– Ты был слишком занят ссорами с Софией, вот и забыл обо мне, – сказал Джинкс. Ах, ну конечно же… – Так тебе стало лучше?

– Гораздо лучше, спасибо, что спросил, – язвительно ответил Симон. – В первые несколько дней после твоего ухода я наблюдал за тобой, но потом… да, ты прав, это вылетело у меня из головы. Я даже не догадывался о происходящем, пока Дама Гламмер не навестила меня, дабы радостно сообщить, что направила вас в Костяное гнездо и что Костоправ намерен убить тебя тридцать первого августа, – а появилась она тридцатого.

– Как она об этом узнала? – спросил Джинкс.

– Полагаю, Костоправ ей весточку послал.

– Он посылает ей весточки? Выходит, она с ним заодно?

– Дама Гламмер заодно только с самой собой.

– Но она же…

– Знакомых не выбирают, – коротко ответил Симон.

– Как она может водить знакомство с…

– Я ведь говорил тебе, что и ее следует сторониться. Послушай, раз уж ты не спишь и не прочь поболтать, может, расскажешь мне, как гостил у Костоправа?

Джинкс так и сделал. Ему казалось странным, что он думал когда-то: Симону доверять нельзя. Впрочем, это было после того, как он лишился своей магии. Теперь же он все видел ясно и знал, что может верить Симону, – во всяком случае, верить, что тот так Симоном и останется. Но это было его личной проблемой.

По крайней мере, он снова видел перед собой прежнего Симона – того, каким тот был до «бутылочного» заклинания.

– Он говорил, что ты убил меня.

– Вот как? Ну, тут он ошибся.

– Хотя ты ведь и убил. Засунул мою жизнь в бутылку…

– А потом вернул тебе. Она же вернулась, верно?

– Да, но Костоправ сказал, что…

– О, теперь Костоправ стал у нас главным судьей истины, так? Вся сложность как раз в том и состояла, чтобы не убить тебя. Это и делало заклинание столь трудным.

– Он обошелся с тобой точно так же.

Симон промолчал.

– Упрятал твою жизнь в бутылку.

– Да, – ответ сопровождала холодная, зеленая, злая мысль.

– Он думал, что ты поручил мне выкрасть ее, – сказал Джинкс.

– Я никогда не сделал бы этого. Тем не менее… – повисла

долгая, трудная пауза. – Благодарю тебя.

– Не за что. Но почему твоя жизнь оказалась в его руках? Нет, я понимаю, он использовал твою жизненную силу, но почему ты позволил ему это? Или он обманул тебя?

Как ты обманул меня?

Симон встал, отошел к верстаку и принялся возиться с тем, что на нем стояло. Джинкс слышал, как он открывает шкатулки, передвигает сосуды, и думал, что Симон ему не ответит. Самые разные мысли и чувства сердито сшибались друг с другом на поверхности сознания Симона.

– Это обычная цена, – наконец, произнес Симон. – Все время учебы ученик позволяет чародею пользоваться своей жизненной силой.

– Так ты был его учеником? – вот уж чего Джинкс никак не ожидал.

– Да. И не смотри на меня так.

– Но зачем?

– Хотел стать чародеем, зачем же еще?

Симон начал толочь что-то в ступке.

– Но… разве ты не понимал, что он – злой?

– Нет, – вздохнул Симон. – То есть да. Поначалу я не думал об этом, потому что нуждался в наставнике. А после тоже не думал, поскольку мне было… неудобно об этом думать.

– Неудобно, – повторил Джинкс.

– Ну, если *ты* никогда в жизни не ловил себя на том, что подыскиваешь оправдания для чего-то заведомо дурного, очень за тебя рад, – огрызнулся Симон. – Но под конец я больше не смог делать вид, будто не знаю, кто он такой, и сказал ему, что ухожу. А он заявил, что, поскольку я не доучился, жизнь мою он возвращать не обязан.

Говорил Симон легко и свободно, однако мысли его боролись друг с другом; одни не желали, чтобы Джинкс или *кто угодно* знал о происшедшем с ним, другие утверждали, что самое лучшее – обо всем рассказать. «Уж не это ли, – подумал Джинкс, – и делало Симона таким раздражительным? Ведь в голове его постоянно происходило что-то вроде собачьей свары».

– Но почему ты не забрал свою жизнь, когда уходил? Да и другие тоже – те, что были в бутылках?

– О других я не знал, – сказал Симон.

– Как же ты мог не знать, когда…

– Они были спрятаны. Я так и не нашел того подземного хода, да и не думал его искать. Я знал только, что Костоправ убивал людей.

– Ты это видел?

Мысли Симона словно захлопнули дверь перед носом Джинкса – так резко, что он вздрогнул.

– Довольно разговоров. Тебе следует отдохнуть.

– В чем разница между мертвецами в бутылках и… нами?

– Она такая же, как между мертвым и живым.

– И люди в бутылках действительно были мертвы, полностью?

– Теперь – стали, – ответил Симон. Мысли его словно выстраивали клетку вокруг слов. – В бутылках хранились не жизни их, а приостановленные смерти. Они-то и создавали силу. Костоправ похищал мгновение человеческой смерти и прятал его в бутылку. Мешал человеку идти дальше.

«Если ты знаешь это, – подумал Джинкс, – то должен был знать и о существовании бутылок».

– Значит, когда я упал и бутылки разбились…

– Смерти вырвались на свободу.

– И теперь те, кто сидел в бутылках, вернутся к жизни?

– Нет, – сказал Симон. – Однако они будут свободны.

– А что это значит?

– Не знаю, – ответил Симон. – По-твоему, я знаю все на свете?

Он зажег свечу, поднес к ней зажим со склянкой, покачал ее над пламенем. Потом взял из ступки щепоть порошка, снял что-то с полки – что именно, Джинкс не разглядел, – и отправил все в склянку.

– Ты уничтожил бóльшую часть силы Костоправа, – сказал после некоторого молчания Симон. – Молодец.

Похвалы Джинкс слышал от Симона так редко, что только через минуту понял: его похвалили.

– Ну, мне в этом сильно помогли, – сказал Джинкс. – Но почему он не отправлял их в бутылки живыми?

– Потому что для этого необходимы куда более сложные чары.

– И они требуют человеческих жертвоприношений, – сказал Джинкс.

Симон резко повернулся к нему:

– Кто тебе такое сказал?

– Разве это не магия смертной силы? И ты использовал ее против меня!

– Не говори глупостей, – ответил Симон. – Ты ведь присутствовал при этом. Разве я принес кого-нибудь в жертву?

– А меня?

– Ничуть, – сказал Симон. – Я же говорил тебе: тот, кто умеет смотреть, почти всегда сможет найти в магии обходной путь. Для этого и потребовались корешки Дамы Гламмер.

Джинкс видел: он говорит правду.

– Как по-твоему, что было в другой бутылке? – спросил Джинкс. – В той, окруженной лентами дыма?

– Не имею представления, – ответил Симон. – Но ты правильно поступил, не коснувшись ее.

Значит, какое-то представление ты все же имеешь. Как имел его и Джинкс.

– Я думаю, она содержала жизнь Костоправа.

– Возможно, – согласился Симон.

– Теперь он опять начнет убивать людей, так? Чтобы вернуть себе силу.

– Я намерен помешать ему в этом.

«Однако прежде ты ему не мешал», – подумал Джинкс. Он вспомнил зеленый, имевший форму бутылки страх, возникавший у каждого человека при мысли о Костоправе. Как правило, у разных людей и чувства выглядят по-разному, однако этот страх у всех был одинаков, как будто… ох!

– Ты накладывал на людей заклятие – и давно уже, чтобы заставить их бояться Костоправа? – спросил Джинкс.

– Нет, конечно, – ответил Симон. – Просто рассказывал им о нем.

– Так это ты распускал всякие слухи – вроде того, что он высасывает души через соломинки?

– Это как раз правда, более или менее. Но такие разговоры заставляли людей сторониться его.

– А откуда же тогда взялось столько мертвецов?

– Большей их частью он обзавелся прежде, – сказал Симон.

Слово «*прежде*» неловко шмякнулось о стену, окружавшую мысли Симона.

– Прежде, чем ты от него ушел?

– Да.

– А после того как люди услышали твои истории, заманивать их Костоправу стало труднее, – догадался Джинкс. – Что ты украл у него?

Симон постучал костяшками пальцев по книге в красном переплете, что лежала открытой на рабочем столе.

– Но ведь ты использовал ее для…

– Это книга, которая помогала ему убивать, – перебил Симон.

– И помогла *тебе* забрать мою жизнь.

– А после вернуть ее назад.

– Может он, не имея книги, сотворить бутылочное заклятие?

– Откуда ж мне знать? Тут все зависит от того, насколько хороша его память.

– Почему ты его не убил? – спросил Джинкс.

– Думаешь, я такой уж любитель убивать?

Джинкс посмотрел на череп по имени Кальвин, стоявший на рабочем столе у локтя Симона.

– Ну если, убив его, ты сможешь спасти множество человеческих жизней…

– Или сгубить их. Я же не знаю, *чью* смерть он привязал к своей. Мою, естественно, без этого я в бутылке не оказался бы…

– Ты хочешь сказать, что, убив его, умер бы и сам?

– Очень может быть. Вместе с не-знаю-кем-еще.

Симон накапал что-то из большого сосуда в склянку, которую нагревал.

– Но теперь ты извлечешь свою жизнь из бутылки? – спросил Джинкс.

– Не получится. Вернуть ее мне может только другой чародей. Там очень сложное заклятие.

– На меня-то ты его наложил.

– Верно. Однако наложить его на себя я не могу.

– Ну, в Урвальде есть и другие чародеи.

– Есть, однако никому из них я свою жизнь не доверю.

Джинкс начинал кое-что понимать.

– Почему бы не научить этому заклятию Софию? Ведь на самом деле ей нравится магия.

При упоминании о Софии все мысли Симона стали оранжево-пепельными, – как догоравшее в очаге полено.

– Потому что София не знает, что моя жизнь заточена в бутылку, а я не хочу, чтобы она это знала.

– Ты не доверяешь ей? – удивился Джинкс.

Вокруг головы Симона заискрилось – и даже потрескивая, показалось Джинксу, – раздражение.

– Конечно, доверяю. Просто рассказывать жене о таких вещах не принято.

– А где она?

– Ушла.

– Вернулась в Самарру?

– Да.

– Она еще придет?

– Откуда мне знать? Ладно, если ты уже…

– Постой, она *обещала* вернуться?

– Она сказала, что должна все обдумать. Так вот, если ты уже закончил допрос…

– Обдумать что?

– Все. Женщинам это порою необходимо. Ты еще поймешь… когда вырастешь… что они делают с нами. И с тобой будет то же самое.

– Например, решить, хочется ли ей остаться твоей женой?

– Джинкс, я не желаю это обсуждать.

Впрочем, по форме мыслей Симона Джинкс понял, что догадка его верна и лучше всего оставить пока эту тему.

– Получается, ты хочешь, чтобы заклинание сотворил я, – сказал Джинкс. – Но я же не очень силен в магии.

– Ты еще станешь сильнее. Возраст помогает в этом. Иногда.

Симон снял склянку с пламени, перелил окутанную паром жидкость в чашку.

Не исключено, что Джинкс *уже* стал лучшим магом, чем был. Сумел же он совсем недавно вобрать в себя силу Урвальда. Правда, после этого…

– В домике Дамы Гламмер я никаких чар сотворить не смог.

– В домах ведьм чародейская магия вообще не действует.

– А почему?

– Откуда ж мне знать? Ты об этом у какой-нибудь ведьмы спроси.

Джинкс вспомнил кое о чем еще.

– Когда Костоправ услышал о твоей ране, он сильно встревожился. Это лишь потому, что, если ты умрешь, бутылка с твоей жизнью утратит силу?

– Ты говорил ему, что я ранен? – маленькие молнии гнева.

Вообще-то сказала об этом Эльфвина, такое уж у нее заклятие. Но Джинкс решил ее не выдавать.

– Я не нарочно.

– Это было глупо.

– Прости, – сказал Джинкс. Попросить прощения было легче, чем спорить.

Добавлять к этому, что он в то время считал Симона злым колдуном, было бы, пожалуй, бестактно.

– Значит, и моя жизнь связана с твоей, верно? Если ты умрешь, умру и я? – спросил он.

– Во-первых, нет. Поскольку твоя жизнь больше не спрятана в бутылке. И во-вторых, нет. Поскольку я, видишь ли, разбираюсь в бутылочном заклятье гораздо лучше, чем Костоправ. И в-третьих, нет. Потому что заклятье срабатывает, только когда ученик убивает учителя.

– Я бы никогда…

– А то я сам не знаю! – Симону удалось сказать это так, точно он рассержен на Джинкса за нежелание его убивать. – Однако очень многие ученики пытались убить своих учителей-чародеев. Поэтому это заклятие изначально и создано было именно таким.

«Стало быть, Симон сумел изменить заклятие, – подумал Джинкс. – Он использовал корни и сделал ненужным

человеческое жертвоприношение». А теперь ему, Джинксу, предстоит научиться снимать его, вернуть Симону жизнь, чтобы Костоправ не имел возможности снова прибрать ее к рукам. Но ведь Джинксу и простенькие заклинания давались с трудом. И он всерьез сомневался, что сможет когда-нибудь сотворить вот это. Да еще сотворить правильно, не погубив Симона. Мысль об этом была и пугающей, и изнурительной. Почему именно он?

– Потому что когда-то я был просто жизнью, заблудившейся в лесу, – ответил сам себе Джинкс.

– Ты что же, думаешь, если бы ты был для меня бесполезен, я отдал бы тебя троллям?

Симон побалтывал чашку с жидкостью, чтобы та скорее остыла.

– Но ведь сначала ты меня даже читать не учил.

– Ну ладно, – маленькое сиреневое облачко смущения, подумать только! – Я действительно не собирался делать из тебя чародея, да только она все время твердила, какой ты умный.

«Значит, я нужен был для чего-то другого, – подумал Джинкс. – Для исполнения работы по дому, с которой ты легко управлялся посредством пары заклинаний? Для компании – все-таки человек лучше кошек? Или для того, чтобы получить закупоренную в бутылке живую жизнь?» Этого Джинкс не знал.

Симон подошел к нему с чашкой в руке, опустился на колени.

– Выпей.

Снадобье было ярко-зеленым.

– Что это?

– Сонное зелье, – объяснил Симон. – После смерти оправиться не так-то легко. Тебе необходимо отдохнуть, дать телу время исцелиться.

– Это совсем не похоже на сонное зелье, которое мы состряпали для Костоправа.

Оно и пахло по-другому – приятно, как осенняя листва.

– У меня вегетарианский рецепт. Без крыльев летучей мыши.

– Наше не подействовало, – сказал Джинкс, вспомнив, как Костоправ застукал их на краю обрыва.

– Да я уверен, что Костоправ его и не выпил, – сказал Симон.

– Эльфвина подлила зелье в питье, которое давала ему каждый день.

– Так он и того не пил. Не стал бы. Костоправ не из тех, кого легко одурачить.

Джинкс попытался взять у Симона чашку, однако рука не пожелала сделать то, что ей было велено. Только болталась и никак не хотела сжимать пальцы. Джинкса это напугало.

– Когда проснешься, все будет в порядке, – пообещал Симон.

И сам поднес чашку к губам Джинкса.

Вообще говоря, она могла содержать что угодно. Травить его Симон не стал бы, если, конечно, сказал правду о том, чего он ожидает от Джинкса. Однако снадобье могло отдать его во власть Симона, позволить чародею забирать, когда ему захочется, всю силу Джинкса – такие зелья, он знал, существовали.

Следует ли ждать от Симона чего-то подобного? Этого Джинкс не знал – даже теперь, когда его магия вернулась к нему и он мог читать (вроде как) чужие мысли. Но, в общем и целом, он полагал, что в подозрениях нет смысла, – ни сейчас, ни после того, как Симон столь сильно обрадовался, увидев его живым. Джинкс внимательно осмотрел все облачка, окружавшие голову Симона. Чувства вины ни в одном не было. И теплое голубое облако никуда не ушло. А еще была стена и все, что скрывалось за ней.

Джинкс выпил снадобье. Оно оказалось вкусным.

Мальчик зарылся в теплую синеву и заснул.

Глава двадцать четвертая
Заклятие Ривена

Проснулся Джинкс еще до зари, когда в небе только-только проявился сероватый свет. Он встал, вышел в кухню. У очага сидела в окружении кошек Эльфвина. Увидев Джинкса, она вскочила и крепко обняла его.

– А где все? – спросил Джинкс.

– Ривен спит в твоей башне. Симон где-то там, – Эльфвина махнула рукой в сторону южного крыла. – Он только этой ночью вернулся домой.

– О чем ты? Мы же все пришли сюда вчера, – Джинкс подошел к буфету, чтобы налить себе сидра.

– После того как мы поколдовали над тобой, Симон с бабушкой ушли снова. Отправились усиливать стражу, которую Симон выставил вокруг острова Костоправа. Два дня на это потратили. А потом бабушка, я так думаю, поскакала домой.

– Два дня? Но…

– Ты проспал три.

– Но это просто смешно! Никто не может проспать три дня.

– Ты смог.

Джинкс ей не поверил:

– Нет, правда?

– Да.

А поскольку ей пришлось отвечать на вопрос, оставалось только одно – принять ответ за истину.

Вот почему у него так сухо во рту. Джинкс залпом проглотил весь сидр.

– Я думал, твоя бабушка дружит с Костоправом.

– Конечно, нет. Кто же с таким дружить станет?

С этим Джинкс спорить не стал.

– Так ты не захотела возвращаться в ее дом?

– Ну, я ведь уже побывала там, – ответила Эльфвина. Она села за стол и подняла с пола кошку себе на колени.

– Да, но…

– Я же тебе говорила, мне не хочется жить у нее. А здесь мне нравится. Такая красивая прогалина. И коз можно доить!

– На твоей прогалине коз нет, что ли?

– Коз нет, только глупые коровы. А Симон на самом деле милый, если к нему приглядеться.

А вот это было настолько далеко от правды, что Джинкс поневоле рассмеялся.

– Если я веду себя, как Симон, ты называешь меня грубияном.

– Никогда я такого не говорила.

Джинкс решил не спорить.

– Стало быть, ты собираешься вернуться на Калликомскую прогалину?

– Не знаю. Мне нужно кое-что обдумать.

Уточнять, что именно, она не стала.

Джинкс налил себе еще сидра, достал из буфета кусок тыквенного пирога. А съев его, вышел из дома – рассказать деревьям, что он жив.

* * *

Джинкс зарылся пальцами в теплую почву Урвальда. Было у него такое чувство, что после его смерти необходимость в этом отпала, он все слышал и так. Во время полета над Урвальдом связь Джинкса с деревьями изменилась. Но до чего же приятно было почувствовать землю между пальцами ног! Сейчас лес говорил о конце лета, о том, что в это время чувствуют листья, о боли на закраинах Урвальда, об Ужасе, поселившемся в доме Симона.

– *Слышащий жив,* – спустя какое-то время сказали деревья. –

И даже новые побеги выпустил.

Никогда еще Джинкс не слышал голос Урвальда так ясно. Говорило не какое-то одно дерево, – корни перекидывались словами, и разговаривал весь лес. Читать мысли Джинкса Урвальд не умел, однако мальчик обнаружил, что может теперь, укоренившись ногами в земле, сам посылать их лесу. И потому рассказал о вернувшейся к нему из бутылки жизни.

– Чародейская магия, – постановил лес.

– Чародейская магия отличается от магии Урвальда, – сказал Джинкс.

– Чародейская магия, ведьмовская магия – все это магия. И вся она происходит из Урвальда.

– Значит, я могу творить и чародейскую магию, и магию Урвальда? – спросил Джинкс. *– Я о той магии Урвальда, что отличается от чародейской.*

– Можешь, Слышащий. Мы не думаем, что на это способен кто-то еще. Но ты – да, вероятно, возможно, всяко бывает. – На этот счет у пересекающихся корней полного согласия не было.

– Вы ведь позволили мне использовать вашу силу.

– Это твоя сила.

– Я говорю о силе, которая исходит от деревьев, – уточнил Джинкс. *– Исходит от Урвальда.*

Деревьям его слова показались смешными.

– Деревья – это еще не Урвальд. Как раз деревья-то и есть Урвальд. Нет, не деревья. Не только они. Все твари, живущие в Урвальде. Все Торопыги. Даже вероломные люди. Даже волшебники – все это Урвальд.

Джинкс и сам почувствовал это, когда летал над лесом.

– Но другие чародеи вашей силой не пользуются, – сказал он. *– Просто не могут, так?*

– Не могут. Не слушай. Конечно, могут, да только они неправильно обращаются с ней. И с тобой то же случится.

– Со мной не случится.

– Случится.

Джинкс решил, что спорить не стоит. Сами все увидят – со временем. И он сказал:

– Насчет Ужаса…

По корням рябью прокатил страх.

– Я собираюсь увести его из Урвальда, – сказал Джинкс. *– Дойти с ним до края леса и не дать ему навредить по пути ни одному дереву. Но можете вы обещать, что не сделаете ему ничего дурного, пока мы будем идти? Не станете ронять ничего ему на голову, не станете насылать огров, позволите ему выйти из леса в целости и сохранности? Я скажу, чтобы он никогда к вам не*

возвращался.

– Мы попробуем. Однако над Торопыгами мы не властны. Над оградами, волколаками, упырями. Над людьми. Еще как властны. Нет, не властны. Посмотрим, что можно будет сделать.

– Спасибо, – сказал Джинкс.

Затем он спросил у деревьев, известно ли им, кто такой Ривен. Этого они не знали – или знали не в том смысле, какой подразумевал Джинкс. Для них Ривен был просто Ужасом.

* * *

Ривен рубил на дворе дрова. Симон месил в кухне тесто для хлеба.

– Тебе помочь? – спросила Эльфвина.

– Стряпней я занимаюсь сам, – резко ответил Симон.

– Ты можешь почистить картошку, – сказал девочке Джинкс. – Это он другим дозволяет.

– Картошку совсем уж испортить трудно, – согласился Симон.

Джинкс достал из ларя несколько картофелин и опустил их в лоханку с водой, которую накачала Эльфвина.

– Ты что-нибудь решила насчет возвращения на Калликомскую прогалину? – спросил Джинкс.

Эльфвина старательно чистила картошку.

– Да. Мне лучше не возвращаться. Там от меня немного устали. Из-за моего заклятия.

– Так оставайся здесь.

– На меня можете внимания не обращать, – съязвил Симон. – Я всего-навсего кухарка.

Эльфвина взглянула на него:

– А вот мое заклятие…

– Я не могу снять его, – перебил Симон. – Это не чародейская магия.

– Потому что его наложила злая фея? – спросила Эльфвина.

Симон нахмурился.

– От кого ты это слышала?

– От мамы.

– Нет никаких фей, – сказал Симон. – Феи только в сказках бывают.

Эльфвина поджала губы, кивнула:

– Понятно. Тогда кто же его наложил?

– Я этого знать не могу, – ответил Симон. – Но сомневаюсь, что это был чародей. Чтобы заклясть живого человека, нужно израсходовать огромное количество силы, а понять, какой смысл

тратить ее на тебя, трудновато.

Эльфвина кивнула снова:

– Стало быть, фей нет, чародей со мной связываться не стал бы. А как насчет ведьмы?

– Ведьме заклясть человека гораздо легче, чем чародею, – сказал, вспомнив давний разговор, Джинкс.

– Не понимаю, с чего бы и ведьма надумала наводить на тебя такие чары, – пожал плечами Симон.

– Ей не нравились девочки, которые много врут, – ответила Эльфвина. – Она гостила у нас, на Калликомской прогалине, когда мне было два года. Я думала, что помню это, но мама сказала: быть того не может. Ведьма заявила, что маленьким девочкам врать не к лицу, и наложила на меня заклятие.

– Я так понимаю, это была твоя бабушка, – сказал Симон.

Эльфвина кивнула еще раз:

– Наверное, потому она к нам больше и не приезжала. По-моему, мама страшно на нее рассердилась. Они так ругались!

– А о чем ты соврала? – спросил Джинкс.

Эльфвина покраснела.

– Я съела всю землянику, какую мы собрали, а когда она спросила, сказала, что не делала этого.

– Никогда не задавай вопросов человеку, который не может на них не ответить, Джинкс. Это невежливо, – сказал Симон.

– Это *ты* меня надумал вежливости учить?

– Ага. Принеси-ка еще дров.

Джинкс сердито выскочил из кухни. Симон учит кого-то вежливости – помереть можно от смеха!

Ривен стоял у поленницы и колол дрова. Ему страшно нравилось раскалывать поленья, – он уже расколол каждое на мелкие части, которые еще можно было назвать дровами. И теперь продолжал колоть их в щепу.

– Ты готов отправиться туда, куда шел до нашей встречи? – спросил Джинкс.

Вокруг мыслей Ривена обозначилась расплывчатая желтая линия, он отвернулся. «Наверное, – подумал Джинкс, – эта линия и есть заклятие Ривена». Может, теперь, когда он, Джинкс, знает о желтой линии, ему удастся что-то с ней сделать.

По прогалине к ним приближалась Эльфвина.

– Я хочу, чтобы ты покинул Урвальд, – сказал Джинкс. – Ты ведь все равно собирался уйти, верно?

Ривен улыбнулся.

– *Ты* хочешь? Я думал, в Урвальде нет короля.

– Нет, – согласился Джинкс. – Однако… в общем, таково желанье деревьев.

– Ты же не хочешь сказать, что они похожи на людей?

– Нет, конечно. Но в этом-то и проблема.

– Может быть, если Ривен поживет здесь подольше, он все поймет, – сказала, подойдя к ним, Эльфвина.

– Деревья не хотят, чтобы он долго здесь жил, – то, что он сейчас делал, было противно Джинксу. – Ты же собирался уйти, так? Тебе тут не место.

– Но погостить здесь очень приятно, – возразил Ривен.

– Когда мы встретились, ты направлялся куда-то, – не отставал Джинкс. – Пересекал Урвальд. С запада на восток.

Желтая линия, окружавшая мысли Ривена, приобрела оранжевый оттенок. Джинкс подбирался к его заклятью все ближе.

– В сторону Калликомской прогалины, – сказала Эльфвина. – И страны короля Синезуба.

– Оранжевая, – выпалил Джинкс. Вот те и на! Он не собирался никому сообщать, что к нему вернулась способность видеть чужие мысли. Эльфвина была права: людям может захотеться убить его за такие способности. – В Ключеземье, так? Ты шел в Ключеземье?

– Это ключеземцы хотят вырубить деревья, – сказала Эльфвина.

– И, по-моему, уже делают это, – подтвердил Джинкс. – Деревья говорят, что кто-то валит лес.

– Король Синезуб – очень плохой человек, – продолжала Эльф– вина. Она не сводила с Ривена глаз.

– Истинно так, госпожа моя, – эти слова вроде бы дались Ривену без усилий, однако линии вокруг его мыслей снова стали оранжевыми.

– Это он убил твоего отца, – сказала Эльфвина.

Ярко-оранжевые.

Ривен молчал.

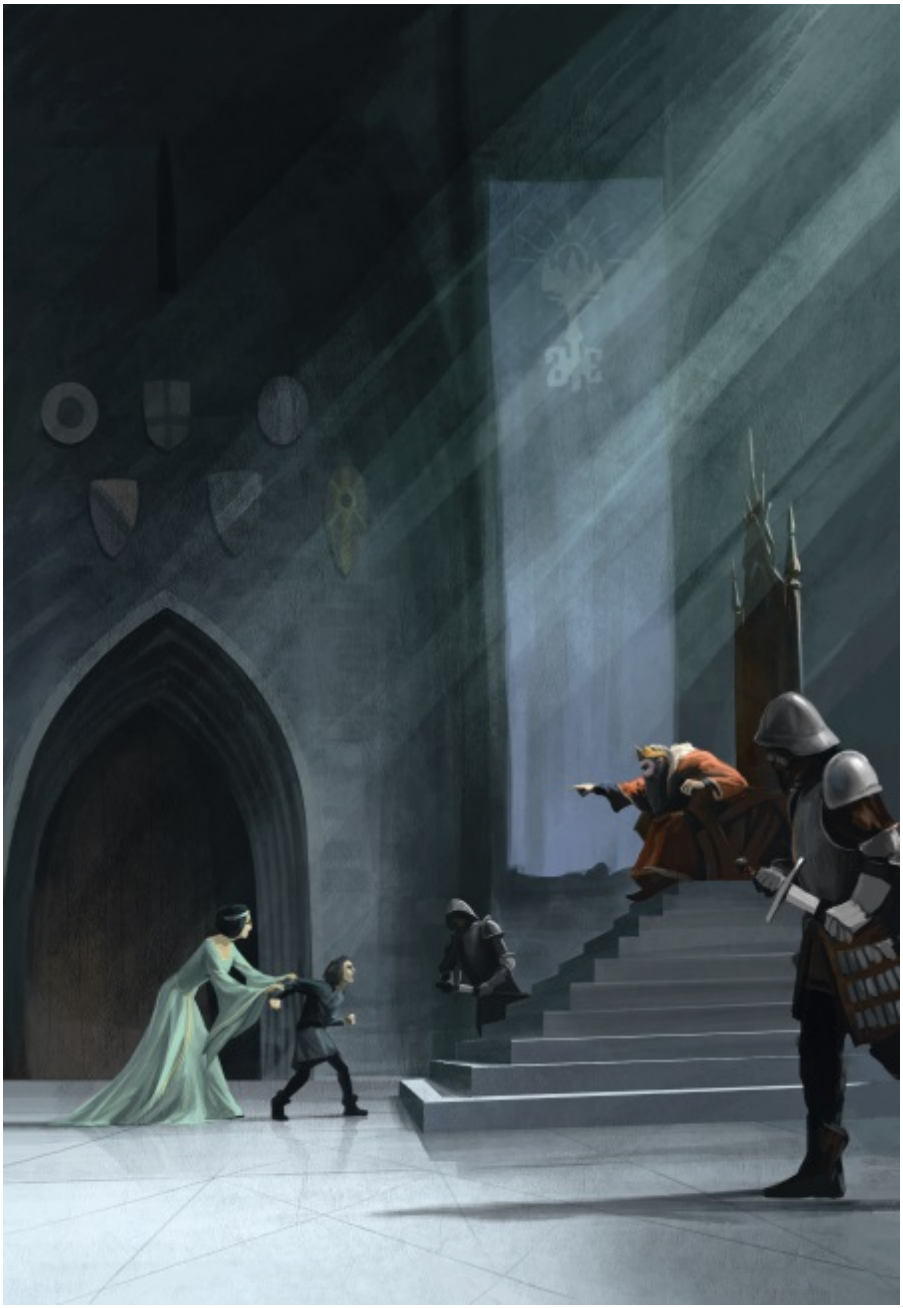
– Как ты это узнала? – спросил Джинкс.

– Я заподозрила это, когда Костоправ назвал Ривена важной персоной. Он как раз в том возрасте, чтобы быть мальчиком, которого король Синезуб объявил убитым. И это сходится со всем, о чем Ривен не может рассказывать.

Джинкс все равно не понял:

– Кем же тогда был убитый мальчик?

– Другим королевским племянником. Синезуб убил своего брата, настоящего короля Ключеземья, а после убил мальчика и мать Ривена. Я тебе уже говорила.



Ривену явно было не по себе. Он подбросил топор высоко в воздух и поймал его левой рукой.

– Однако я думаю, что на самом деле твоя мачеха, новая жена покойного короля, бежала с тобой в Бахвалес, – сказала Эльфвина. – Хотя нет, не совсем так, вы же были пленниками правящего в Бахвалесе короля Руфуса, верно?

– Нет, – ответил Ривен. – Мы были вроде как гости.

– Однако он убил твою мачеху за то, что она говорила людям, кто ты, – продолжала Эльфвина.

– Увы, госпожа моя.

Линии уже пламенели, Джинкс видел, что Ривен старательно нащупывает слова, произнести которые заклятье ему не запретит.

– Но почему Руфусу пришлось так поступить? – вслух размышляла Эльфвина. – Возможно, король Синезуб платил ему, чтобы он держал тебя там и сохранял твою тайну.

Линии заклятия Ривена покраснели.

– Думаю, это правда, – сказал Джинкс.

– Зная, куда тебя упрятали, он уверил всех в твоей смерти, – размышляла вслух Эльфвина. – А платил очень много, судя по тому, как отчаянно старался король Руфус оградить твою тайну. Я о том, как он поступил с твоей мачехой.

– Король Руфус, госпожа моя, никогда не ведал жалости. А такие дела ему по нраву.

– Да, – сказала Эльфвина. – Хорошо, что у нас нет королей. Но теперь, я полагаю, король – ты.

Джинкс увидел ярко-красный цвет.

– Трудно будет притязать на трон, не имея возможности открыть людям, кто ты.

– В жизни много трудностей, – сказал, тщательно подбирая слова, Ривен. – Но для того, кто упорен, невозможного нет.

– Иногда тот, кто не упорствует, живет счастливее, – ответила Эльфвина.

– Возможно, ты права, госпожа моя, – признал Ривен.

Джинкс задумался о том, что ожидает Ривена, – попытки отнять трон Ключеземья у злого короля Синезуба, отнять, не имея возможности объявить себя законным наследником. От этих мыслей у Джинкса даже голова заболела. И вправду хорошо, что в Урвальде нет королей. Однако и те, что есть в других землях, грозят лесу бедой.

– Ты тоже стал бы рубить Урвальд, если бы был королем? Как рубит король Синезуб? – спросил он.

Ривен улыбнулся:

– Разве можно вырубить Урвальд? Ты же видишь, какой он огромный.

Ну да…

– Я собираюсь проводить тебя до окраины Урвальда, – сказал Джинкс. – Я обещал это лесу.

Может быть, думал Джинкс, он даже в Ключеземье заглянет. Правда Толливер Странник говорил, что волшебников там убивают, а поскольку Джинкс умеет творить магию, его наверняка

сочтут волшебником. Однако тот же Толливер сказал: «Не побродишь по свету, так дураком и помрешь».

– Буду рад твоему обществу, друг Джинкс.

– Я тоже пойду, – сказала Эльфвина.

Она улыбалась Ривену, и мысли ее были розовыми, пушистыми. Если Ривен нравился ей, когда был грабителем и придворным в изгнании, то в роли лишенного трона короля должен нравиться ничуть не меньше. И тут Джинкс не без испуга сообразил, что в мыслях Ривена о ней ничего розового и пушистого не присутствовало. Мысли Ривена были точными и расчетливыми.

Джинкс набрал охапку слишком тонко нарубленных дров и напра– вился к дому. Он полагал, что Эльфвина останется с Ривеном, чтобы наслаждаться пушистыми розовыми мыслями о нем, однако девочка бегом нагнала Джинкса.

– Способность читать мысли вернулась к тебе, так? – шепотом спросила она.

Джинкс собрался было соврать, но передумал. Нечестно, решил он, врать Эльфвине, которая не может соврать в ответ.

– Только прошу тебя, не говори никому.

Она бросила на него жалостный взгляд – конечно, глупо просить Эльфвину сохранить что-либо в тайне. Джинкс вздохнул.

– Я постараюсь, очень-очень постараюсь, – пообещала она.

* * *

`– *Куда-куда* ты собрался?

– Я хочу проводить Ривена до Ключеземья, – ответил Джинкс. – Я должен. Пообещал это деревьям.

– Все та же чушь насчет разговоров с деревьями, о которых ты распространялся в детстве?

– Ты вовсе не думаешь, что это чушь, – ответил Джинкс. – И никогда не думал.

Мог бы это и раньше понять. Впрочем, лишившись магии, он поневоле научился догадываться, о чем думают люди, не заглядывая им в головы, и теперь понимать их мысли ему было намного легче.

– А разрешения ты у меня попросить собираешься или думаешь без него обойтись?

– Ты говорил, что я могу уйти, когда захочу. Что я должен повидать свет.

– Да, говорил – раньше, когда знал, что ты защищен и я смогу, скорее всего, прийти тебе на помощь, если тебя не сожрут

по-настоящему. Но теперь твоя жизнь не хранится в бутылке. – Симон нахмурился. – Полагаю, я мог бы снова поместить ее туда перед твоим уходом, однако…

– Нет, – сказал Джинкс.

– Ты прав. Слишком мало прошло времени, жизнь еще не успела оправиться, набраться сил…

– Я имел в виду – нет, никогда, – поправился Джинкс. – Больше ты никогда мою жизнь не заберешь. Она никогда не была просто жизнью, потерявшейся в дремучем лесу. Она моя.

Джинкс видел, что слова эти Симона не удивили, однако тот притворился удивленным, прищурился.

– Ссудить свою жизнь чародею – обычная цена ученичества. А кроме того, благодаря этой ссуде ты все еще жив.

Но Джинкс не желал вновь расстаться со своей магией. Если б он мог видеть мысли Костоправа, то знал бы, что тот и не подумает принимать сонное зелье Эльфвины, и может быть, не упал бы с обрыва.

– Я вернул тебе твою жизнь и собираюсь когда-нибудь вернуть ее *в тебя,* – ответил Джинкс. – Это и есть цена моего ученичества. Кроме того, я буду работать на тебя, как работал всегда, – прибираться в доме и прочее. И это тоже входит в цену. Но не моя жизнь.

– То есть теперь *ты* у нас правила устанавливаешь, так, что ли?

– Это моя жизнь!

– А что, если ты в конце концов так и не сможешь сотворить нужное заклятие? Или сбежишь от меня?

– Я не сбегу, – ответил Джинкс. Вот необходимость сотворить заклятье над Симоном его и впрямь беспокоила. Он помнил, как нервничал Симон, когда собирался сотворить такое же над ним, – наверное, существует куча возможностей ошибиться при этом, и каждая ошибка может закончиться катастрофой. Что ж, по крайней мере, у него есть сила, на которую можно опереться. Есть Урвальд.

Говорить о ней Симону он не собирался. Деревья были правы – другие чародеи *могут* обойтись с этой силой неправильно, а Симон был «другим чародеем» с большой буквы: ДЧ.

– Ты не должен уходить надолго, – сказал Симон. – И должен вернуться. Тебе еще столько всего нужно узнать.

Он ненадолго задумался.

– Пожалуй, мне придется послать тебя учиться в Самарру.

Самарра – вот куда Джинкс и вправду хотел бы попасть. Но тут в голове его грянула пренеприятная мысль.

– Я обещал Софии, что не буду.

– Не будешь что?

– Возвращаться в Самарру.

– Это было настоящее обещание или одно из тех, которые дают Софии, потому что другого выхода на самом деле нет? – уточнил Симон.

Джинкс понимал, куда он клонит.

– Пожалуй, второе.

– Не считается, – объявил Симон.

Настроение Джинкса посветлело. В правоте Симона он нисколько уверен не был. На самом деле очень похоже было на то, что Симон не прав. Однако, попав в Самарру, можно будет как-то договориться с Софией.

Джинкс был готов повидать мир.

Конец первой части

notes

Примечания

1

Немецкое слово *Урвальд* (Urwald) означает «первозданный лес, пуща». *(Здесь и далее – примечания Издателя.)*

2

Джинкс (Jinx) – имя говорящее. В английском языке этим словом обозначаются человек или вещь, которые могут принести неудачу. Слово появилось в американской культуре в XIX веке. Соответствует русскому слову «сглаз».

3

Полу́шка – мелкая разменная серебряная монета.

4

Слово *волхв* означает «кудесник, волшебник, гадатель», от него произошли слова «волшба», «волшебство», то есть колдовство.

5

Маслобойка похожа на большое деревянное ведро, в котором масло взбивается при помощи толкушки (пестика) или большой ложки. Обычно ведьмы предпочитают путешествовать в ступах, например, это любимое средство передвижения Бабы-Яги. Однако ведьмы Урвальда передвигаются именно на маслобойках.

6

Многие имена в книге говорящие. В английском языке слово *glamour,* которым зовется ведьма, означает «волшебство», «чары».

Унция – мера веса, приблизительно 28,35 г.

8

Фут – единица измерения длины в английской системе мер (от английского слова *foot* – «ступня»). 1 фут равен 30,48 см.

9

Пресс-папье́ – тяжелый предмет, которым придавливают лежащие на столе бумаги.

10

Бухта – это веревка, которую сложили таким образом, чтобы она не спуталась. Например, путешественники складывают веревку кру́гом или восьмеркой и перекидывают через круг петлю.

11

Стремя – это элемент конской сбруи, служит для упора ног всадника, помогая взбираться на лошадь. По форме напоминает треугольник. Складывая ладони стременем, Симон подсаживает Джинкса.

12

Ярд – единица измерения длины в английской системе мер, примерно 91,44 см.

13

Дюйм – единица измерения длины, примерно 2,54 см.

14

В английском языке имя *Ривен* (Reven) созвучно слову *revenge,* которое означает «реванш», «стремление проигравшей стороны изменить результат поединка и отплатить за поражение в новом противостоянии». Позже читатель поймет, что имел в виду автор, называя так своего героя.

15

Фуриями в древнеримской мифологии звали богинь мщения, а еще так иногда иронично называют разъяренных, злых женщин. Как точно выглядели фурии нашей героини, доподлинно неизвестно. Можно с уверенностью сказать, что действовали они быстро и неистово.

16

Имя героини созвучно английскому слову *elf*, что значит «эльф», «фея».

17

Деревья в Урвальде были поистине огромными: 2 м в поперечнике и 30 м в высоту.

18

Анафема – отделение кого-либо от общины, изгнание, проклятие.

19

Приблизительно 6 м.

20

Акр (acre) – единица измерения земельной площади. 1 акр равен 4046,86 м^2.

В кельтском языке слово *acre* означало «поле».

21

Горячий напиток из молока, вина и пряностей.

22

Приблизительно 7 м… 4,5 м… 3 м.

23

Приблизительно 3 м.

24

Реторта – сосуд грушевидной формы с отогнутым в сторону горлом.

Используется химиками и волшебниками для нагревания и перегонки веществ.

25

Немногим меньше 1 м.

26

Приблизительно 9 м.

Здесь слово *вакуум* употребляется в значении «пустота».

28

Про́тивусо́лонь – против движения солнца; *посолонь* – по солнцу, то есть с востока на запад.